

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ

КРИМИНОЛОГИЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

**Журнал Санкт-Петербургского
международного криминологического клуба**

№ 1 (28), 2013

Санкт-Петербург
2013

ББК 67
УДК 343
К 82

Учредитель

НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб»

Издатель

Редакция журнала «Криминология: вчера, сегодня, завтра»

Главный редактор

Шестаков Дмитрий Анатольевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Данилов Андрей Петрович

кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Заместители главного редактора

Дикаев Салман Умарович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Миненок Михаил Григорьевич

доктор юридических наук, профессор (Калининград, Россия)

Поклад Василий Иванович

кандидат философских наук, доцент (Луганск, Украина)

Сморгунова Валентина Юрьевна

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Тугельбаева Бермета Галиевна

кандидат технических наук, доктор юридических наук,
профессор (Бишкек, Киргизская Республика)

Редакционная коллегия

Алауханов Есберген Оразович

доктор юридических наук, профессор (Алматы, Республика Казахстан)

Ван Ян

доктор права, профессор (Пекин, Китайская Народная Республика)

Гондолф Эдвард

доктор психологии, профессор (Индиана, Соединённые Штаты Америки)

Горшенков Геннадий Николаевич

доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)

Кабанов Павел Александрович

доктор юридических наук, профессор (Набережные Челны, Россия)

Константинова Татьяна Владимировна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Корецкий Данил Аркадьевич

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Россия)

Кури Хельмут

доктор психологии, профессор (Фрайбург, Федеративная Республика Германия)

Лепс Андо

доктор юридических наук, профессор (Таллинн, Эстонская Республика)

Лунеев Виктор Васильевич

доктор юридических наук, профессор,
лауреат Государственной премии РФ (Москва, Россия)

Милюков Сергей Фёдорович

доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Мусаев Алауди Нажмудинович

доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Носкова Ирина Александровна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Сафонов Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Семикина Мария Сергеевна

соискатель учёной степени к.ю.н. (Хабаровск, Россия)

Сессар Клаус

доктор права, профессор (Гамбург, Федеративная Республика Германия)

Сулейманов Джаваншир Исламович

доктор юридических наук, профессор (Баку, Азербайджанская Республика)

Сыдыкова Лейла Чинтургановна

доктор юридических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика)

Харламов Валентин Станиславович

кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Хэслер Вальтер

доктор психологии (Бругг, Швейцарская Конфедерация)

Чураков Александр Владимирович

соискатель учёной степени к.ю.н. (Санкт-Петербург, Россия)

Корректор

Кононова Валентина Николаевна (Санкт-Петербург, Россия)

Переводчик

Добрынина Наталья Борисовна (Санкт-Петербург, Россия)

Криминология: вчера, сегодня, завтра. Журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. — 2013. — № 1 (28). — СПб., 2013. — 126 с.

Журнал выходит под научной редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д.А. Шестакова с марта 2001 года. Первоначальное название — «Криминология в развитии. Вестник Санкт-Петербургского криминологического клуба. Научно-теоретический журнал». Освещает общую криминологическую теорию, криминологические отрасли, частные криминологические проблемы, а также деятельность Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Поддерживает теоретические положения невско-волжской научной школы криминологии.

Адрес редакции:

Санкт-Петербургский международный криминологический клуб,
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
юридический факультет.

Телефон: (+7 812) 312 42 07, доб. 224.

Факс: (+7 812) 312 99 10

E-mail: criminology_club@mail.ru

Журнал зарегистрирован в качестве СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-40137 от 04.06.2010.

Журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал имеет полнотекстовую электронную версию на сайте издания:
<http://criminologyclub.ru>

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 11285

Тираж 1050 экз.

ISSN 2218-8576

© Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, 2013

© Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2013

RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL
UNIVERSITY
OF A.I. HERZEN

SAINT-PETERSBURG
INTERNATIONAL
CRIMINOLOGY CLUB

**CRIMINOLOGY:
YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**

The journal of St. Petersburg
International Criminology Club
№ 1 (28), 2013

St. Petersburg
2013

ББК 67
УДК 343
К 82

The founder

Non-commercial partnership «The Saint-Petersburg International Criminology Club»

The editor

The editorial staff «Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow»

Editor-in-chief

Shestakov Dmitry Anatolyevich

doctor of laws, professor,

the Honoured science worker of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Executive editor

Danilov Andrey Petrovich

PhD in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Deputies

Dikaev Salman Umarovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Minenok Mihail Grigorevich

doctor of laws, professor (Kaliningrad, Russia)

Poklad Vasily Ivanovich

PhD, associate professor (Lugansk, Ukraine)

Smorgunova Valentina Yuryevna

Doctor of philosophy, professor,

the Honoured science worker of Russia (Saint-Petersburg, Russia)

Tugelbaeva Bermeta Galievna

PhD in technical sciences, doctor of laws, senior researcher (Bishkek, Kyrgyzstan)

Editorial board

Alauhanov Esbergen Orazovich

doctor of laws, professor (Almaty, Kazakhstan)

Churakov Alexander Vladimirovich

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Gondolf Edward

Doctor of psychology, professor (Indiana, the USA)

Gorshenkov Gennady Nikolaevich

Doctor of laws, professor (Nizhni Novgorod, Russia)

Haesler Walter

Doctor of psychology (Brugg, Switzerland)

Kabanov Pavel Aleksandrovich

Doctor of laws, professor (Naberezhnye Chelny, Russia)

Kharlamov Valentin Stanislavovich

PhD in Laws, associate professor (Saint-Petersburg, Russia)

Koretsky Danil Arkadievich

Doctor of Law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russia)

Konstantinova Tatiana Vladimirovna

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Kury Helmut

Doctor of psychology, professor (Freiburg, Germany)

Leps Ando

Doctor of laws, professor (Tallinn, Estonia)

Luneev Viktor Vasilevich

Doctor of laws, professor, Laureate of the State Prize
of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Milyukov Segey Fyodorovich

Doctor of laws, professor (Saint-Petersburg, Russia)

Musayev Alaudi Nazhmudinovich

Doctor of laws, professor (Moscow, Russia)

Noskova Irina Alexandrovna

Doctoral candidate in Laws (Saint-Petersburg, Russia)

Sadykova Leila Chinturganovna

Doctor of laws, professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Safonov Vladimir Nikolayevich

PhD in Laws, associate professor (Saint-Petersburg, Russia)

Semikina Maria Sergeevna

Doctoral candidate in Laws (Khabarovsk, Russia)

Sessar Klaus

doctor of laws, professor (Hamburg, Germany)

Suleimanov Dzhavanshir Islamovich

Doctor of laws, professor (Baku, Azerbaijan)

Van Yan

doctor of laws, professor (Beijing, China)

Proof-reader

Kononova Valentina Nikolaevna (Saint-Petersburg, Russia)

Translator

Dobrynina Natalya Borisovna (Saint-Petersburg, Russia)

Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. The journal of St. Petersburg International Criminology Club. – 2012. – № 1 (28). – St. Petersburg, 2013. – 126 p.

The journal, edited by Distinguished Scholar of the Russian Federation, Professor D. A. Shestakov, J.D., LL.D., has been published since March 2001. The initial name was «Criminology in Development: Bulletin of St. Petersburg Criminology Club. Theoretical Journal». The publication covers the general criminological theory, peculiar criminological issues, criminological branches and activities of St. Petersburg International Club of Criminology, and supports the theoretical approach of Neva-Volga Research School of Criminology.

Address of editor's office:

St. Petersburg International Criminology Club
Nab. Moyki 48 Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen, Law Faculty
191186 St. Petersburg Russia
Phone: (+7 812) 312 42 07, additional 224
Fax: (+7 812) 312 99 10
E-mail: criminology_club@mail.ru

The journal is registered as mass media in the Federal Control Service in the sphere of communication and information technologies. The registration certificate is ПИ № ФС 77-40137 as of 04.06.2010.

The journal «Criminology: yesterday, today, tomorrow» is included in the list of the Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of doctorate and candidate' theses are to be published.

The journal is presented in the Russian Science Citation Index (RSCI)

The journal has a full electronic version on the site of the journal
<http://criminologyclub.ru>

The subscription index in the unified catalogue «Press of Russia» – 11285

The circulation: 1050

ISSN 2218-8576

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- В.В. Лунеев* (Москва, Россия). Pussy Riot в храмах России. 13
- К. Сессар* (Фрайбург, Федеративная Республика Германия). Воззрения на преступность и изменение общества 32
- А. Лепс* (Таллинн, Эстония). Логика Гегеля и преступность как явление сущности. 37

2. ИСТОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ

- С.Ф. Милюков* (Санкт-Петербург, Россия). Ной, не ной, а работать надо! (К 90-летию Иосифа Соломоновича Ноя) 42

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

- Д.А. Шестаков* (Санкт-Петербург, Россия). Криминологическое законодательство и право противодействия преступности 47
- Д.Ю. Гончаров* (Екатеринбург, Россия). Законодательство о предупреждении преступлений. 51
- Материалы беседы на тему «Криминология закона. Концептуальные изменения уголовного законодательства» от 26 октября 2012 года*
- Д.А. Шестаков* (Санкт-Петербург, Россия). Об уголовно-правовом восстановлении мироустройства по И.А. Петину. 58
- С.У. Дикаев* (Санкт-Петербург, Россия). О докладе И.А. Петина 60

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

- П.А. Скобликов* (Москва, Россия). Бизнес на диссертациях в терминах и понятиях . . . 65

КРИМИНОЛОГИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

- А.Н. Игнатов* (Севастополь, Украина). Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 2) 76

КРИМИНОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

- И.А. Носкова* (Санкт-Петербург, Россия). Противодействие органами внутренних дел преступности в средствах массовой информации 82
- Т.С. Лабзина* (Санкт-Петербург, Россия). Преступная дезинформация и некоторые пути противодействия ей. 87

4. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРРУПЦИЯ

- Г.С. Мауленов* (Астана, Казахстан). Имплементация международных норм в антикоррупционное законодательство Республики Казахстан 90

5. КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Г.Н. Горшенков (Нижний Новгород, Россия). Катализатор научной мысли (размышления по поводу вышедшего в свет учебника по криминологии доктора юридических наук, профессора О.В. Старкова) 96

6. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия), *С.У. Дикаев* (Санкт-Петербург, Россия), *А.П. Данилов* (Санкт-Петербург, Россия). Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2012..... 107

7. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

Зарипу Саидовичу Зарипову — 65 лет! 117

Олегу Викторовичу Старкову — шестьдесят! 118

К нашим авторам 120

Криминологические издания..... 123

CONTENT

1. GENERAL CRIMINOLOGICAL THEORY

- V.V. Luneev* (Moscow, Russia). Pussy Riot in Russian churches 13
K. Sessar (Freiburg, Germany). Views on criminality and changes of society 32
A. Leps (Tallinn, Estonia). Hegel's logics and criminality as a phenomenon of nature..... 37

2. HISTORY OF CRIMINOLOGY

- S.F. Milyukov* (St.-Petersburg, Russia). The 90th anniversary of I.S. Noah 42

3. CRIMINOLOGICAL BRANCHES

CRIMINOLOGY OF LAW

- D.A. Shestakov* (St.-Petersburg, Russia). Criminological legislation and right of crime counteraction 47
D.Y. Goncharov (Ekaterinburg, Russia). Legislation on crime prevention 51
The materials of the discussion «Criminology of law. Conceptual changes of criminal legislation» as of October 26, 2012
D.A. Shestakov (St.-Petersburg, Russia). On legal recovery of world order according to I.A. Petin 58
S.U. Dikaev (St.-Petersburg, Russia). On I.A. Petin's report 60

ECONOMIC CRIMINOLOGY

- P.A. Skoblikov* (Moscow, Russia). Thesis business 65

CRIMINOLOGY OF LAW ENFORCEMENT SYSTEM

- A.N. Ignatov* (Sevastopol, Ukraine). On crime rate and the activity of law enforcement bodies (part 2) 76

CRIMINOLOGY OF MASS MEDIA

- I.A. Noskova* (St.-Petersburg, Russia). Crime counteraction by law enforcement bodies in mass media 82
T.S. Labzina (St.-Petersburg, Russia). Criminal misinformation and some ways of its counteraction 87

4. PARTICULAR CRIMINOLOGICAL ISSUES

CORRUPTION

- G.S. Maulenov* (Astana, Kazakhstan). Implementation of international norms and anti-corruption legislation in the Republic of Kazakhstan 90

5. BOOKS REVIEW

- G.N. Gorshenkov* (Nizhny Novgorod). Catalyst of scientific thought (reflections on the new book by O.V. Starkov, Doctor of Law) 96

6. IN CRIMINOLOGICAL CLUB

D.A. Shestakov (St.-Petersburg, Russia), *S.U. Dikaev* (St.-Petersburg, Russia),
A.P. Danilov (St.-Petersburg, Russia). The chronicle of St.-Petersburg international
criminology club. The year 2012..... 107

7. JUBILEE GREETINGS

Zarip Saidovich Zaripov – the 65th anniversary!..... 117

Oleg Viktorovich Starkov – the 60th anniversary!..... 118

To our authors 120

Criminological editions..... 123

1. ОБЩАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 343.9

ББК 67.51

*В.В. Лунеев**

PUSSY RIOT В ХРАМАХ РОССИИ

Выжимка: Действия Pussy Riot являются хорошо спланированной операцией по уничтожению российской государственности через дискредитацию Русской Православной Церкви.

Ключевые слова: религия; оппозиция; либерализм; государственность.

V. V. Luneev

PUSSY RIOT IN RUSSIAN CHURCHES

Summary: Pussy Riot's actions is a well-planned campaign to destroy Russian statehood through the imputation of the Russian orthodox church.

Key words: religion; opposition; liberalism; statehood.

Каждый хочет изменить человечество, но никто не задумывается о том, как изменить себя.

*Лев Николаевич Толстой (1828—1910),
великий русский писатель*

История. Религии вообще и мировые религии в особенности оказали существенное влияние на формирование религиозных, а также первых нравственных и правовых способов защиты от общественно опасных деяний. Они у нас обычно назывались грехом, грехопадением, а отсюда и вытекали религиозные формы удержания греховников в лоне религиозной морали. Правда, в разряд греха нередко включались (с точки зрения современных представлений) вполне нравственные и общественно безопасные действия, но противоречащие придуманным канонам той или иной религии. И в этом плане некоторые религии оставили в истории большой кровавый след борьбы за чистоту религиозного мышления.

Тем не менее, священные книги разных религий при всей их противоречивости

способствовали правовой цивилизованности многих народов. Уже во второй книге Моисеевой (Исход, гл. 20) Ветхого завета Библии есть десять заповедей, среди которых: «Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».¹ Все эти заповеди находят то или иное отражение во всех современных уголовно-правовых и криминологических системах мира. Подобные и иные заповеди имеются и в других книгах Библии.

В Новом завете Иисуса Христа (гл. 5 от Матфея, 38, 39), например, пересказана его Нагорная проповедь, которая расширяет некоторые заповеди и где вопреки ветхозаветным и исламским утверждениям впервые сформулировано непротivление злу насилием. Иисус говорил: «Вы слышали, что сказано «око за око, и зуб за зуб».

* **Виктор Васильевич Лунеев** — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук, лауреат Государственной премии РФ (Москва, Россия). E-mail: luneevvv@yandex.ru

© В.В. Лунеев, 2013

¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе. С параллельными местами. Библейские обществa. — С. 79.

А я говорю вам: не противиться злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». В самом прямом понимании последние заповеди практически не восприняты человечеством. Хотя принцип ненасильственного сопротивления разделяли и пропагандировали многие, например, лидер индийского национального движения М.К. Ганди (1920), завет этот встречается в «Декларации чувств» американского аболициониста У.Л. Гаррисона (1838) и, конечно, у Л.Н. Толстого («Царство Божие внутри вас», 1894). Эти заветы трансформировались в принципы «пассивного сопротивления», «гражданского неповиновения», в гуманистические аспекты уголовной и криминологической политики многих стран, в том числе и России. Таким образом, многие корни современных наук криминального цикла связаны с ранними религиозными положениями и заповедями. И эти заповеди писались многими апостолами и пророками на протяжении десятки веков (с 8-го века до н.э. и до 2-го века н.э.).

В другом религиозном источнике, в Коране (самые ранние сохранившиеся списки которого относятся к рубежу 7–8 веков н.э.), основной идеей предупреждения преступлений является богобоязненность и правдивость («Верующие, бойтесь Аллаха и будьте правдивыми»).² Но в борьбе с неверующими в Коране предлагается и жестокое подавление. В дошедших до нас древних законах (Законы Хаммурапи Древнего Вавилона 1792–1750 годы до н.э.; Законы Ману Древней Индии II–I века до н.э.; Законы XII таблиц Древнего Рима 451–449 годы до н.э.), главным образом, реализован уголовно-правовой аспект борьбы с преступлениями, в том числе и религиозный.

Религиозные заповеди и древние законы были некоторым отражением реальной жизни, способствующим выживанию древнего человечества в жестокой борьбе за своё существование. Их и можно условно рассматривать первоисточниками и уголовного права, и опирающейся на него более поздней и цивилизованной науки

² Коран. Смысловой перевод профессора Б.Я. Шидфара. — М., Умма, 2003. — С. 185.

криминологии.³ При этом нельзя забывать, что нормы уголовного права даже в современном мире далеко не всегда адекватно отражают реальные потребности общества. Они, нередко, являются выражением сугубо личных интересов власть имущих. Именно в этой обстановке, далёкой от серьёзной науки, рождались первые представления о причинах преступлений и их предупреждении, которые затем углублялись и формулировались церковниками, философами, психологами, юристами и другими учёными древности и Средних веков.

Тем не менее, в некоторых криминологических источниках исторического плана принято считать, что более или менее систематический характер научного осмысления проблемы преступности и борьбы с ней возникает во второй половине XVIII в., о чем говорится в священных книгах многих религий. Такая констатация имеет важное значение. Многие взгляды теологического содержания не утратили некоторого своего значения до настоящего времени.

Исторически начальными воззрениями древних людей на отклоняющееся поведение от древних обычаев и некоторых протонорм права были *взгляды теологического содержания*. Нам трудно судить, были ли какие объяснения общественно вредного поведения до начала формирования мировых религий (иудаизма, христианства, ислама, индуизма, конфуцианства, даосизма, буддизма и других верований). Можно предположить лишь то, что религиозно оформленные позиции создавались веками на основе формировавшихся народных обычаев язычества.

Дальнейшее развитие монотеизма связано с формированием наций, созданием национальных государств с единой религией, верой в единого бога и единодержавными законами, гражданскими и уголовными, с зарождением борьбы с гре-

³ Клинописный текст из свода Законы Хаммурапи высечен на базальтовых стелах в святилище бога Мардука в Вавилоне. В стенах храма они несли в себе правовое обучение, правовое воспитание и предупреждение преступлений. Основой свода законов были семитские нормы (например, «око за око, зуб за зуб»). (Бодо Харенберг. Хроника человечества / Пер. с англ. — Изд. второе. — М., 2000. — С. 42)

ховными отклонениями.⁴ Содержание законов соотносилось с религиозными воззрениями. В основе их лежали древние семитские правовые нормы («око за око», «зуб за зуб» и т.д.).

Основная мысль теологического взгляда на генезис преступности связана с проблемой криминологической причинности. Преступник — это безбожник, преступник — слуга дьявола, преступник — носитель тёмного зла. Это означает, что причина преступного поведения кроется в самом грешном и преступном субъекте. И, несмотря на множество древних религий и их существенную разобщённость и автономность, они были сходны в подобном понимании. И это объяснимо. Такой подход закономерно приводил практически к однозначному выводу: борьба с преступностью — это жестокие наказания и уничтожение преступников, если они не раскаются и не порвут своих отношений с дьяволом. Уничтожение людей под знаменем той или иной религии до сих пор в некоторых верованиях актуально. Иисус Христос был осуждён и распят под этим знаменем. В более позднее время жертвами инквизиции стали выдающиеся люди мира (Дж. Бруно, Дж. Ванини, Ян Гусс, Галилео Галилей, Жанна Д'Арк и многие другие).

Серьёзной иллюстрацией реализации теологической причинности преступности явились восемь захватнических *крестовых походов* западно-европейских феодалов на Восток, проходивших в течение почти двух столетий (1096–1270 годы) под знаменем освобождения христианских святынь в Палестине из-под власти не верующих в Христа мусульман. Крестовые походы в Святую землю, прикрытые христианством, были завоевательными с целью освобождения её от мусульман, завладения Иерусалимом и другими государствами Востока. Идейным вдохновителем и непосредственным организатором крестовых походов было папство. Папы стремились разжечь религиозный фанатизм, чтобы расширить и упрочить влияние католической церкви и добиться

подчинения православной церкви Риму. Следствием религиозного фанатизма явились детские крестовые походы (1212 г.), стоившие жизни нескольким десяткам тысяч захваченных детей.

К первому крестовому походу верующих воззвал папа Урбан II осенью 1095 г. Его осуществляли хорошо подготовленные и вооружённые рыцари из Нормандии, Лотарингии, Франции и Италии. Ворвавшиеся в Иерусалим в 1099 г. крестоносцы забыли, что они пришли для спасения христианских святынь. Город был разграблен: тот, кто врвался в дом или дворец первым, тот и считался его полным собственником. Почти никто из жителей (мусульман и евреев) не уцелел, не щадили ни стариков, ни женщин, ни младенцев. Почти сто лет они властвовали на Ближнем Востоке и были выброшены арабами.

Аналогичным образом проходили и следующие семь походов. К папским завоеваниям присоединились французские, английские и германские короли и императоры. Таким образом, опыт уничтожения людей *под знаменем католической церкви* был приобретён задолго до инквизиции. Мусульмане этого не забыли. И папа Иоанн Павел II в начале третьего тысячелетия в момент начала террористических войн вынужден был просить у мусульман прощения за кровавые крестовые походы.

Самое широкое и открытое распространение уничтожения людей, которые по представлению католической церкви могли нести в себе религиозную преступную причинность, наблюдалось в период *европейской христианской инквизиции*.

В Древнем мире было множество религий, а в средневековой Европе существовала только одна религия для всех народов — католическое христианство, которое стало государственной религией. Это единство внедрялось насильно. На этой основе и возникла инквизиция (от латинского *inquisition* — расследование, розыск). Она в католической церкви представляла собой церковный суд по делам о еретиках и тоже исходила от папской власти. Папа Луций III и император Фридрих I ещё в 1184 г. установили жестокий порядок розыска и наказания епископскими судами еретиков (приверженцев ереси, как

⁴ Всемирная история / Под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. — М., 2000. — С. 50.

особого течения в западном христианстве, отклоняющегося от официальной церковной догматики). Епископские суды выносили только смертные приговоры, а светские королевские власти их исполняли. Инквизиция официально была учреждена в католичестве в целом папой Иннокентием III, который олицетворял единство христианского мира под властью папы римского. В пригласительном послании на 4-й Лютеранский собор (1215 г.) говорилось, чтобы «Выкорчевать пороки... реформировать обычаи, истребить ереси, упрочить веру...».⁵ А папа Иннокентий VIII в 1484 г. издал буллу, которая представляла инквизиторам самые широкие полномочия в деле охоты на ведьм. «Винных» сжигали на костре. Есть мнение (не известно насколько оно верно), что во время инквизиции в Европе был уничтожен генофонд красивых женщин. Только в XIX веке в большинстве стран Западной Европы инквизиция стала упраздняться, но оставалась Конгрегация священной канцелярии, на которую была возложена борьба с идеологическим инакомыслием. Она была реорганизована в Конгрегацию вероучения.

Можно было бы привести и другие религиозные уничтожения людей другой веры.⁶ Вспомним хотя бы Варфоломеевскую ночь, где религиозная война достигла трагической вершины. Массовая резня гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (в день святого Варфоломея), где было уничтожено около 3000 гугенотов. Можно также назвать тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.), в которую были втянуты большинство европейских стран, между Евангелической унией протестантских княжеств и Католической лиги. Эта война принесла гибель сотням тысяч людей, а численность населения Германии, на территории которой были основные сражения, уменьшилась почти на треть.

Современные реалии. *Краткий анализ только перечисленных исторических религиозных событий опрокидывает теологиче-*

⁵ Бодо Харенберг. Указ. соч. — С. 310.

⁶ См., например: Бодо Харенберг. Указ. соч.; Б.В. Соколов. Сто великих войн. — М., 2003; Всемирная история. Пер. с англ. — Лондон, Нью-Йорк, Штуттгарт, Москва. 1999.

скую концепцию о причинности преступлений, поскольку истинными преступниками в них были не те люди, которых обвиняли в связях с дьяволом, в колдовстве, в ереси, в религиозном инакомыслии, а властные правоверные католики. Вероотступники или иноверцы были лишь жертвами кровавого и беспощадного католицизма, жаждущего расширения своих владений и подчинения себе народов другой веры. И этот опыт насилия не исчез до сих пор. Насильственно-варварское насаждение «своей религии» (сегодня — демократии по-американски) в одних из самых древних стран мира (Вьетнаме, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии) по сути своей мало чем отличается от католических кровавых крестовых походов и по действиям, и по мотивации.

Но было бы большой ошибкой видеть лишь эту кровавую сторону религии. Теологический взгляд на генезис преступности намного глубже и шире вышеобозначенного религиозного изуверства, если мы имеем *русское православие*. Вспомним о роли религии в формировании нравственно-правовых и первичных криминологических воззрений. Ф.М. Достоевский это образно отметил в романе «Братья Карамазовы». Старец в разговоре со своими собеседниками говорит: «... ведь если бы теперь не было Христовой церкви, то не было бы преступнику никакого удержу в злодействе и даже кары за него потом, то есть кары настоящей.., единственной действительной, единственно устрашающей и умиротворяющей, заключающейся в сознании собственной совести... Все эти ссылки в работы, а прежде с битием, никого не исправляют, а главное, почти никакого преступника и не устрашают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает... И выходит, что общество, таким образом, совсем не охранено, ибо хоть и отсекается вредный член механически и ссылается далеко, с глаз долой, но на его место тотчас же появляется другой преступник, а может, и два другие. Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести.

Только сознав свою вину, как сын Христова общества, то есть церкви, он сознаёт и вину свою пред самим обществом, то есть пред церковью. *Таким образом, пред одною только церковью современный преступник и способен сознать вину свою, а не то что пред государством*.⁷

Опираясь на высказывание Ф.М. Достоевского, мы возвращаемся на круги своя. И это находит отражение в некоторых учебниках по криминологии. Если вернуться к инквизиции или крестовым походам католиков против лиц другой веры или тех, кого «изобличили» инквизиторы путём жесточайших пыток в связях с дьяволом, то кто из них по теологии преступник. Ведь даже язычники различных мастей веруют в своих языческих богов. А мусульмане руководствуются своей верой, отличной от католицизма. В Суре 2 Корана говорится: «Сказали иудеи: «Ни в чём не правы христиане», и сказали христиане: «Ни в чём не правы иудеи». И при том читают Писание. Подобные слова говорят люди ни о чём не ведающие, и Аллах разрешит в День Воскресения все их расхождение». Проблема была бы как-то разрешима при всеобщем единобожии или единой религии. Но этого нет. Даже в одной и той же религии веруют в несколько богов и их самозванных представителей. Хотя идея единобожия для некоторых мировых религий казалась бы решённой.

⁷ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Библиотека Всемирной лит. Серия вторая. Том 84. — С. 91-92. Эти выводы Ф.М. Достоевского не могут быть подвергнуты сомнению для своего времени в России. Но жизнь меняется и роль религии, как поведенческая детерминанта ослабевает. Иллюстрацией к этому выводу может служить уровень преступности в Ватикане, являющийся самым высоким в мире. По статистике, в этом самом маленьком государстве, в котором проживает немногим более 500 человек, в 2002 г. коэффициент преступности составил 121 600 деяний на 100 тыс. населения, или 1,22 преступления на одного постоянного жителя. (В 2006 г. на одного жителя уже приходилось 1,5 преступления). Это в 20 раз выше, чем в окружающей Ватикан Италии. Генеральный прокурор Ватикана Никола Пикарди говорит: «Всё это сказывается на нашей репутации и, что важнее всего, — на людях». URL: <http://vaticaniste.ru/si5.php> (дата обращения: 18.11.2012). Хотя надежда на стыд, как инструмент, с помощью которого можно убедить граждан в соблюдении уголовно-правовых норм, остаётся и в наше время (*Брейтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. — М., 2002).

Следовательно, при всех этих существенных сомнениях и противоречиях вопросы о *причинности преступлений дьявола* не преодолены даже в наше время, когда проблемы религиозной мифологии изучены в мире относительно глубоко. Нижегородский профессор А.А. Конев, который в своё время защитил докторскую диссертацию и издал интересную, хотя и не бесспорную, книгу о латентной преступности, пишет: «Бог изначально не создавал зла. Оно образовалось самовольно стихийно. Именно по этой причине его именуют грехом отпадения. Зло пошло в мир по гордости падших ангелов, ставших духами преисподней, т.е. бесами, которые впоследствии и поразили людей». ⁸ Он полагает, что нарушение духовного запрета привело к вечному противопоставлению человека Богу. И так будет до тех пор, пока человек не смирит себя перед Богом. По его мнению, всё исходит из грехопадения Адама и Евы, а затем от братоубийцы Каина — всему человечеству. Греховность передаётся от поколения к поколению через кровь, мозг и кости. Все доказательства своего подхода он видит в Библии, нередко выходя за её пределы.

Идеи Конева, как бы они не «подкреплялись» Священным писанием, его субъективным толкованием, материалами изучения каких-то уголовных дел и других письменных источников, далеки от реального генезиса преступного поведения. И они получили критическую оценку в юридической науке, хотя и несколько одностороннюю. ⁹Разделяя основные положения критики А.А. Конева Ю.М. Антоняном, нельзя отрицать религиозный поиск в криминологии в плане предупреждения преступлений, о чём образно писал Ф.М. Достоевский в вышеприведённой нами его цитате. Правда, Достоевский абсолютизирует влияние Священного писания на поведение современных ему людей. Но *предупредительные возможности, например, христианских заповедей в удержании верующих от совершения преступлений общеизвестны, многократно исследованы и*

⁸ Конев А.А. Актуальные проблемы современной науки криминологии (вопросы методологии и причинности). — Н. Новгород, 2005. — С. 101, 127–130, 160–183.

проверены жизнью. Они не представляют панацеи, но при определённых условиях их влияние намного эффективнее формальной правовой пропаганды. Этот позитив можно заметить и в других религиях. Избирательный подход к теологической концепции в криминологии, изучающий религиозное влияние лишь в плане возможного удержания от совершения преступлений верующих, не следует отрицать и отбрасывать вместе с лженаучной дьявольской причинностью греховных преступлений. Религия и право являются системами социальной регуляции поведения личности и группы в обществе. В ходе исторической эволюции оба начала взаимно обогащали друг друга. Если право придавало религии социальное измерение, формируя систему правил её функционирования в обществе, то религия одухотворяла право и заставляла людей ценить его. И это не следует не просто игнорировать, но в меру наших сил развивать. Поэтому кощунственное отношение к православным святыням в виде «Pussy Riot» надо объективно оценивать, не впадая в модное антирелигиозное помешательство.

Криминализация. Следующий теологический аспект, который требует некоторого обращения к религии в криминологии, это религиозно-сектантская мотивация преступлений.¹⁰ В мире насчитывается огромное количество сект, религиозных групп и общин, которые откололись от господствующих церквей, и нередко носят криминальный характер. По опубликованным данным в России действует до 80 крупных религиозных сект, численность которых приближается к 300 тысячам человек. На первом месте стоит религиозное движение новопятидесятников, на втором — движение «Свидетели Иеговы». Число членов последнего насчитывает около 140 тысяч человек. Далее идут мормоны (к слову, кандидат в президенты США Митт Ромни — мормон¹¹) и кришнаиты. Кроме

них существует много мелких сект. Их число в общей сложности достигает 800 тысяч.¹² По другим данным в России насчитывается от 3 до 5 млн. адептов религиозных сект, а их число превышает 6000. С 1996 по 2006 годы в нашей стране было убито более 30 священников и служителей церкви, в том числе и по мотивам религиозной ненависти, и разворовано сотни церквей. Среди икон и церковной утвари похищаются копьё, символизирующие копьё римского воина, пронзившего распятого Иисуса Христа. По фактам, имеющимся в архивах спецслужб, такие копьё, похищенные из православных церквей, применяются в ритуальных убийствах.

Приведём малый отрезок хроники массовых религиозных самоубийств ритуального характера. После трагических событий 18 ноября 1978 года в южноамериканском посёлке Джонстаун, где покончили с собой 912 адептов секты «Храм людей», западный мир содрогнулся, но выводов не сделал. Джонстаунская бойня аукнулась в Европе через 16 лет. В 1994 г. в Швейцарии принесли себя в жертву 53 члена религиозной секты «Орден храма Солнца», в том числе около десяти детей. В 1995 г. в конце декабря во Французских Альпах под деревней Сен-Пьер-де-Шерен в ритуальном костре погибли ещё 16 членов «Ордена храма Солнца», в том числе трое детей. После продолжения серийных культовых самоубийств европейцы осознали, что Европа опутана сектантской паутиной. 19 апреля 1993 года в Уэйко (штат Техас, США) после 50-дневной осады полицией поместья религиозной секты «Ветвь Давидова» около 100 её членов, в том числе 25 детей, совершили самосожжение или были убиты по приказу лидера секты. В 1997 г. 26 марта в г. Сан-Диего (штат Калифорния, США) 39 человек из секты «Небесные врата» совершили самоубийство, приняв яд. В 1997 в г. Сен-Казимир (провинция Квебек, Канада) покончили жизнь

⁹ Антонян Ю.М. Богословский поиск в криминологии бесполезен // Государство и право. — 2005. — № 6. — С. 113—115.

¹⁰ Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминология. — СПб., 2004.

¹¹ Мормоны — члены религиозной секты, основанной в США в 1830 г. По учению мормонов сущес-

твует множество богов, обладающих телами, правящими в своих галактиках. Элогим — единственный бог, Люцифер, Иисус Христос — его порождения. Митт Ромни — мормон считает Россию врагом № 1.

¹² В России действует 80 крупных религиозных групп. URL: <http://www.nr2.ru/south/105617.html> (дата обращения: 18.11.2012).

ритуальным самоубийством ещё 5 членов из «Ордена храма Солнца». Хроника может быть продолжена. Можно вспомнить террористические действия в Японии секты «Аум Сенрикё», которая с помощью некоторых российских правительственных чиновников 1990-х годов распространила своё влияние и на Россию.

Следующую криминологическую опасность представляют террористические формирования националистического и религиозного толка типа Аль-Каида. В мире насчитываются сотни аналогичных организаций. Не впадая в националистические и религиозные симпатии и антипатии, приходится констатировать, что основную массу террористических организаций составляют арабские, исламские, мусульманские религиозно-радикальные объединения. Таким образом, история криминологии и уголовного права истекает из древности и её религиозных постулатов. И исторически теологический подход имеет право на существование. Однако объяснение происхождения преступности дьяволиадой научно не обосновано. Но *теологический подход помогает понять роль религии в предупреждении преступлений и в объяснении религиозно мотивированной преступности.*

Мы убедились, что у нас есть необходимые основания видеть в криминологическом плане позитивный поведенческий аспект религии, поэтому в УК РФ, а также в уголовных кодексах других стран, хотя и по-разному, но отражены важные нормы, охраняющие посягательства на религиозную свободу граждан. Например, в ст. 136 УК РФ (Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина) говорится: «Дискриминация, т.е. нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка..., места жительства, *отношения к религии*, убеждений..., а также в ст. 282-1 УК РФ (организация экстремистского сообществ), в примечании к которой говорится «Под преступлениями экстремистской направленности ... понимаются преступления, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или *религиозной ненависти или вражды*...

предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Кодекса. Эта мотивация повторяется в 16 составах деяний УК (убийство, различные виды телесных повреждений, побоев и истязаний, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, нарушение равенства прав и свобод, вовлечение несовершеннолетних, а также широко распространённые — хулиганство, вандализм и надругательство над телами умерших и местами их захоронений). Но если учесть, что названное выше понятие «дискриминация» полностью повторяется в п. «е» ст. 63 (обстоятельства, отягчающие наказание), то теоретически можно предположить, что многие деяния (по факту), совершённые по данным мотивам, могут относиться к экстремистским. Это, конечно, явный политизированный перебор. В абсолютном большинстве уголовных кодексов разных, в том числе европейских стран существует уголовная ответственность за рассматриваемые деяния, которые в последние годы интенсивно возрастают всюду, но они нигде не политизированы. Даже в сталинские времена хулиганские действия при любой мотивации, например, не считались экстремистскими и не были политизированы в законе, если их мотивация не являлась явно антисоветской. А сейчас в понятие экстремистской мотивации включается очень широкий спектр побуждений *политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.*

Экстремизм — французское слово *extremisme*, которое, в свою очередь произошло от латинского *extremus* — крайний. Применительно к людям, это лицо или группа людей, приверженных к крайним радикальным взглядам, применяемым мерам или реализуемым принципам. Ныне мы видим, как радикализм разрастается и несёт в себе много социально неприемлемого. В социальной жизни экстремизм может привести к реформам, к революции, бунту, кровавому восстанию, террору, смене власти и даже общественного строя. По сути своей почти все революции в мире, включая исторический переворот в России 1917 г., инициировались экстремистами.

Экстремизм, как всякая крайность, наблюдается в различных сферах деятельности, который может, в зависимости от ситуации, получать в обществе позитивную или негативную оценку. Он может и загубить то или иное дело, *если избранная крайность не отражает реальной закономерности и является деструктивной*. Таким образом, социальная, профессиональная или правовая оценка экстремистских действий зависит от конкретного содержательного состояния экстрима от устоявшейся нормы, от той системы общественных отношений, в которую он включается, от действительных закономерностей.

Несмотря на то, что экстремалов, желающих сверх или чересчур экстравагантно выделиться (отличиться, обратить на себя внимание любым путём) в людском обществе и его делах всегда было предостаточно, это слово в бытовой и профессиональной лексике (экстремальный, экстрим) приобрело широкое хождение лишь в последние годы. Любое отклонение от официальной политической позиции (поскольку каких-либо основ научного истолкования этому нет), можно при желании квалифицировать как радикализм и экстремизм. Термин «экстремизм» приобрёл не просто криминальный, но криминально-политический характер. И этим содержанием, пожалуй, исчерпывается всё его уголовно-правовое и криминологическое значение. Во внутреннем экстремизме можно выделить государственный, оппозиционный, межпартийный, националистический, сепаратистский, антисемитский, антимигрантский, промигрантский и др. проявления. Экстремисты бывают «правые» и «левые», национал-социалистические, сексуальные, патриотические и даже фашистские. Тем не менее, экстремизм это не «свалка всех нежелательных деяний», а специфический вид преступного поведения с особой мотивацией. Множественная классификация экстремизма связана с различными сторонами общественных отношений, а следовательно, и с большой совокупностью различных причин и условий, которые определяют адекватную совокупность непосредственных и опосредованных мер противодействия.

Кроме расшифровки «экстремистской деятельности (экстремизма)» Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в России определяет также, что понимается под экстремистской организацией и экстремистскими материалами, которые прямо или косвенно «включены» в те или иные составы экстремистских преступлений.

Особое внимание может привлечь *экстремистская организация*. Это общественное или религиозное объединение или группа, либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным действующим федеральным законодательством, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Некоторая экстремистская деятельность открыто поддерживается зарубежными организациями, через которые они добиваются своих экспансионистских целей. За примерами далеко ходить не надо (Югославия, Ирак, Ливия, Украина, Грузия, Сирия, Куба и др.), внедрение экстремистских побуждений в молодёжные группы цветных революций в различных странах и в России, является важнейшей международной политической стратегией США и её сателлитов. В 2012 г., например, США выделили свыше 20 млн. долларов для антикубинской деятельности.

Уголовная ответственность за все эти деяния, которые ныне именуются экстремистскими, существовала со времени принятия УК РФ 1996 г. Основные изменения в этих статьях связаны с определённым усилением уголовной ответственности за так называемую «экстремистскую мотивацию» и её сомнительную политизацию. Хотя еще в 2003 г. ПАСЕ дало вполне приемлемое определение экстремизма: «Экстремизм — это такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии». Это определение намного сужает уголовно-наказуемую сферу экстремизма. Здесь говорится не о мотивации, а о действии «отвержения принципов парламентской демократии». Но и это деяние в европейских странах не везде криминализовано.

Рассматриваемые деяния, обусловленные неуважением к лицам иной национальности, религии, расе и т.д. в той или иной мере имеются в УК большинства стран, но они *нигде не политизированы*. В уголовных законах этих стран вообще нет такого неопределённого и политизированного понятия «экстремизма», кроме Республики Беларусь и Узбекистана. В кодексах европейских стран есть деяние «дискриминация». Например, в УК *Франции* в главе V «О посягательствах на достоинство человека», есть отдел «О дискриминациях». В ст. 225-1 отдела говорится, что «дискриминацию образует любое различие, проведённое между физическими лицами в силу их происхождения, пола, семейного положения, состояния здоровья, физических недостатков, обычаев, политических убеждений, профсоюзной деятельности, реальной или предполагаемой принадлежности к определённой этнической группе, нации, расе или *религии*. Это деяние наказывается двумя годами тюремного заключения и штрафом.

В УК *Швеции* в главе 16 ст. 8 говорится: «Лицо, которое в распространённом заявлении или сообщении угрожает или выражает неуважение к национальной, этнической или другой подобной группе людей со ссылкой на расу, цвет кожи, национальное или этническое происхождение или *религиозные убеждения*, должно быть приговорено к тюремному заключению на срок не более двух лет, или если преступление является малозначительным, то к штрафу».

В УК *Литвы* есть ст. 169 «Дискриминация по принадлежности к определённой национальности, расе, полу, происхождению, *религии* или иной группе людей» с наказанием публичными работами либо штрафом, или ограничением свободы, или арестом, или лишением свободы на срок до трёх лет.

В УК *Болгарии* предусмотрены преступления против национального и расового равенства (ст. 162–163) и преступления против *вероисповедания* (статьи 164–166).

В УК *Испании* имеется всего одна статья 559 — «Тот, кто тяжко нарушит общественный порядок (в который вхо-

дят все конституционные права) с целью воспрепятствовать какому-либо лицу осуществить свои гражданские права, наказывается штрафом на сумму от трёх до двенадцати месячных заработных плат и (специальным) лишением пассивного избирательного права на срок от двух до шести лет».

В УК *Польши* имеется несколько статей. Одна из них — ст. 196 очень точно выражает суть нашей проблемы. Она гласит: «*Кто оскорбляет религиозные чувства других лиц, публично оскорбляя предмет религиозного почитания или место, предназначенное для публичного исполнения религиозных обрядов, подлежит штрафу либо лишению свободы на срок до 2 лет*».

Практическое руководство по «Законодательству против преступлений на почве ненависти», опубликованное Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (2009), не употребляет политизированного понятия «экстремизм», а употребляет понятия «преступления на почве ненависти», а также «предубеждение», «ненависть», «геноцид», «дискриминация», «язык ненависти».

В перечисленных и европейских и северо-американских странах между различными социальными, национальными, расовыми, этническими, *религиозными* и другими группами (классами) нередко происходят настоящие кровавые бои. Виновные в их совершении несут административную или уголовную ответственность. Они нередко настроены против властей, требуют смены правительства, отмены его решений, которые не удовлетворяют бунтовавших, выступают против мигрантов, миллиардеров, банкиров, захватывают правительственные здания, громят помещения и т.д. Это мы наблюдаем и в Европе, и в Америке, и в Азии. Но в уголовном законодательстве этих стран нет статей об экстремизме и его политической мотивации.

У нас же ещё в 1992 г. Б.Н. Ельцин на Конгрессе интеллигенции России пугал его участников: «Угроза фашизма реальна». Он, несомненно, имел в виду оппозиционеров его неправомерной антинародной деятельности. Такая угроза для него была и база его оппозиции с годами росла,

а его рейтинг в стране к середине 1990-х годов достиг 5 %. Серьёзной же социальной базы для фашизма, как массового социального явления в России, которая от него пострадала во время Великой Отечественной войны и его победила, не было и нет. Это, конечно, не исключает наличия в стране фашистских элементов среди социально незрелой и выброшенной из жизни молодёжи и подростков. У них могут быть и идейные наставники. Но это не может быть необходимым основанием для «фашизации» страны. Тем не менее, в 1995 г. Б.Н. Ельцин и его обеспокоенное вороватое окружение предложили проект Закона о внесении изменений и дополнений в Уголовный и Административный кодексы многих статей о фашизме. Однако этот проект законом не стал и эти порочные новеллы не были реализованы в новом УК РФ 1996 г.

Научные юридические учреждения, которым была поручена подобная разработка, не смогли выработать адекватных правовых признаков термина «фашизм». Это можно было сделать лишь при его политизации. Но о фашизме не говорится даже в УК ФРГ в редакции 1871 г. с изменениями и дополнениями последних лет. Там есть глава третья «Угроза демократическому правовому государству» со ст.ст. 84 (Продолжение деятельности партии, объявленной противоречащей Конституции), 85 (Нарушение запрета на объединение), 86 (Распространение пропагандистских материалов организаций, являющихся не конституционными), 86а (Использование знаков неконституционных органов) и 166 (*Оскорбление вероисповедания, религиозных обществ и мировоззренческих объединений*). Германия не допустила «политизации» и «фашизации» своего уголовного законодательства. Она установила чёткий конституционный порядок и к ответственности привлекаются лица, которые его нарушают. Ельцинская же власть пыталась внести в УК РФ политические формулировки оценочного характера, которые позволяли бы расправляться с идеологически неудобными противниками. Определёнными пропрезидентскими группами сочинялись новые нормативные акты. Возбуждались уголовные дела, но они не

имели судебной перспективы.

Законодательные возможности борьбы с такими «политически мотивированными действиями» были недостаточными. Основные недостатки борьбы с рассматриваемыми формами деятельности лежат в противоречиях различных политических сил, которые не могут быть решены в рамках политически оценочных дефиниций. Это было бы возвратом к прошлому.

Всё сказанное свидетельствует о том, что правящая политическая и экономическая элиты, которые уже в начале 1990-х годов сознавали корыстную и антинародную направленность своей деятельности и в связи с этим понимали возможное оправданное недовольство со стороны народных масс. Они пытались защитить себя Уголовным кодексом от возможной народной ненависти, а ложно публично от, якобы, надвигающегося фашизма. Но лишь в 2002—2003 гг. они добились своего. *Криминализация экстремизма, ещё более неопределённого понятия, чем фашизм, открывала неограниченные возможности против неприкаянной и брошенной молодёжи и всех прочих инакомыслящих.* То, что в стране разграбили всё народное достояние, голодом и холодом довели народ до депопуляции, незаконно ввергли в кровопролитную войну, убивали за пятак — это, с точки зрения российских властей того времени, не политические деяния и вообще — не преступления, поскольку никто за содеянное практически не нес никакой ответственности. А вот если 14—17-летние не находящие в жизни места подростки из-за ненависти к грабителям осквернят их здания — это политические действия. Хотя в действующем УК и до этих нововведений было достаточно норм по их наказанию. Но, видимо, без громких политических оценок, опирающихся хоть на какие-то судебные решения, пропаганду о наступлении фашизма в России не организуешь и международной поддержки от «зарубежного благодетеля» не получишь.

В целях преодоления противоречий проельцинский Фонд ИНДЕМ даже подготовил доклад о противодействии политическому экстремизму, где говорилось, что в действующем российском законодательстве нет понятия «экстремизм». И это

хорошо, пишут аналитики. Одно дело — социологическое применение данного понятия, и другое — использование его в целях принуждения. Из-за сложности юридической квалификации будет трудно доказать экстремизм. Поэтому авторы против прямого законодательного употребления терминов «фашизм», «большевизм», «сепаратизм», «экстремизм». Они полагают, что если «при расследовании насильственных преступлений правосознание следователя или судьи играет минимальную роль (главную играет доказательство вины), то в юридической оценке правонарушений экстремистского характера именно правосознание — решающий фактор».¹³ Нетрудно заметить, что эти новые «демократические» идеи Фонда «Информация для демократии» списаны с практики политических репрессий 20–30-х годов XX века. Но подобные действия являются ничем иным как *политическими злоупотреблениями*. Правовое государство на такой путь встать не может. Нужны обоснованные не двусмысленные и не политизированные правовые нормы.

В целях такого обоснования была принята разработка федеральной программы по противодействию *политическому и религиозному экстремизму* на 1999–2000 годы.¹⁴ Политический страх не давал покоя. Идеи, вынашиваемые с первой половины 1990-х годов, стали реализовываться в федеральном законодательстве 2002–2007 годов. В законах раскрывается порядок объявления перечня общественных и религиозных организаций, деятельность которых приостановлена или запрещена, а также вводится ответственность за распространение экстремистских материалов и вносятся существенные изменения в нескольких статьях, предусматривающих обычные бытовые деяния, которые при совершении *по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы относятся к преступлениям экстремистской*

направленности. В итоге в УК РФ имеется 16 различных статей, которые прямо и непосредственно предусматривают уголовную ответственность за экстремизм.

Сепаратизм, публичные призывы к игнорированию федеральных законов, к отделению от государства, национальная, религиозная вражда, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по национальному и религиозному признаку в отечественном законодательстве всегда были уголовно наказуемыми. В многонациональной стране жизненным может быть лишь один подход: соблюдение равных прав всех народов при их широкой культурно-национальной автономии, где есть место для *здорового патриотизма* любой нации.

А. Солженицын в книге «Россия в обвале» (1998) обоснованно пишет: «Патриотизм — достояние многих стран, в том числе всех европейских, патриотизм — начало, объединяющее народ и никак не отделяющее от человечества... Приняв понятие гражданского патриотизма, нельзя упустить патриотизма национального. В странах однонациональных тот и другой едины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегражданского... В Соединённых Штатах патриотизм стоит высоко. Не только никто его не стыдится, но Америка дышит своим патриотизмом, гордится им — и разные народные группы сливаются в нём едино».¹⁵ Но самый высокий уровень патриотизма у евреев. Он заключён в сионизме. Если в советское время сионизм приравнивали к международному терроризму, то сейчас он обрёл гражданственность. В новом же российском законодательстве российский (русский) патриотизм приравнивается к новоявленному экстремизму.

Наиболее политически и юридически значимые статьи УК РФ 282-1 (организация экстремистского сообщества) и 282-2 (организация деятельности экстремистской организации) действуют в последней редакции с 2009 г., но учтённых деяний по ним практически мало. В официальном

¹³ Как обуздать политический экстремизм // Российская газета. — 1998. — 30 декабря.

¹⁴ Российская газета. — 1999. — 3 февраля.

¹⁵ Российская газета. — 1999. — 3 февраля.

статистическом ежегоднике эти статьи вообще не упоминаются. А согласно ведомственного единого отчёта о преступности за 2011 г. в этом году было зарегистрировано преступлений по ст. 282-1 — 17, из которых расследовано 7 дел и направлено в суд 6, а по ст. 282-2 — зарегистрировано — 67, расследовано — 45 и направлено в суд — 43. Удельный вес деяний в структуре всех осуждённых в этом году составляет 0,006%. Хотя в печати и на телевидении отдельные случаи экстремизма постоянно муссируются под различными устрашающими предложениями об экстремистских взглядах и убеждениях.

Википедия, например, приводит огромный список событий, связанных с законом об экстремизме в 2007 г. «...на учёте в МВД состоит 302 неформальных молодёжных объединения с признаками экстремистских взглядов и убеждений. Для противодействия этим особо опасным явлениям в МВД России образован Департамент по противодействию экстремизму, в функции которого входит: мониторинг происходящих процессов в экстремистской среде; профилактика, выявление и пресечение преступлений, а также координация и взаимодействие с другими правоохранительными органами».¹⁶ Каково же действительное положение дел с состоянием и противодействием экстремизму? В начале, когда происходило объективно неоправданное нагнетание обстановки и чехарда с принятием и изменением уголовных законов об экстремизме, рассматриваемые преступления были практически единичными. В 2008 г. было зарегистрировано самое большое число — 252 преступления и выявлен 251 правонарушитель, которые составляют 0,008 % от общего числа учтённых деяний.

Было бы очень важно сравнить наши данные с реальной статистикой политически мотивированных преступлений, совершаемых в других странах. Однако мне не известно ни одной страны, где бы была уголовная ответственность за экстремизм, как у нас и системный официальный учёт подобной политической преступности.

¹⁶Официальный сайт МВД РФ. URL: <http://www.mvd.ru/news/23452> (дата обращения: 18.11.2012).

Обратимся к возможным международным сравнениям. Если сравнить Россию и США, иной раз громче всех заявляющих о проблемах российского экстремизма с голосов «своих» людей, хотя по официальной статистике ситуация в России выглядит намного более спокойной. По данным же ФБР, в 2004 году (последние доступные данные) в США было зарегистрировано 7649 криминальных инцидентов, которые были мотивированы ненавистью к расе, религии, физическим недостаткам, национальности и пр., пострадало 9,5 тыс. человек, а виновниками этих преступлений были 7,1 тыс. человек. По данным независимой американской аналитики в США ныне действуют более 800 экстремистских организаций, исповедующих идеологию ненависти к представителям другой расы, религии и нетрадиционной сексуальной ориентации, а всех их объединяет ненависть к нынешней американской власти. Около 200 экстремистских организаций декларируют, что они готовы прибегать к насилию для достижения своих целей. Любопытно, что крайне правые и крайне левые экстремистские организации США позитивно оценивают деятельность исламских террористов, потому что их деятельность помогает уничтожить нынешний несправедливый мировой порядок. Ежегодно в США учитывается более 8 тыс. «преступлений ненависти». По мнению крупных университетских специалистов с начала 1990-х годов наблюдается значительное увеличение числа преступлений ненависти.¹⁷

Принятие антиэкстремистских законов вызвало большую дискуссию в Государственной Думе РФ. Говорилось, что «экстремизм» неопределён. «Он развязывает руки для преследования любого инакомыслия в нашей стране. Закон антиконституционен и антидемократичен». Однако депутаты из Единой России говорили другое. Они пугали насильственным изменением конституционного строя, подрывом безопасности РФ, захватом и

¹⁷ URL: <http://www.usinfo.ru/terroristyvusa.htm> (дата обращения: 18.11.2012). См. также *Овчинский В., Кочубей М.* Экстремизм в США. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/09/790/21.html> (дата обращения: 18.11.2012).

присвоением властных полномочий и т.д. И эти вариации были доминирующими. Есть русская пословица «У страха глаза велики». Многие политики и аналитики действительно прогнозируют рост недовольства народа. Начальник управления специальных технических мероприятий МВД РФ Б. Мирошников сообщил, что в рунете ныне действуют до 40 сайтов экстремистской направленности. И это вызывает страх некоторой части элиты. В целях защиты элиты мотивация экстремизма была дополнена: *равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы относятся к преступлениям экстремистской направленности*. Что это за безымянные социальные группы, о которых так усердно печётся законодатель? Ответ прост. Это группы, несправедливо нажившие и продолжающие наживать личное состояние даже во время экономического и финансового кризиса. Это олигархи, богатые люди, коррупционеры всех мастей — чиновники, депутаты, сенаторы и другие представители «крапивного племени», которые, вопреки закону, используют свои властные полномочия в личных интересах.

Надо иметь в виду, что 760 тысяч несовершеннолетних живут, по словам Д.А. Медведева, в социально опасных условиях.¹⁸ При таком отношении к несовершеннолетним и молодёжи в нашей стране трудно ожидать от них лояльности к властям. И этих недовольных не исправишь уголовным наказанием (они объективно обозлены на жизнь и несправедное богатое окружение). Понятно, что современный экстремизм в широком понимании данного слова — это не столько столкновение религий, наций, цивилизаций, сколько антагонизм между страшной бедностью нередко потенциально богатых регионов и беспредельным богатством развитых стран, которое нередко было добыто противоправным путём. И здесь движущей силой выступает не столько сама бедность, сколько величайшая *социальная несправедливость* в мире, удерживаемая с помощью серьёзного прямого и косвенного давления и насилия одних слоёв обще-

ства над другими, одних стран над другими, одних народов над другими.

Давно известно, что в нашей стране регистрируется запредельный рост пропасти между бедными и богатыми. По некоторым данным этот разрыв достигает 30—100-кратной величины. Несправедливость этого разрыва, образованного за счёт фактического разграбления общенародной собственности, совершённого с позволения властей, *осознаётся почти всем населением*. И это осознание, загнанное требованиями морали и права, вплоть до уголовного, несёт в себе не только криминогенные, но и долговременные террогенные и экстремогенные условия. В критических ситуациях они могут актуализироваться. Власти этого очень боятся. Но вместо того, чтобы честно об этом сказать и принять меры, сглаживающие криминогенные и экстремогенные различия, власти неправомерно криминализируют это законное недовольство народа, полагая, что угрозой уголовной ответственности можно заткнуть людям рты. *Опасная тенденция*.

Политизация. Обобщив некоторые причины экстремизма, которые могут порождать различные, нередко непримиримые, противоречия и конфликты в обществе, разрешение которых определённые лица, слои, группы, партии и даже целые народы видят либо в насильственном переустройстве жизни, либо в психологическом давлении на власти или отдельные слои населения при достижении своих целей. Многие существенные объективные противоречия и конфликты копятся годами, десятилетиями, а иногда и веками, *а другой стороной игнорируются и не разрешаются*. Тогда как основные мотивы лидеров экстремистской деятельности, включая зарубежных благотворителей и организаторов, *носят иной идейный или псевдоидейный характер, направленный на радикальное изменение власти, политики, экономики, бизнеса, преступной среды во имя собственных политических, идеологических и экономических целей, прикрытых лозунгами о борьбе за интересы соответствующих слоёв населения и разрешение их накопившихся социальных, национальных, религиозных и иных противоречий*. Этот

¹⁸ Российская газета. — 2009. — 12 февраля.

приём широко используется в обычной политической борьбе, но он является особо распространённым в организационной экстремистской деятельности в последние годы развернувшихся цветных революций.

Отдельные люди, группы, слои, сочувствующие декларируемым целям лидеров экстремизма, а чаще всего обманутые ими, мотивационно озабочены реальными противоречиями и несправедливостями их жизни и деятельности. Они составляют для организаторов экстремизма ту самую социальную базу, на которую последние опираются и поддержкой которых спекулируют. Без этой социальной базы домашние и закардонные организаторы экстремизма не могли бы иметь той силы, которую иногда демонстрируют люди в процессе того или иного народного недовольства. А поскольку в процессе развития человеческого общества политические, социальные, экономические, национальные, территориальные миграционные и иные противоречия только нарастают, то и социальная база для экстремизма в нашей стране не сокращается. Это же отражается на неблагоприятных тенденциях преступлений экстремистской направленности в различных странах и в мире под влиянием внешних наднациональных образований, основной задачей которых является удержание контроля над расширяющейся экстремистской деятельностью.

Некоторые авторы обращают внимание на *социально-психологические и индивидуально-психологические причины* экстремизма. Мотивации самоутверждения, стремления к утверждению себя в референтной среде, служение фанатичной идее «спасения» мира, агрессивность, проявление крайней нетерпимости к инакомыслию, к мигрантам, а мигрантов к аборигенам и т.д. Не исключая влияния психологических особенностей на формирование экстремистского поведения отдельных лиц, основные причины экстремизма лежат, тем не менее, не в психологии, а в *политических, экономических, социальных, национальных и религиозных отношениях*, на которые потом наслаиваются многие другие обстоятельства и социально-экономические причины

окрашиваются в тот или иной политический, идеологический, национальный, религиозный или психологический цвет, что ещё более упрочняет преступную направленность отдельных групп и слоёв населения.

Зарубежные авторы об этом говорят открыто. Даниель Гансер (**Daniele Ganser**), профессор современной истории в университете Вале и президент Ассоциации по изучению нефтяного пика Швейцарии, опубликовал справочное издание «Секретные армии НАТО: терроризм в Западной Европе» (**NATO secret Armies: Terrorism in Western Europe**). Согласно его исследованиям, США в течение 50 лет организовывали в Западной Европе теракты, которые затем ложно приписывали левым и крайне левым экстремистским партиям, чтобы дискредитировать их в глазах избирателей. Эта стратегия применяется и сегодня, чтобы вызвать страх перед исламом и оправдать войны за нефть.

Мы коснулись истории экстремизма, причин его криминализации, его исполнителей и руководителей. Опираясь на эту более или менее доказательную базу, можно непосредственно перейти к анализу антирелигиозного «панк-молебна» в Храме Христа Спасителя, устроенного 21 февраля 2012 г. Надеждой Толоконниковой, Марией Алёхиной, Екатериной Самуцевич и ещё двумя девушками, фамилии которых не удалось установить, так как они были в масках и скрылись. В СМИ их называют ещё и панк-группой Pussy Riot. Они надели маски и поднялись на амвон в Храме Христа Спасителя, где по многовековым традиционным правилам Русской Православной Церкви нельзя находиться посторонним людям. Они были в крайне неприличной одежде, полуобнажённые — в вызывающих платях ярких расцветок. Видеоролик этого аморального, криминального и скандального выступления девушек был выложен в Интернете. В песне девушек есть строчка — ремейк «Боже царя гони», перешедший в «Богородица, Путина прогони». Они открыто сожалели, что в храме уже не было Пояса Богородицы. Всё это происходило в присутствии верующих, которые были крайне возмущены их богохульством.

Богохульство в Храме Христа Спасителя не было началом их публичной деятельности. Поначалу группа состояла из выпускников философского факультета МГУ, объединившихся и создавших группу «Война», куда входило много студентов, в том числе и гражданский муж Толоконниковой — Пётр Верзилов. Идеологом группы «Война» был Алексей Плущер-Сарно (филолог, искусствовед и журналист). Он автор всех её текстов и концепций. Среди его наиболее громких «произведений» — акции «Говно — друг или враг», «Современное искусство — гной и блевотина». Толоконникова участвовала в неприличных и омерзительных акциях (будучи на 9 месяце беременности публично занималась групповым сексом, участвовала в плясках и оргиях в судах, в музеях, в метро, на Красной площади, на Лобном месте, на могиле Неизвестного солдата, в храмах и т.д.), в том числе и с ребёнком на руках. Когда мать Толоконниковой увидела акции «Войны» по телевидению, вызвавшие у неё справедливую негативную реакцию, она прилетела в Москву и выгнала дочь из дома. Надя скиталась с девочкой по чужим местам, а потом она с гражданским мужем «сбагрила» (так сказано в РФ) дочку её родственникам. Они жаждали своего ареста, своей известности, чтобы еще больше прославиться. Но полиция была гуманной.

По опросу ВЦИОМ 86 % россиян были убеждены, что взбунтовавшихся девочек надо наказывать. Как сказано в сопроводительной записке к одной из их акций, «Мусор должен на коленях стоять и прощения просить у нас, деятелей изящных искусств». Репетицией к панк-молебну в Храме Христа Спасителя явилась оргия во втором по значимости храме Москвы — в Елоховском соборе и других приходах. «Бесовский шабаш», как назвал это действие журналист Максим Соколов, шагал по стране и даже за её пределами. Две осквернённые церкви в Южно-Сахалинске, осквернённая церковь в Великах Луках, попытка поджечь собор в Балтийске (б. Пиллау), осквернение храма XIII века в Пскове, набег на православный храм в Вене, кафедральный католический собор в Кёльне, сокрушение Поклонного креста

в Киеве и других городах. Националисты воспользовались этим и стали требовать отменить статьи об экстремизме.

Группа безбашенных девиц назвали себя позорно и вульгарно Pussy Riot. Даже на английском языке эти слова звучат неприлично. Специалисты затрудняются дать точный перевод. Игорь Крылов, написавший о них в Российской газете огромную статью «От «Войны» до Pussy Riot», их название перевёл как «Бунт кисок», а Елена Костюченко предложила «Писькин бунт», оговариваясь, что это в самом цензурном варианте. А другие оппоненты настаивают на якобы более точном переводе «Взбунтовавшиеся влагалища». Если же обратиться к английским словарям, не используя глубинное и подспудное понимание этих слов, то **Puss** — это кошечка, киска, **Riot** — это бунт, мятеж, а также бунтовать; принимать участие в бунте, буйствовать, шуметь, предаваться разгулу. «Пусики» добились своего, эти слова и их сейчас знает весь мир. К чему они, видимо, и стремились. Хотя вряд ли они и их организаторы имели такие скромные задачи.

Новые формы цветных революций. Давно известно, что русская солидарность имеет слабый социальный «клей». И это в своё время использовали американские разведчики. Сразу же после ВОВ американцы, бредившие идеей мирового господства, которой бредили и пришлое организаторы революции 1917 г., искали пути ослабления и захвата СССР. В «плане Даллеса», например, есть такие слова: «Окончится война, всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, — всё золото, всю материальную помощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг и сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём

у них охоту заниматься изображением... исследованием процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом... Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем. А. Даллес».¹⁹

Задолго до перестройки Дж. Кеннан-младший писал: «Если кому-нибудь удастся нарушить единство и силу Коммунистической партии как политического инструмента, Советская Россия может быть быстро превращена из одного из сильнейших в одно из самых слабых и ничтожных национальных сообществ».²⁰ И такие предатели нашлись: М.С. Горбачёв,²¹

¹⁹ Шевяков А.П. Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. 1945–1991. — М., 2004. — С. 224–225; Лисичкин В., Шелепин Л. Третья мировая (информационно-психологическая) война. — М., 1999. — С. 150–151 и другие источники.

²⁰ Шевяков А.П. Указ. соч. — С. 146.

²¹ Горбачёв высказывался по этому поводу определённо и неоднократно: в Израильском парламенте в феврале 1992 г.: «Всё, что я сделал с Советским Союзом, я сделал во имя нашего Бога Моисея» (цит. по: Игнатъев А.Н. «Пятая колонна». — М., 1998. — С. 66); в Конгрессе США в 1992 г.: «Мир может

А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварнадзе, Б.Н. Ельцин и большая шеренга опозорившихся перед народом лиц, жаждущих пожать руку и получить подспорье у американцев.

В связи с изложенными реалиями невольно возникает вопрос, а так ли уж безбашенны и устремлённые самолюбованием участники Pussy Riot. У них были руководители, они получали из-за рубежа большие деньги, на их защиту и поддержку выступили известные американские СМИ. Особую заботу о них проявлял Б. Березовский, давно мечтающий свергнуть действующую власть в России, ради этого готовый затеять любой бунт. Ещё в феврале этого года он восхищался действиями группы «Война» и показывал фото Толконниковой и её мужа Верзилова. При этом он утверждал, что скоро эти люди начнут действовать по церковной линии и что существует подконтрольное Березовскому PR-агентство, предлагающее 100 тыс. долларов звездам шоу-бизнеса за поддержку Pussy Riot. Деньги поступали и из других мест.

Американское руководство добилось своего путём обманной политической демагогии. Оно всегда ненавидело Россию, огромную, относительно самостоятельную и богатую ископаемыми. Стремящиеся к этой цели президенты США подпольно разрушили власть КПСС, а следом за ней и страну. Но Россия выдержала, серьёзным социальным скрепом страны явилось православие, которое в последние годы серьёзно укрепилось в душах россиян. На подрыв православного христианства и других многоконфессиональных устоев, которые удерживают людей в лоне православной, мусульманской и других вероисповеданий и могли быть направлены разнузданные «Пусики». Для всех ныне очевидно, что руководство США активно

вздохнуть спокойно. Идол коммунизма... рухнул» (цит. по: Фроянов И.Я. Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. — СПб., 1999. — С. 130); в Американском университете в Турции в 1999 г.: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Мне удалось найти сподвижников. Среди них особое место занимают А. Яковлев и Э. Шеварнадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неопределимы» (цит. по: Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. — М., 2001. — С. 90–91).

стремится к мировому господству путём ложных наветов и обмана собственных народных масс. Судя по различным материалам США, руководство страны, преследуя свои политические цели, умышленно допустило разгром своего флота на базе Пёрл-Харбор (там оставались старые корабли, а новые авианосцы были заблаговременно выведены с базы), но погибли более 2 тыс. американских военных ради политических целей, главной из которых было не сохранение своих матросов, а то, чтобы войну начала Япония (Фредерик Шерман «Война на море»). Правда Япония потом также беспричинно получила две атомные бомбы. Чтобы знала, с кем имеет дело. Согласно книги Тьерри Мейссана «11 сентября 2001 года — чудовищная махинация», в которой он свидетельствует то, что башни были взорваны изнутри, а для вида в них были пущены пустые автоматически управляемые самолеты. Незадолго до этого башни были проданы и застрахованы на огромные деньги. Цель была одна — оправдать беспощадную борьбу с терроризмом, а фактически с другими несговорчивыми режимами. С мирового обмана начался разгром древнейшей страны Ирака по ложному обвинению его во владении ядерным оружием, разгром самостийной страны Ливии, а ныне Сирии. А до этого была разбомблена православная Югославия, поддержаны косовские бандиты Хашима Тачи, которые оказались международными преступниками, торговавшими человеческими органами югославы. Так что, имея такой богатый опыт обмана, американцам ничего не стоило попытаться на прочность русскую православную веру в условиях, когда возможные президенты США провозглашают Россию самым главным врагом.

Социально-правовая оценка. При всей нашей критической оценке и избыточности российской политизации законодательства о религиозной ненависти, которая в нашей стране была запрятана в «экстремизм», а в других странах — в другие словесные термины, суть остается одна — недовольство молодёжи положением дел и в нашей стране и в западных странах. В европейских странах эти вандалские действия именуется по-своему:

«дискриминацией» (Франция, Литва), «неуважением» (Швеция), «оскорблением» (Польша), «против вероисповедания» (ФРГ, Болгария), «тяжким нарушением общественного порядка» (Испания, и «на почве ненависти» (Бюро ОБСЕ) и т. д., правда, без саморазоблачительной политизации. Тем не менее, как бы не называл закон это деяние, совершённое на почве религиозной ненависти, мера уголовного наказания, как мы убедились, во всех странах не превышает 2 лет лишения свободы.

Действие субъектов, совершивших надругательство над религиозными чувствами православных граждан в Храме Христа Спасителя, были судом квалифицированы по ст. 213 ч. 1 (хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершённое по мотивам религиозной ненависти) и ч. 2 (то же деяние, совершённое группой лиц по предварительному сговору, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка). Максимальный срок наказания им грозил до 7 лет лишения свободы. Государственное обвинение требовало по три года колонии каждой осуждённой. Однако Хамовнический суд нашёл смягчающие обстоятельства и положительные характеристики Н. Толоконниковой, М. Алёхиной и Е. Самуцевич, а также наличие у первых двух девушек малолетних детей, но и не счёл возможным ограничиться условным сроком и приговорил каждую из них к двум годам заключения в колонии общего режима за хулиганство по мотивам религиозной ненависти.

Девушки в последнем слове настаивали на том, что их акция носила политический, а не религиозный характер. Суть дела это не меняет, поскольку мотивация преступления по данной статье может быть политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью. Несомненно одно, что мотивация была и политической, но доминировала религиозная составляющая. А политическая составляющая криминальной мотивации тоже была: «Богородица прогони Путина». Это лозунги рвущихся во власть либероидов. Это жгучее желание амери-

канской политической элиты, под которую «не лёг» Путин, как это сделали Горбачёв и Ельцин. Его западная элита не любит, т.к. он твердо отстаивает интересы России и международное право, которое США всюду попирают. А либероиды являются активными помощниками США, с их рук они кормятся, с их помощью они лелеют голубую мечту ворваться на олимп власти и окончательно разрушить Россию. В чём так же кровно заинтересованы США со времён Второй мировой войны. Но увы!

Я голосовал за В.В. Путина, но не являюсь его стопроцентным сторонником. Многим не нравится его властная вертикаль, его способствование привлечению к законной ответственности распоясавшегося Ходорковского (вина которого заключалась не столько в неуплате налогов, сколько в серьёзном коррупционном влиянии на парламент, но большое число парламентариев и парламентских партий, получавших от него мзду, было позорно и плачевно судить вместе с Ходорковским, хотя они этого заслуживали), его отношение к Северному Кавказу, к миллиардерам, к США, к тому, что не справляется с криминалом во власти и т.д. Но политика его в этом отношении находится в рамках *реальных возможностей и потребностей*. А кто его конкуренты? Что они сделали для России? Он принял Россию, падающую из рук пьяного Ельцина, и поднимает её с колен. Очень важные слова в отношении В.В. Путина сказал 90-летний известнейший американец Дональд Кендалл: «Я думаю, Путин — превосходный лидер. Ему достался чертовский беспорядок. Хотя здесь можно услышать множество отрицательных отзывов о Путине. Но это совершенно нелепо, потому что люди не были в России, не знают, чего удалось достичь этому парню... И мне кажется, было невероятным, что молодой мужчина — Путин, руководя такой страной, как Россия, смог справиться с непростыми задачами. Посмотрите, с чего он начинал, и что происходит сегодня... Я очень рад, что он избран ещё на один срок, потому что у него есть способности и есть последователи. Вы знаете — не многие среди президентов США достигали такого рейтинга популярности, как Путин. Даже на последних выборах,

когда его рейтинг упал с 60 до 50 %, он всё равно остался выше, чем рейтинг любого из президентов США».²²

В.В. Путин по поводу панк-группы высказался вполне определённо: «Ничего хорошего в этом нет. Тем не менее, я не думаю, что их надо так уж строго судить за это». А его пресс-секретарь Песков предостерег: «В нашей стране играть с национальностями, играть с религией — всё равно, что курить на бензоколонке». И это правильная констатация. А «пусики» жаждали поиграть с религией, чтобы разрушить скрепы страны.

Приговор вызвал волну возмущений у некоторой части молодёжи в России и западных странах. Но далеко не у всех. Например, великая французская певица Мирей Матье заявила, что девушки из антипутинской панк-группы совершили святотатство, выступив в храме. «Мне кажется они невменяемые, я осуждаю их действия. Церковь не место для подобных акций», — заявила она в эфире телеканала «ТВ-Центр». Мы анализировали уголовное законодательство многих стран. Подобные деяния наказываются практически во всех государствах. И Хамовнический суд не вышел за рамки европейских санкций — 2 года. Относительное большинство россиян, следившее за процессом, убеждено, что решение суда по делу было независимым. Большинство россиян (до 75 %), информированных об акции, не изменили своего отношения к судебной системе. Э. Кох («Forbes» США) присоединился к противникам Pussy Riot: «Pussy Riot ворвались в церковь, плясали вокруг алтаря, произносили непристойные молитвы, — заявил он. — По-моему, это требует наказания... Я аплодирую российской системе правосудия, которая, наконец, дала понять, что у церквей есть права». Сторонников панк-группы Pussy Riot в Германии, которые 18 августа 2012 года устроили подобный шабаш при проведении мессы в Кёльнском соборе в защиту российских **pusek** вывела из собора охрана. Представители католической церкви написали заявление в полицию.

²² Выпьем «за»...// Российская газета. — 2012. — 5 сентября.

«Покой в Кёльнском соборе был нарушен — мы не можем и не хотим этого терпеть», — заявил священник Роберт Кляйне. Нарушителям грозит денежный штраф или до трёх лет тюремного заключения, сообщает Frankfurter Rundschau. И никакого шума в Германии и других странах.

Нельзя не сказать и о том, что шабаш сопровождался последующими криминальными процессами. Украинская группа Femen спилила древний Поклонный крест в Киеве. И это действие оказалось заразительным. Вандализм с крестоповалом в России взяли на себя народовольцы. В разных регионах было спилено несколько поклонных памятных крестов, хотя по некоторым сведениям участницы Pussy Riot не одобряют волну крестоповала. Но как говорится в одном из сообщений Интернета: «Заразные болезни бывают не только телесные, но и психические». Нельзя исключить какого-то продолжения массовых выступлений недовольных, в том числе и в защиту Pussy Riot, в том числе и со случаями крестоповала и другого вандализма. Под прикрытием мотивации поддержки Pussy Riot в Казани И. Данилевский убил жену и её мать, а на стене их кровью написал «Free Pussy Riot»,

полагая, что всё будет списано на пусек. Не удалось. А 16 сентября 2012 года 62-летний гражданин, проживающий в Германии, а рождённый в России, облил чернилами икону в Храме Христа Спасителя. При задержании он заявил, что состоит на учёте в психоневрологическом диспансере. А 15 сентября состоялся разрешённый властями до 22 часов «Марш миллионов», где никаких миллионов не было. Может быть несколько тысяч, а к вечеру остались единицы. Короче: марш миллионов провалился. Раздутые соответствующей прессой аморальные выходки Pussy Riot не помогли. Состав разношерстный. Единства — нет. Лидера — нет. Требования к властям выкрикивалось много, но ничего системного и разумного. Крохотные марши прошли и в некоторых других городах. И это лишний раз свидетельствует о недовольстве определённой части молодёжи и о возможной криминализации подобных акций, с совершением которых надо вести гуманную, разумную, но решительную борьбу. Печать отозвалась: «Все понимают, что оппозиция необходима, но не оппозиция революционных нарциссов, а заинтересованных в будущем страны». И с этим нельзя не согласиться.

УДК 343.9
ББК 67.51

*К. Сессар**

ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРЕСТУПНОСТЬ И ИЗМЕНЕНИЕ ОБЩЕСТВА

Выжимка: В обществе есть опасение преступности, и есть подлинная наказательность. Дополнительная область для интерпретации криминологических знаний — социальное изменение.

Ключевые слова: страх преступности; наказания; изменения общества.

К. Sessar

VIEWS ON CRIMINALITY AND CHANGES OF SOCIETY

Summary: Fear of crime and genuine punishment coexist in the society. Social changes is an additional field for the interpretation of criminological knowledge.

Key words: fear of crime; punishment; changes of society.

1. Введение. Исследования воззрений подразумевают в основном опросы населения о мнениях, отношении или страхах против явлений, которые связаны с преступностью или преступлениями. Спрашивают, например, о распространении преступности или отдельных преступлений в стране, в отдельном городе или в части города, прежде всего о том, возросла или понизилась преступность. Или предлагают список совсем различных ситуаций совершения правонарушений (не правонарушений в чистом виде), и просят из него выстроить субъективную последовательность тяжести правонарушений. Или спрашивают о том, какой *уголовно-правовой реакции* в отношении определённых уголовных преступников отдаётся предпочтение, при этом деяние должно быть кратко описано (не только так: «убийство» или «разбой», но например, «убийство после ссоры в баре» или «нападение на пожилого мужчину в городском парке»); должен быть опять-таки построен рейтинг, кото-

рый надлежит протянуть от самого тяжёлого наказания (например, смертной казни или пожизненного лишения свободы) до самого лёгкого наказания (например, денежного штрафа). Или спрашивают о страхе перед преступностью, например, о том, насколько вероятным допускают для себя опрошенные стать в скором времени жертвой насилия, или не предприняли ли они соответствующие меры предусмотрительности (например, они вечерами не покидают дома или имеют при себе баллон с переносным газом). Или спрашивают жертв уголовного преступления, не заявляли ли они (или кто-либо другой) о преступлении, — так называемая *заявительская готовность*, — также как о мотивах заявления или не заявления.

Надёжные сведения об этих вещах имеют большое значение для политики, в особенности для *уголовной политики*. Хотя годовая уголовная статистика рассматривается как вид градусника, которым можно измерить общественный климат, всё же значительно ближе к жизни находятся воззрения на преступность, которыми могут быть измерены колебания в общественной чувствительности по отношению к уголовным правонарушениям. Целью исследований, во всяком случае, должно быть улучшение этого климата. Что это означает и какой имеет эффект?

* **Клаус Сессар** — профессор, доктор права, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Гамбург, Федеративная Республика Германия). E-mail: klaus@sessar.de

© К. Сессар, 2013.

** Перевод: Дмитрий Анатольевич Шестаков, 2013.

Знание воззрений, однако, также высокозначимо для *криминологического анализа*, поскольку криминология имеет дело с преступлением не как с чем-то отдельным, может быть, с несчастным случаем (для чего, в первую очередь, существует уголовная юстиция), но также как с *социальным фактом*. Значение и уровень этих социальных фактов устанавливается через мнения, протесты, защитные меры или требования к законодателю, например об ужесточении наказания, или же, наоборот, через снисхождение, скрытое сочувствие, сомнение, через поиск замены бесполезному наказанию. Или через требования замены правовых мер силовыми. Здесь встаёт вопрос о правонарушении, его обстоятельствах и типах правонарушителя, но также и о властных отношениях в государстве. Так всё ещё многообразно проводится моральное и фактическое различие между насильственной преступностью и преступностью против собственности, между хозяйственной, с одной стороны, и налоговой преступностью, с другой стороны. Имеются различные воззрения на преступника в зависимости от того, руководит ли он совершением деяния из-за письменного стола или сам его осуществляет. Изнасилование на войне есть нечто иное, чем такое же деяние в мирное время. Серийный убийца может быть героем или обычным повторяющимся душегубом. Задача криминологии состоит, или лучше сказать, должна состоять в том, чтобы установить, почему это так. Тогда почти автоматически мы относим к предмету исследования не только деяние или преступника или преступников, но также тех, кто о деянии или о преступнике или преступниках имеют суждения.

2. Познание и метод. Криминологическое обращение к воззрениям всё же весьма отягощено проблемами. Проблема состоит в том, что криминология сама развивает методические инструменты, которыми она воззрения измеряет. Для этого она использует, не всегда умело, свои собственные критерии, своё собственное предварительное знание, может быть, свои собственные предубеждения. Иногда она употребляет инструменты и теории из других культур, не проверяя, подходят ли

они также к собственной культуре (пример — определённые американские теории преступности, которые в Европе не имеют смысла, например, теории субкультур или конфликта культур). Также обстоит дело с интерпретацией данных. Позади этого много более общая проблема касается трудности, может быть, невозможности *разделения познания и метода*. Есть расхожее выражение: «Скажи мне, какой метод ты применяешь, и я скажу тебе, какие результаты ты получаешь». Вид наблюдения предопределяет наблюдаемого. Говорят также: «Красота сидит в глазу наблюдающего». Таким образом, она находится не в объекте наблюдения. (Некая женщина не прекрасна или безобразна, но она обозначается или тем самым «делается» прекрасной или безобразной через некоего третьего.) Целый ряд противоречий в выводах связан с такими трудностями. Один пример этому. Во всех опросах женщины обнаруживают больший страх перед уличной преступностью, чем мужчины, несмотря на то, что они меньше, чем мужчины подвергаются опасности. Но мужчины, во всяком случае, в Германии, чаще, нежели женщины подвергаются захвату, нападению или ограблению; изнасилование — большое исключение. Разъяснение для такого расхождения может лежать в постановке вопросов. Сформулированный в США, но употребляемый почти повсюду стандартный вопрос о страхе перед преступностью звучит: «Насколько уверенно чувствуете вы себя вечерами одни на улице в вашем жилом квартале?», — с вариантами ответов: «очень уверенно», «уверенно», «несколько неуверенно», «очень неуверенно». Вопрос содержит понятие уверенности — не опасения или страха. И также в нём не употребляется понятие преступления. Но полученные ответы оцениваются как выражение страха перед преступностью. Однако женщины ранимее мужчин, в темноте они чувствуют себя неувереннее, прежде всего, если их не сопровождают.

Чтобы это обнаружить, мы в одном исследовании опасений преступного поведения в пяти европейских городах (Вене, Будапеште, Кракове, Гамбурге и Амстердаме) изменили постановку вопроса. Мы отделили вопрос о страхе перед темнотой

и уединением ночью на улице от вопроса о страхе перед насилием. И женщины оказываются в самом деле непропорционально боязливее мужчин в отношении темноты, если их не сопровождают, но только немного боязливее, если речь идёт о насилии. Итак, вполне возможно, что формулировка вопроса предопределяет результат.

Но есть ещё здесь понятие *насилия*. Так как криминологи в большинстве юристы, они понимают под насилием те деликты насилия, которые есть в Уголовном кодексе, затем эти деликты запечатлеваются в анкетах. Это плохо. Женщины больше, чем мужчины подвергаются опасности публичных приставаний, словесных атак, дискриминирующих, прежде всего, сексуальных высказываний, грубостей и т.д. — всего образа поведения, который является насилием. До тех пор пока всё это не будет объято понятием насилия, на вопросы о страхе перед насилием нам не получить достоверных ответов.

3. Страх позади страха. Преступность и страх стать её жертвой относятся к крупным социальным проблемам нашего времени. Но они не были наибольшей проблемой. Например, страх перед угрожающей безработицей у нас всегда больше. И могло происходить, что преступность снижалась (между 1993 и 2010 годами с колебаниями от 8.337 деяний на 100.000 населения до 7.253 деяний, что на 13 % меньше), а измеренный страх преступности рос или оставался таким же. Более новые исследования для того, чтобы получить объективные ответы, больше не ограничиваются усовершенствованиями методов. В них проверяется, предполагают ли вопросы о страхе или опасениях преступности точно это или нечто другое. Быть может, позади них скрываются большие страхи или беспокойства, которые охватываются, возможно, также глобальными проблемами, конфликтами или опасностями? Подлежит обдумыванию, не является ли иногда преступность предварительным *кодом*, значение которого посредством новых исследований нужно расшифровать. «Это преступно» или «это относится к наказуемому», говорят у нас, безотносительно к тому, что полагает на сей счёт уголовное право, но потому что хотелось бы выра-

зить неодобрение, ярость, гнев или также иногда страхи.¹

Дискуссионна взаимосвязь между состоянием общины — города, части города, соседства, жилого района — и опасений преступности. Чем запущенней часть города, тем пугливее население. Ныне имеются сильные взаимосвязи между преступностью и *социальной дезорганизацией*, которая проявляется в социальных дефектах: загрязнённые улицы и площади, запущенные парки, разрушенные общественные сооружения (например, телефонные будки), перманентный ночной шум (физический беспорядок), наркоманы, проститутки и пьяные, группы празднично стоящей всегда на том же месте молодёжи, может быть, с собаками (социальный беспорядок). Где — такова убедительная теория — не сразу ремонтируются разбитые окна, там появляются последующие разбитые окна, затем приходит в негодность дом, разрушенные дома по соседству, и это притягивает преступность. Верно. Только эта взаимосвязь не непременно, есть пришедшие в запустение районы без большой преступности (и наоборот). Да, есть районы, чьи очевидные разрушения запечатлевают будничную картину, являются сами собой разумеющимися, и в которых преступность не имеет больших шансов. Что оседает в жителях, так это отчуждённость, их возвращение в собственные четыре стены, их неудовлетворённость. И если у них спросить, имеют ли они страх перед преступностью, тогда весьма вероятно они ответят «да». Исключение составляет ответ: «всё преступно».

Следовательно, нужно интегрировать опасения преступности в более широкую культурную и политическую тему. Надо попытаться криминологически определить *социальный порядок общины*, к которому относятся воззрения на преступность, как некую разъясняющую переменную величину для ощущения благополучия населения. Решающий пункт есть *безопасность*. Безопасность, вернее говоря, её противоположность *небезопасность* образует большую исследовательскую перспективу, чем

¹ О криминологическом понятии преступления и о не криминализованном преступлении см.: Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. — С. 14–15.

преступность. В районе, в котором живут, чувствуют себя неблагополучно или небезопасно или ощущают опасения против плохой видимости (темноты), незнакомцев (анонимов) и очевидного беспорядка, связывают всё это с наличием угрозы и отсутствием общественного контроля. В англо-американской криминологии запечатлено понятие «collective efficacy». Оно имеет большое превентивное значение и подразумевает взаимную поддержку жителей, их активное взаимодействие при ощущении общности, к нему, разумеется, относится со стороны общины также функционирование инфраструктуры. Если это удастся, то collective efficacy является лучшим средством против боязни, в том числе перед преступностью.

Для чего это всё? В то время как в традиционной концепции боязнь преступности является вопросом полиции и уголовной политики — боязнь нужно побороть как само преступление (чем меньше преступников, тем меньше опасений), — современная концепция укладывает эту боязнь в более широкий спектр общей социальной неуверенности. Но тогда наряду с полицией с её *репрессивными* формами контроля опрашивается гражданское общество и «community», которые с их *превентивными* формами социального контроля могут способствовать безопасности и вместе с тем также меньшей боязни (можно надеяться).

Дальнейшие исследования, которые только начинаются, расширяют данную исследовательскую перспективу. Сообразно с этими исследованиями большие опасения преступности имеют люди, у которых также выражено ощущение неуверенности перед общими угрозами. Примерами являются атомные электростанции, глобализация с негативными последствиями для существования (например, безработица), непобеждённые эпидемии, отравление продуктов питания или общее изменение климата. Если эти исследования удалась бы, то боязнь преступности вписалась бы ещё более в контекст общей неуверенности. Но мы ещё не так далеко продвинулись.

4. Бессилие и вопль о каре. Другой комплекс воззрений касается вопроса,

насколько жестоко должен быть наказан преступник. Таким образом, исследуется объём *карательности*. Вторично возникает методическая проблема в развитии необходимых инструментов, чтобы получить по возможности достоверные ответы. Один пример. Можно сконструировать для опрашиваемых случай умышленного убийства в соседском конфликте и предложить им шкалу наказаний, которая простирается вниз от смертной казни до денежного штрафа. В таком случае не исключено получение большей части предпочтений за смертную казнь. Но если мы перевернём шкалу и начнём с денежного штрафа, доля сторонников смертной казни сократится. Почему? Тенденция состоит в том, что наказания, которые стоят выше, отмечаются чаще, чем те, которые стоят ниже. Поэтому можно уже с помощью конструкций таких шкал делать политику. Подобно тому, как обстоит дело с опасением преступности, у *наказательности* также имеются описательная (дескриптивная) и аналитическая области. Если получают высокие оценки наказания, то это, возможно, говорит о высокой или возрастающей преступности или о недавних особенно тяжких преступлениях. Примером из последнего времени было у нас половое злоупотребление против детей в закрытых детских домах и интернатах или совершённое католическим священником. Может также быть, что некое общество культурно и традиционно жёстче, чем другие общества, обусловливает свои воззрения на наказание. В аналитической области, если посмотреть позади статистики и данных исследований, то можно увидеть поразительные параллели по отношению к интерпретации опасений преступности. Иногда проблема преступности или угрозы преступлений — вместе с требованием наконец хоть что-нибудь в этой области делать — совсем не так велика. Иногда прежде неё есть яростное бессилие против плохих социальных (например, бедных) условий, в которых нужно жить, против утраты традиционных ценностей, таких, как солидарность и социальная ответственность, против безответственной политики, против мира без определённых целей и ориентиров. Бессилие удваивается, если замечается, что

социальные отношения нельзя наказывать. В подобных случаях иногда замещающим образом требуют тюрьмы для политиков и банкиров. Но это, наверное, было бы также только краткосрочным удовлетворением общей потребности в наказании. Голос из английской криминологии к нашей теме: «Истинную основу карательных воззрений равно как опасения или страхов стать жертвой насилия, можно найти в значительно большей обеспокоенности социальными изменениями» [englisch: «The real source of punitive views, as well as anxieties/fears about victimisation, may be found in wider concerns about social change»].²

Как выглядят исследования? Наибольшая методическая ошибка состоит, прежде всего, в том, что население упорно опрашивают о наказаниях так, как они записаны в законе. Но опрашиваемые не информированы ни о том, что эти наказания означают, ни о том, какие альтернативы имеются или могли бы быть — внутри и вне системы наказания. Вот негативный и позитивный примеры этому.

Известна высокая эмоциональная оценка смертной казни в Америке. В силу традиционной культуры воздаяния («Око за око, зуб за зуб»), там верят в устрашающую силу этого наказания, которая давно эмпирически опровергнута. Понятно, что на первых порах чувствуешь себя в безопасности от преступника, если он больше не живёт. Но число сторонников смертной казни в последние годы уменьшилось в пользу пожизненного лишения свободы. Поскольку преступник, пожизненно заключённый («lifer»), ни через условное освобождение (parole), ни через помилование не может быть освобождён и к тому же подвергается внутри тюремных стен чрезвычайно суровому обращению, постольку представляется, что это может быть пригодным средством сделать для людей привлекательной отмену смертной казни. Иной подумает, срочное наказание этого вида может быть ещё хуже смерти, потому что оно продолжительнее её.

² King A., Maruna S. Is a conservative just a liberal who has been mugged? Exploring the origins of punitive views. *Punishment and Society* 11, 2009, S. 147–169.

Другой пример касается того, будет ли воспринят отказ от наказания, если между преступником и жертвой имелась какая-нибудь частная или опосредованная через третье лицо форма успешного соглашения о возмещении ущерба или денежной выплате. Есть много исследований этого. Мы образуем две группы из населения: «А» и «В». Обе получают предложенный им случай с ранее судимым мужчиной, который в баре начал конфликт и потерпевшего ударом стула свалил на пол. Должна быть названа зияющая рана на голове, а также потеря потерпевшим двух зубов. Только группа «В» получила дополнительную информацию о том, что виновный до судебного рассмотрения в беседе, направляемой социальным работником, прощён потерпевшим, чьи убытки возмещены, чем пострадавший удовлетворён. В группе «А» 10 % поддерживают реальное лишение свободы, 26 % условное лишение свободы с испытанием для осуждённого. В группе «В» оценки составляют 4 % и 14 %. Никто в группе «А» не хотел, чтобы уголовный процесс был прекращён без последствий. В группе «В» таких было 24 %. Подобные результаты повторялись неоднократно. Между тем у нас говорят о третьей колее — о *заглаживании вины*, которое в значительной области небольших и даже средней тяжести преступлений может заменить назначение наказания — или лучше сказать: могло бы, если только юстиция приняла бы участие.

5. Заключительные замечания. Я хотел попытаться извлечь исследования воззрений на преступность из тесного корсета лишь позитивистского описания, чтобы их поставить в большую общественно теоретическую взаимосвязь. Описание продолжает получать знакомые результаты: в обществе есть опасение преступности, и есть подлинная наказательность. Но мы, криминологи, не хотели бы этим удовольствоваться и спрашиваем себя, нет ли ещё иной области для интерпретации наших данных? Мы полагаем такую область найти: есть *социальное изменение*. Страх перед ним, бессилие наших выводов для нашего существования — всё это находится, очевидно, также в наших воззрениях на преступность. Это новое, которое далеко простирается. Я вам рассказал о начале.

УДК 343.9
ББК 67.51

А. Лепс*

ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ЯВЛЕНИЕ СУЩНОСТИ

Выжимка: Определение «преступность» в традиционной криминологической литературе является довольно простым вопросом, однако в действительности оно является довольно сложным вопросом, что в свою очередь означает, что в науке, в том числе и криминологии, простых проблем не существует.

Ключевые слова: Гегель; преступность; вещь; целое; часть.

А. Leps

HEGEL'S LOGICS AND CRIME AS A PHENOMENON OF NATURE

Summary: In traditional criminological literature, the concept of «crime» can appear a simple issue, but in reality, it is much more complicated. That means that there are no simple problems in science, particularly in criminology.

Key words: Hegel; crime; thing; whole; part.

1. Понимание Гегелем вещи, которой является по видимости и преступность. Великий немецкий учёный Г.В.Ф. Гегель пишет: что «*сущность должна являть (себя) (Das Wesen muß erscheinen)*. Бытие есть абсолютная абстракция; эта отрицательность не есть для него внешнее, но оно есть бытие, и ничего другого, кроме бытия, только как эта абсолютная отрицательность. Из-за этой отрицательности бытие есть лишь как снимающее себя бытие, оно и есть *сущность*. Но и наоборот, сущность как простое равенство с собой есть также *бытие*. Учение о бытии содержит первое положение: *бытие есть сущность*. Второе положение: *сущность есть бытие* — составляет содержание первого раздела учения о сущности. Но это бытие, которым делается сущность, есть *существенное бытие, существование, выхождение (Herausgegangein)* из отрицательности и из внутреннего».¹

По Гегелю, на уровне бытия всё конкретно, и на уровне сущности относительно

* **Андо Лепс** — доктор юридических наук, профессор, Правовая академия Таллиннского университета, член Римского Клуба (Таллинн, Эстония). E-mail: andoleps@hotmail.ee

© А. Лепс, 2013

¹ *Гегель Г.* Наука логики. — СПб., 2002. — С. 435.

но или вероятно. Это важный факт! В отличие от Гегеля мы изучаем здесь не явление сущности вообще, а определённое явление сущности, которым является преступность, где абсолютной абстракцией является преступление. Следовательно, преступление, как одно из основополагающих понятий правовых наук, особенно уголовного права, вопреки распространённому мнению, в действительности совершенно абстрактное явление.²

Далее Гегель пишет: «Это» (das Diese) (по-нашему мнению преступность — сумма разных преступлений. — А.Л.) составляет, следовательно, полную определённость вещи в том смысле, что эта определённость есть в то же время внешняя определённость. Вещь (преступность — А.Л.) состоит из самостоятельных материй (т.е. преступлений — А.Л.), безразличных к их соотношению в вещи. Вот почему это соотношение есть лишь несущественное сочетание их, и ... есть лишь бессильное «это». Вот почему, сочетаясь в вещи, они (разные преступления — А.Л.) не снимают себя; как самостоятельные они непроницаемы друг для друга, в своей определённости

² *Лепс А.* Кризис юридической науки, в том числе криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1 (20). — С. 34.

они соотносятся лишь с собой и представляют взаимно безразличное многообразие устойчивости; они способны иметь лишь некоторую количественную границу. Вещь как *эта* вещь (т.е. преступность — А.Л.) есть их количественное соотношение (т.е. разных преступлений — А.Л.), есть простое скопление. Она *состоит* из того или иного определённого количества одного вещества (т.е. разных преступлений или отдельных видов преступлений — А.Л.), состоит *также* из определённого количества другого вещества; вещь составляет только эту связь, состоящую в отсутствии всякой связи».³

Понимание нами преступности как вещи очень тонкое. У Гегеля всё является вещами, часто, вероятно, и человек.⁴ Преступность как вещь состоит из разных преступлений, которые имеют только какое-то количественное соотношение разных преступлений или их групп, или их простое скопление. Равным образом мы можем сказать и то, что преступность как сумма разных преступлений, не имеет никакой связи между разными преступлениями.⁵

На этом уровне знания мы можем определить только внешнюю или абстрактную определённую преступности. К сожалению, правовая наука внутреннюю или неформальную определённую преступности до сих пор не знает.

Эта вещь (преступность — А.Л.), замечает Гегель, как она определилась, как чисто количественная связь свободных веществ (преступлений — А.Л.), совершенно изменчива. Её изменение состоит в том, что одна или несколько материй (преступлений — А.Л.) выделяются из этого скопления или присоединяются к этому, или же в том, что их количественное соотношение изменяется. Возникновение и перерождение *этой* вещи есть внешнее растворение (как определённая связь между разными преступлениями — А.Л.) такой внешней связанности или связанности того, чему безразлично быть или не

быть связанным. Ничем не удерживаемые вещества (т.е. преступления — А.Л.) выходят из *этой* вещи или входят в неё; сама она — абсолютная пористость (по нашему мнению, здесь надо иметь в виду, что понятие пористость или пористость материи, значит противоположность разных видов преступлений без собственной меры или формы — А.Л.)».⁶

Что преступность не имеет собственной меры и формы — это очень важный факт.

2. Пояснение Гегеля к предыдущему внешнему понятию преступности. В примечании (пористость материи) Гегель пишет, что «одно из самых обычных определений (вещи), даваемых представлением, — это то, что *вещь состоит из многих самостоятельных материй* (т.е. преступность состоит из многих самостоятельных преступлений — А.Л.). С одной стороны, вещь рассматривается так, что она обладает *свойствами* (т.е. преступлениями — А.Л.), *устойчивое* наличие которых и есть *вещь*. Но с другой — эти разные определения понимаются как материи (т.е. как преступления — А.Л.), устойчивость которых не есть вещь, а наоборот, *вещь состоит* (besteht) из них; сама вещь — это лишь их внешнее сочетание и количественная граница. И свойства и материи — это *все определения содержания*. Разница лишь в том, что в одном случае они моменты, рефлексированные в своё отрицательное единство, как в отличную от них самих основу, в *вещность*. В другом случае они самостоятельные, разные (материи), каждая из которых рефлексирована в своё единство с собой. Эти материи (т.е. преступления — А.Л.), далее определяют себя как самостоятельную устойчивость, но они также находятся вместе в одной вещи (т.е. преступности — А.Л.). Эта вещь имеет два определения: она, во-первых, *эта* и, во-вторых, «*также*» (auch). «Также» — это то, что во внешнем созерцании выступает как *пространственная протяжённость*, а «это», отрицательное единство, есть *точечность* вещи. Материи находятся вместе в точечности, и (или) их «также» протяжённость есть повсюду эта точечность, ибо «также» как вещь по существу своему равным об-

³ Гегель Г. Указ. соч. — С. 448.

⁴ Лепс А. Указ. соч. — С. 30.

⁵ Шестаков Д.А. Криминология. Преступность как свойство общества. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001; Издательство «Лань», 2001. (Учебник для вузов). — С. 83.

⁶ Лепс А. Указ. соч. — С. 448–449.

разом определена как отрицательное единство. Поэтому, где имеется одна из этих материй, там *в той же самой точке* имеется и другая. Неверно, будто вещь имеет в одном месте свой цвет, в другом — своё вещество пахучести, а в третьем — свой теплород (сказанное Гегелем значит, что неверно, будто преступность имеет в одном месте, например, только кражи, в другом убийства, а в третьем — мошенничества и т.д. — А.Л.). Дело обстоит так, что в той же точке, в которой вещь тепла, она также имеет цвет, электризована и т.п. А так как эти вещества находятся не вне друг друга, а в одном и том же «этом», то их принимают за *пористые*, так, что одна материя существует в промежутках другой. Но материя, находящаяся в промежутках другой, сама также пориста. Поэтому, наоборот, в её порах существует другая материя, однако не только эта другая, но и третья, десятая и т.д. Все материи пористы, и в промежутках каждой из них находятся все другие, равно как и сама она вместе с остальными материями находится в этих порах каждой из них. Поэтому они составляют некоторое множество, проникающее друг в друга таким образом, что проникающие в свою очередь проникаются другими, стало быть, каждая материя снова проникает в свою собственную проникнутость. Каждая материя положена как своё отрицание, и это отрицание есть устойчивость другой, но эта устойчивость точно так же есть отрицание этой другой и устойчивость первой.⁷

Этот довольно длинный и не лёгкий философский текст Гегеля показывает, как сложным является проблема, которую учёные-криминологи обычно не рассматривают. Мы поместили этот текст, чтобы читатель мог убедиться, что можно исследовать очень важную и сложную проблему преступности в связи с проблематиками явления и сущности.

Однако Гегель в дальнейшем сам даёт более удобное для понимания объяснение вышеизложенному. Как известно, во времена Гегеля очень часто повторяли один и тот же текст иногда с незначительными изменениями. Однако повторение — мать учения!

⁷ Лепс А. Указ. соч. — С. 450-451.

«При ближайшем рассмотрении оказывается, — отмечает Гегель, — что *целое* (преступность — А.Л.) — это рефлексированное единство, которое само по себе обладает самостоятельным устойчивым наличием. Но это его устойчивое наличие точно также и отталкивается от него. Как отрицательное единство целое есть отрицательное соотношение с самим собой. Как таковое оно стало внешним по отношению к себе. Оно имеет своё *устойчивое наличие* в противоположном себе, в многообразной непосредственности, *в частях* (т.е. в разных преступлениях — А.Л.). *Целое состоит* (besteht) *из частей*, так что без них его нет. Следовательно, целое — это всё отношение и самостоятельная тотальность. Но как раз по этой причине оно лишь нечто относительное, ибо то, что делает его тотальность, есть, наоборот, его *иное* — части и своё устойчивое наличие целое имеет не в самом себе, а в своём ином. Части (разные преступления — А.Л.) также составляют всё отношение. Они — непосредственная самостоятельность в *противоположность* рефлексированной и не пребывают в целом, а суть сами по себе. Они, далее, имеют в самих себе это целое как свой момент. Оно составляет их соотношение. Без целого нет частей. Но так как они суть, то самостоятельность этого соотношения — лишь внешний момент, к которому они в себе и для себя безразличны. Однако в то же время части как многообразное существование совпадают друг с другом, ибо это многообразное существование есть бытие, лишённое рефлексии. Они имеют свою самостоятельность лишь в рефлексированном единстве, которое есть и это единство, и существующее многообразие. Это означает, что они имеют самостоятельность лишь в *целом*, которое, однако, есть в то же время *другим* для частей. Поэтому целое и части (преступность и разные преступления — А.Л.) *обуславливают* друг друга. Поскольку каждая из сторон отношения имеет свою самостоятельность не в самой себе, а в себе *другой*, налицо лишь одно тождество обеих, в котором обе суть лишь моменты. Поскольку каждая из них самостоятельна в самой себе, они являют собой два самостоятельных

существования безразличных друг другу. С первой точки зрения — с точки зрения существенного тождества этих сторон — *целое равно частям и части равны целому*. Нет ничего в целом, чего нет в частях, и нет ничего в частях, чего нет в целом. Целое — это не абстрактное единство, а единство *разного многообразия*. Единство есть *определённость* многообразия, благодаря которой оно часть. Следовательно, отношение имеет одно неразделённое тождество и лишь одну самостоятельность. Кроме того, целое равно частям. Однако равно оно *им* не как частям. Целое — это рефлексированное единство, части же составляют определённый момент или *инобытие* единства и суть разное многообразное. Целое (преступность — А.Л.) равно им не как этому самостоятельному разному, а как им всем *вместе*. Это их «вместе» есть, однако, не что иное, как их единство, целое, как таковое. Следовательно, целое (преступность — А.Л.) равно в частях (т.е. разных преступлениях — А.Л.) лишь самому себе, и равенство его и частей выражает лишь тавтологию: *целое как целое равно* не частям, а *целому*. И наоборот, части равны целому. Но так как они суть момент инобытия в самих себе, то они равны целому не как единству, а таким образом, что *одно* из его многообразных определений приходится на часть. Иначе говоря, они равны *ему* как *многообразному*. Это означает, что они равны ему как *разделённому целому*, т.е. *как частям*. Здесь, стало быть, имеется та же тавтология: *части как части* равны не целому как таковому, а *самим себе* в этом целом, *частям этого целого*. Целое и части безразлично отделяются друг от друга (*fallen auseinander*), каждая из этих сторон соотносится лишь с собой. Но удерживаемые таким образом вне себя, они разрешают сами себя. Целое (преступность — А.Л.), безразличное к частям (к разным преступлениям — А.Л.), это есть *абстрактное*, неразличённое внутри себя *тождество*. Такое тождество есть целое лишь как *различённое внутри самого себя*, и притом различённое внутри себя так, что эти многообразные определения рефлексированы в себя и непосредственно самостоятельны. А тождество рефлексии обнаружило себя через своё

движение как такое тождество, которое имеет своей истиной эту *рефлексию в своё иное*. Равным образом и части как безразличные к единству целого — это лишь несоотнесённое многообразное, *иное внутри себя*, которое, как таковое, есть иное самого себя и лишь то, что снимает себя. Это соотношение с собой каждой из обеих сторон есть её самостоятельность. Но эта её самостоятельность, которую каждая имеет *porozнь*, есть скорее отрицание её самой. Поэтому каждая сторона самостоятельна не в самой себе, а в другой. Эта другая сторона, составляющая устойчивость, есть её предположенная непосредственность, которая *должна* быть первой и её началом. Но это первенство каждой из сторон само есть лишь нечто такое, что не есть первенство, оно имеет своё начало в ином».⁸

Из вышесказанного можно сделать вывод, что определение преступности в традиционной криминологической литературе является довольно простым вопросом,⁹ однако в действительности преступность является довольно сложным вопросом,¹⁰ что в свою очередь означает, что в науке, в том числе и криминологии, простых проблем не существует.

В этом контексте надо вспомнить, что «преступление (и преступность) существует объективно — до, вне и независимо, — как пишет вопреки так называемому «конвенциональному подходу» Л.И. Спиридонов, — от какой бы то ни было оценки законодателя... и законодатель только должен открыть и сформулировать его в виде юридического закона».¹¹

3. Краткое резюме. «Отношение целого (преступность — А.Л.) и частей (разные преступления — А.Л.) не *истинно*, отмечает Гегель, поскольку их понятие и реальность не соответствуют друг другу».¹²

⁸ Лепс А. Указ. соч. — С. 468–470.

⁹ См., например, Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Г.А. Аванесова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. — С. 202.

¹⁰ Сравнить: Шестаков Д.А. Указ. соч. — С. 72.

¹¹ Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. — М., 1986. — С. 103.

¹² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. — Москва—Ленинград, 1930. — С. 227.

И он продолжает: «... это отношение есть мёртвый механический агрегат, который имеет определения формы (т.е. преступности — А.Л.), благодаря чему многообразие его самостоятельной материи (разных преступлений — А.Л.) соотносится с собой в единстве, однако это единство остаётся внешним для многообразия».¹³ Крупный исследователь философии Гегеля немецкий учёный Куно Фишер в этой связи пишет следующее: «Целое (преступность — А.Л.) есть самостоятельное, а части (разные преступления — А.Л.) суть лишь моменты этого единства, однако в такой же мере и они обладают самостоятельностью, а их рефлексивное единство есть лишь момент».¹⁴

Традиционная криминология сегодня

складывает вместе преступления, совершённые на какой-то территории за определённый промежуток времени, в результате чего сторонникам «традиционного подхода» кажется, что таким образом получается совершенно новое явление — преступность, как явление сущности, которая рассматривается динамически; изучается её структура, сравнивается с количеством населения и т.д. Конечно, у таких «справок» есть определённое оперативное значение для повседневной работы правоохранительных органов. Но таким «справкам» часто пытаются приписать научную ценность, хотя они далеки от науки. На подобной «научной» основе во всём мире пишется бесконечное число «специальных» докладов и книг.¹⁵

¹³ Гегель Г. Указ. соч. — С. 472.

¹⁴ Там же. — С. 472.

¹⁵ Лепс А. Указ. соч. — С. 34.

2. ИСТОРИЯ КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343.9
ББК 67.51

*С.Ф. Милоков**

НОЙ, НЕ НОЙ, А РАБОТАТЬ НАДО! (К 90-ЛЕТИЮ ИОСИФА СОЛОМОНОВИЧА НОЯ)

Выжимка: Когда я смотрю в тусклые, равнодушные глаза многих нынешних студентов-юристов, я вспоминаю кипящую энергию Иосифа Ноя и других подвижников отечественной науки.

Ключевые слова: криминология; И.С. Ной; В.Н. Кудрявцев.

S.F. Milyukov

THE 90TH ANNIVERSARY OF I.S. NOAH

Summary: When I look in the dull and indifferent eyes of many today's students of law, I remember of Joseph Noah's boiling energy and other devotees of the national science.

Key words: criminology; I.S. Noah; V.N. Kudryavtsev.

В своих кратких воспоминаниях о некоторых выдающихся представителях плеяды советских правоведов и криминологов мне уже приходилось высказывать мысль о том, что настоящий учёный, помимо своих непосредственных учеников имеет немало последователей и почитателей, о которых он порой даже не подозревает.¹ Понятно, что речь идёт о тех пытливых студентах, аспирантах, молодых преподавателях, которые изучают его публикации или внимают ему на научных диспутах.

Обучаясь в одном из старейших (это стало очевидно после потери Киева, Харькова, Риги, Тарту, Львова и других университетских городов) российских вузов — на юридическом факультете Воронежского государственного университета — я испытал мощное влияние не только со стороны

своих педагогов (а это были, в основном, умудрённые жизнью практики, многие из которых воевали в составе Красной Армии или в партизанах), но и действительно фундаментальной библиотеки, где мы могли в *подлиннике* прочитать «запрещённых» Фрейда, Мальгуса, Бакунина и других умов, чьи взгляды подвергались нещадной критике со стороны неистовых ревнителей чистоты учения Маркса — Энгельса — Ленина. Кстати, многие из таких учёных-пропагандистов впоследствии изменили коммунистическим идеям...

Среди прочего я наткнулся на статью С.Я. Булатова «Возрождение Ломброзо в советской криминологии».² Эта работа вызвала у меня настоящий восторг (а что ждать иного от хотя и «зелёного» второкурсника, но уже читавшего в первоисточниках «Капитал» Маркса или «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса?). Не удержавшись, я снабдил текст статьи Булатова немалым числом чернильных помет. Каково же было моё удивление, когда через недолгое время мне устроил «выволочку» всегда подчёркнуто вежливый со студентами Виктор Осипович Лучин, тогда ещё начинающий

* **Сергей Фёдорович Милоков** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, соучредитель, почётный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dikoe polesf@gmail.com

© С.Ф. Милоков, 2013

¹ См.: Милоков С.Ф. Юбилей крупного петербургского правоведа и организатора науки (к 70-летию Бориса Владимировича Волженкина) // Российский криминологический взгляд. — 2008. — № 1. — С. 11.

² См.: Революция права. — 1929. — № 1.

преподаватель и аспирант, далёкий, как мне казалось, от криминологии (впоследствии он стал крупным государствоведом, судьей Конституционного Суда). Я-то думал, что такими «древностями» никто не интересуется...

Спустя ряд лет, работая следователем Воронежского областного УВД, и находясь в служебной командировке, я увидел в сельском магазине книгу, от которой не смог оторваться, едва открыл её. Это была монография Иосифа Соломоновича Ноя «Методологические проблемы советской криминологии».³ И смог убедиться, что в условиях жёсткого идеологического диктата есть смелые люди, способные высказать мнение, резко отличающееся от общепризнанных взглядов. Скажу прямо, что не разделял и не разделяю концептуальные воззрения И.С. Ноя на генезис и природу преступности, прежде всего в нашей стране. Однако это не мешало и не мешает восхищаться его цельной личностью, научной дерзостью и тягой к творческому, интеллектуальному соревнованию с коллегами.

В ту пору не было интернета, фотографии авторов в их книгах не публиковались. Тем более захотелось увидеть Ноя воочию. Судьба, казалось, этому благоволила. В 1975 году моя недолгая следственная карьера завершилась и уже на следующий год, благодаря плановому ведению вузовского хозяйства, я оказался на факультете повышения квалификации в МГУ им. Ломоносова. Никто из моих, «доспелых» (как говорят чехи), коллег не захотел оставлять родной университет и домашний очаг на долгие четыре месяца (и это при бесплатном проезде и проживании, командировочных и сохранении зарплаты!).

В МГУ Ноя, конечно, хорошо знали, как знали его преподаватели, съехавшиеся на ФПК со всего Советского Союза. О его манере поведения и возникавших

вокруг его неординарной личности водоворотам столкновений ходили легенды. Вышеупомянутая монография и другие «едкие» публикации были на слуху. Как же — выступить открыто против юриста № 1, будущего академика Владимира Николаевича Кудрявцева и его именитых коллег — А. Б. Сахарова, Н.Ф. Кузнецовой, А.М. Яковлева и других мэтров, известных даже «троечнику» провинциального вуза! Все ждали личного боя Иосифа Соломоновича с названными и неназванными учёными мужами и леди в очной схватке на одном из регулярных и весьма многочисленном научном собрании во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.⁴ Увы, эта дуэль не состоялась по неизвестной мне до сих пор причине.

Однако я продолжал собирать сведения о чрезвычайно интересовавшем меня человеке. Благо вокруг были люди, хорошо знавшие профессора Ноя. Это, прежде всего, его преданная ученица Татьяна Даурова, а также мой научный руководитель по дипломной работе, в ту пору доцент, а потом профессор Василий Фёдорович Зудин. Тоже весьма оригинальный и самобытный человек с разносторонними наклонностями и увлечениями (помимо прочего, он прекрасно готовил).

В своих воспоминаниях о Саратове Зудин нередко ссылается на своего друга «Йоську». Я долго не мог понять, что тот, кого он величал запанибрата, и есть тот самый «великий и ужасный» Ной. Василий Фёдорович мог, конечно, рассказать многое о Ное, но эту возможность я реализовал далеко не полностью. Но помню, что они работали вместе не только в Саратове, но и Молотове (так называлась Пермь в 1940—1957 гг.).

В обширной библиотеке Зудина я видел немало книг И.С. Ноя с тёплыми дружескими надписями и оттиски (как сейчас говорят «ксероксы») его полемических статей 70—80-х гг., заботливо облачённые

³ Ной И.С. Методологические проблемы советской криминологии. — Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1975. — 223 с. Обращает на себя внимание тираж книги — 15 тысяч (!) экземпляров. Вот поэтому научную литературу в ту «тоталитарную» пору можно было купить в любом рабочем «Когизе». А сейчас большинство юридических книг издается ничтожными тиражами. Зато по цене они мало доступны не только студентам и аспирантам, но и преподающим им педагогам.

⁴ См. подробнее: *Милюков С.Ф.* Вспоминая отца советской криминологии // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 1. — С. 32—33. В этой публикации речь идёт о другом известном криминологе — А.Б. Сахарове, с которым И.С. Ной нередко полемизировал.

в прочные обложки). Надо иметь в виду, что В.Ф. Зудину удалось незадолго до своей кончины опубликовать книгу воспоминаний, где он ведёт речь и о своем друге.

Увидеть Ноя впервые мне довелось летом 1977 года на весьма представительной всесоюзной научной конференции в Воронеже. Он приехал с немалой «свитой» своих саратовских учеников (запомнил доцента М.С. Рыбака, если не ошибаюсь, соавтора «разгромной» рецензии на книгу В.Н. Кудрявцева). На конференцию съехалось немало известных в науке людей. В частности, помню присутствие Николая Алексеевича Стручкова, которого я уже видел и слышал в МГУ годом ранее. Да простит меня Николай Алексеевич, которого я почитаю наравне с родителями по вкладу в моё становление как человека и юриста, главным объектом моего внимания был, конечно, Ной. Он оказался живым, очень подвижным и общительным человеком, внешне похожим на ещё одного моего учителя, Семёна Иоганновича Сироту, в ту пору, увы, уже покойного. О Сироте в студенческо-преподавательской среде также ходили легенды. Он был страстным яхтсменом, а манерой поведения живо напоминал «бешено» популярного в ту пору французского актера Луи де Фюенса. Кличку носил, естественно, «Комиссар Жюв». Так вот и Ной изрядно походил на этого комиссара (конечно, экспрессивностью поведения, а не недалекостью полицейского ума).

Мы как следует закусили (и выпили) в одном из номеров гостиницы «Воронеж». Ной был доволен незамысловатой едой, в том числе окороком местного производства (мне невольно вспомнились рассказы отца, бывшего в военную пору в Саратове, о «голодном Поволжье»).

В дни конференции состоялась прогулка на пароходе по недавно сотворенному Воронежскому «морю» (водохранилищу). Ной уделил мне немало времени, заинтересованно расспрашивал о моей работе над кандидатской диссертацией. Это меня в немалой степени смущало: ведь мои взгляды на преступность и личность преступного «деятели» кардинально расходились с ноевскими. Тем не менее он ободрил меня и пообещал положительный отзыв на автореферат.

Каюсь, я не осмелился послать его Иосифу Соломоновичу — ходили слухи о его уничижительной критике многих и многих соискателей кандидатских и докторских степеней (сейчас видится, что они были весьма преувеличены). А пострадал в год моей защиты не автор этих строк, а как раз ученик Иосифа Соломоновича — ныне живущий на Украине и ставший профессором В.П. Емельянов. Он опубликовал свою кандидатскую диссертацию ещё до защиты (что было тогда чрезвычайной редкостью — некоторые коллеги были вынуждены выходить на «финишную прямую» с 2–3 крошечными тезисами, а то и сборником задач в соавторстве). Естественно, в этой сразу ставшей широко известной книге развивалась концепция его научного руководителя...

На теплоходе я задал Иосифу Соломоновичу бестактный (как сейчас понимаю) вопрос — действительно ли его несколько раз исключали из партии (для молодых читателей поясню — речь шла о ВКП(б) — КПСС)? Нимало не смутясь, он ответил отрицательно. В этом весь Ной. Я-то знал, что подобные факты имели место, но Иосиф Соломонович находил свою правду в вышестоящих партийных структурах и добивался реабилитации.

Мне всё же пришлось увидеть юбиляра в непосредственном общении с ведущими советскими криминологами и правоведами — В.М. Коганом, С. Г. Келиной, А.Н. Игнатовым, В.М. Звирбулем, А.Ф. Кузнецовым, В.Д. Филимоновым, П.И. Гришаевым, А.П. Закалюком, Ю.Б. Мельниковой, Г.З. Анашкиным, И.М. Гальпериним и самим В.Н. Кудрявцевым.

Это произошло на заседаниях трёхдневного и очень представительного советско-скандинавского семинара с участием учёных из пяти стран Скандинавии (впрочем, был докладчик из Вьетнама). Назову некоторых иностранных учёных — профессора Бундесон (Дания), Анденес (Швеция), Кристи (Норвегия), Нельсон (Швеция), Тарн (Финляндия), Свенсон (Швеция), Сверн (Швеция), Лангрэф (Дания). Был докладчик из тогда экзотической Исландии, но его имя я не расслышал. Этот длительный перечень я привёл для того, чтобы изобличить ещё раз лжецов или

некомпетентных компиляторов, утверждающих, что в брежневско-андроповском СССР контакты с иностранцами были невозможны.

Форум проходил в прекрасных интерьерах Дома дружбы с народами зарубежных стран в начале бывшего Калининского проспекта. Интересно, что там сейчас? Небось опочивальни какого-нибудь олигарха, разьевавшегося на нефтедолларах...

И.С. Ной выступил 15 апреля 1983 года, в третий день работы семинара. Признаюсь, я был несколько разочарован: никакой схватки с его научными противниками не произошло. Возможно, здесь проявились дипломатические качества Ноя: он не хотел «крови» на глазах чужеземцев.

Выступление было ровным, спокойным. Кое-что я записал в тетради (естественно, можно было сделать это гораздо подробнее, но лень-матушка...). Вот почти всё из моих пометок: «Преступность по сложности можно сравнить с проблемой рака. На качество населения своё влияние оказали войны. Они сказались на генофонде страны... . Большое значение имеет опубликование монографии Дубинина, Карпеца и Кудрявцева (здесь, признаться, я был удивлён, хотя, безусловно, согласен с Иосифом Соломоновичем — С.М.). Это... является значительным для мировой криминологии. У каждого преступника своё преступление, несмотря на внешнее сходство. У уголовного права трудности в совмещении (? — С.М.) общей и специальной превенции». Не помню, подходил ли я тогда к Иосифу Соломоновичу и беседовал ли о чём-либо.

Зато хорошо помню другую нашу встречу. Она состоялась в Ленинграде (в ту пору я жил ещё в Горьком), в том же 1983 году. Мы ехали в автобусе, вероятно, на экскурсию. Иосиф Соломонович, обращаясь к А.Э. Жалинскому, но желая, очевидно, чтобы это услышали и другие, заявил: «Теперь собираюсь «проутюжить» уголовное право». Как я понял, это означало намерение затеять в сфере уголовного права не менее бурную дискуссию, что и в отечественной криминологии.

В развитие этой декларации появилась весьма обсуждаемая статья юбиляра

в престижном тогда журнале «Советское государство и право». Однако на этот раз полемика не приняла столь яростный характер. Видно, что уголовно-правовая материя позднесоветской поры была слишком засушливой почвой для новаторских «семян».

В 1991 году в Санкт-Петербурге была образована Высшая школа МВД (поскольку соответствующее решение было принято накануне пресловутого «путча» она один месяц именовалась Ленинградской высшей школой МВД РСФСР). Возглавил её энергичный человек, до этого времени служивший рядовым преподавателем (время-то было «лихое»!). Звали его Артур Анатольевич Мищенко. Ему удалось создать неординарный вуз, что как водится, вызвало раздражение конкурентов. Тяжёлая болезнь свела его в могилу ещё в 1998 г. ...

Менее чем через год по инициативе Мищенко я стал его заместителем по научной работе. Шла активная работа по привлечению на постоянную работу в Школу лучших учёных и педагогов из различных учебных заведений России. Одновременно Мищенко поддерживал инициативы по привлечению к лекционному процессу наиболее известных правоведов и криминологов. Как-то он завёл речь об И.С. Ное. Насколько я помню, он слышал профессора на лекциях в московской Академии МВД СССР (так ли? Ведь Иосифа Соломоновича опасались приглашать в широкую аудиторию).

Я с большой охотой взялся вести переговоры. Состоялось несколько телефонных бесед. Сначала Иосиф Соломонович проявил заинтересованность в приезде. Но потом отказался. Видно, чувствовал он себя в ту пору уже не лучшим образом.

Незадолго до кончины Ноя его посетил Э.Ф. Побегайло, который очень высоко ценит его научные заслуги. Делился впечатлениями. Мы надеялись на продолжение его творческой жизни.

В заключение хочу привести оценку вклада И.С. Ноя в криминологическую науку, которая была дана мною ещё при его жизни: «...В годы, когда наука находилась под пристальным надзором неистовых ревнителей чистоты идеологии

(ныне многие из них столь же ревностно воюют с коммунистическими идеями), именно И.С. Ной, вызвав на себя «огонь» критики, вольно или невольно позволил иним сказать в обществе «победившего социализма» столько, сколько в ином контексте сказать было бы вряд ли возможно. В получении заслуженной Государственной премии (СССР. — С.М.) ведущими советскими криминологами немалую роль сыграли труды и воззрения И.С. Ноя».⁵

Мне неизвестно, читал ли И.С. Ной те строки и как отнёсся к ним, если прочитал. Но когда я смотрю в тусклые, равнодушные глаза многих нынешних студентов-юристов, я вспоминаю кипящую энергию Иосифа Ноя и других подвижников отечественной науки и пытаюсь хоть как-то пробить эту стену безразличия.

Вряд ли случайно Э.Ф. Побегайло в блестящем введении к процитированному курсу лекций привёл строки гениального Некрасова: «Бывали хуже времена, но не было подлей».

Думается, что подлое время на Руси закончится, как оно завершалось в прошлые Смуты. Завершится торжеством России. Мои надежды в этом благородном деле на подвижников, патриотов, таких людей, каким был Иосиф Соломонович Ной. Этим объясняется заголовок данных заметок, который может показаться некоторым несколько фривольным. Он возник в памяти опять же из легенд вокруг И.С. Ноя. Пусть легенды не умирают.

⁵Криминология. Курс лекций/Подред. В.Н. Бурлакова, С.Ф. Милокова, С.А. Сидорова, Л.И. Спиридонова. — СПб.: СПб. ВШ МВД РФ, 1995. — С. 57.

3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРАСЛИ

КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА

УДК 343.9
ББК 67.51

*Д.А. Шестаков**

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Выжимка: Вслед за криминологическим правом должно возникнуть право противодействия преступности (ППП). Верхний его уровень — Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений (и мер безопасности), 2) Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодёжи, 3) кодексы — Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный.

Ключевые слова: криминологическое законодательство; право противодействия преступности; криминология.

D.A. Shestakov

CRIMINOLOGICAL LEGISLATION AND RIGHT OF CRIME COUNTERACTION

Summary: Following the criminological right, the right of crime counteraction must be implemented. Basic concepts of legislation (preventive and punitive) on crime counteraction is its highest level. Below is the level of codes: 1) crime prevention (prevention measures) code, 2) criminal responsibility and youth resocialization code, 3) codes — criminal, criminal procedure, penal.

Key words: criminological legislation; right of crime counteraction; criminology.

Определение. Криминологическое законодательство регламентирует некарательную сторону предупреждения преступлений: организационные вопросы противодействия преступности в целом и отдельным её составляющим криминологическими, криминологическими, криминологическими и другими вопросами. Криминологические нормы в настоящее время рассеяны по различным отраслям законодательства, отдельные из них содержатся в Уголовном, Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах, например, положения закона о примирении лица, совершившего

преступление, с потерпевшим или направленные на профилактику преступлений требования, предъявляемые к условно осуждённому либо отбывающему уголовное наказание.¹

Криминологическое законодательство. В России система криминологической профилактики была законодательно оформлена ещё в 1832 г. в виде Устава о предупреждении преступлений.² Она в

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shestadi@mail.ru.

© Д.А. Шестаков, 2013

¹ *Шестаков Д.А.* Криминология: новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 147; *его:* Контроль преступности и криминологическое законодательство // Организованная преступность, уголовно-правовые и криминологические проблемы. Отв. ред. — М.Г. Миненок. — Калининград, 1999. — С. 11—23.

² См.: *Шестаков Д.А.* Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. — С. 89; *его:* Введение в криминологию закона. СПб: Юридический центр Пресс, 2011. — С. 56.

советское и послесоветское время неоднократно менялась: разрушалась, воссоздавалась.

Идея криминологического законодательства в теории криминологии и криминологии закона. Вопрос о криминологическом законодательстве (законодательство о противодействии преступности) как о научной проблеме был поднят в середине 90-х годов прошлого века. Автор настоящих строк поставил его в 1996 году.³ Сегодня нормы криминологической направленности всё ещё разрозненны, и можно понять скепсис Н.А. Лопашенко, полагающей преждевременной констатацию наличия в России криминологического законодательства как самостоятельной комплексной отрасли.⁴ Однако эта отрасль медленно, но верно формируется, обретая определённую структуру. Мне представляется, что уже теперь в действующем разбросанном криминологическом законодательстве и, прежде всего, в нормах международного права, а также в разработанных и широко обсуждаемых законопроектах можно выделить:

1) нормы, регламентирующие стратегию противодействия преступности (Миланский план действий, принятый VII Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, одобренный резолюцией ГА ООН 40/32 от 29.11.1985; Проект Закона «О предупреждении преступности» (В. В. Лунеев // Государство и право. — 1996. — № 11; Закон Санкт-Петербурга «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» от 16.05.2007 и др.);

2) нормы, регламентирующие криминологическую экспертизу (Федеральный закон РФ от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»);

3) нормы, регламентирующие противодействие конкретным видам преступности (Федеральные законы РФ № 273-ФЗ от

³ См.: Бурлаков В.Н., Гилинский Я.И., Шестаков Д.А. Преподавание криминологии в современных условиях. Отчёт о криминологическом семинаре // Вестн. СПбГУ. — 1996. — Сер. 6, вып. 3. — С. 122.

⁴ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. — М.: Wolters Kluwer, 2009. — С. 67.

25.12.2008 «О противодействии коррупции», № 35-ФЗ от 6.03.2006 «О противодействии терроризму», № 120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др.);

4) виктимологическое законодательство (Европейская Конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS № 116), Страсбург, 24.11.1983 (РФ не участвует); Федеральный закон РФ № 119-ФЗ от 20.08.2004 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Имеются виктимологические нормы и в Федеральном законе РФ № 35-ФЗ от 06.03.2006 «О противодействии терроризму»).

Особо стоит вопрос о нормах так называемого права безопасности (*Sicherheitsrecht*), направленных, в частности, на пресечение преступлений,⁵ а также на защиту свидетелей преступления (например, Правила применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Они утверждены, словно специально, в один с нашим семинаром день, состоявшимся 21 сентября 2012 г., постановлением Правительства Российской Федерации № 953).⁶

Критика проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Этот законопроект, внесённый Правительством РФ на рассмотрение Государственной Думы РФ, обращён не к преступности в целом, а лишь к видимому (обыденному) её слою. Остальные восемь её слоёв, включая внутренний олигархический, оставлены без внимания.⁷

⁵ См.: Шестаков Д.А. Введение в криминологию закона. — С. 58—59.

⁶ Сравн.: Щедрип Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: Монография. — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1999.

⁷ О слоях преступности см.: Шестаков Д.А. Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 2 (25). — С. 12—22.

Нет в законопроекте ничего о путях реституции захваченного «олигархами» имущества. А ведь разумные, научно обоснованные решения этого наболевшего вопроса предложены, в том числе такие, которые находятся за пределами уголовного права. Так, например, М.Г. Делягин предлагает национализировать без каких бы то ни было выплат и компенсаций предприятия, управление которыми выведено в оффшорные зоны. Он же выступил за компенсационный налог с владельцев крупных приватизированных предприятий за то, чтобы он был в размере разницы между стоимостью продажи и реальной ценой на момент проведения приватизации с учётом полученной с этой разницы прибыли и выплаченных дивидендов. Взимать компенсационный налог им предлагается пакетами акций этих предприятий по рыночной стоимости.⁸

В законопроекте нет ничего и о *виктимологическом мониторинге* как о средстве контроля официальной уголовной статистики. Разработчики закона упорствуют против систематических, проводимых за счёт государства опросов населения об известных ему совершённых преступлениях, не хотят знать, сколько преступлений остаётся незарегистрированными.⁹

От криминологического законодательства к праву противодействия преступности. В мире наблюдаются негативные, неправовые, неправые веяния в противодействии преступности. Я имею в виду, прежде всего, пренебрежение закономерной исторической тенденцией к

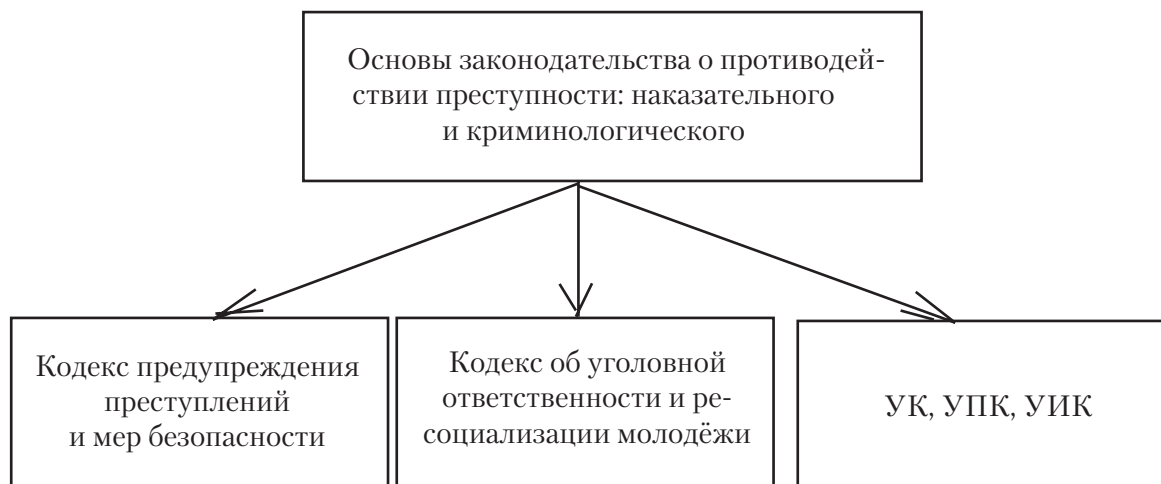
смягчению репрессии. Приверженность к жёсткости наказания идёт с консервативного Востока и дегенеративного Запада. И это зло разносится по всему свету путём удлинения сроков наказания в виде лишения свободы, ужесточения условия отбывания этого наказания. Ожесточение видно в выдвинутой на обсуждение «Концепции реформирования уголовно-исполнительной системы», предусматривающей переход к двум основным видам исправительных учреждений: тюрьмам (!) и колониям-поселениям.

Нам — наряду с Россией я имею в виду, прежде всего, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан — нужно больше думать о собственной евразийской перспективе вместо того, чтобы только копировать подсовываемые нам не всегда приемлемые для нас западные нормы. Напомню одну из моих фантазий. Мне видится, как вслед за криминологическим правом, возникающим рядом с уголовным правом и постепенно теснящим его, простирается дорога к законодательному воплощению пронизанного едиными принципами праву противодействия преступности (ППП). Вырисовывается вот какое его строение. Верхний слой — Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним слой кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений (и мер безопасности), 2) Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодёжи, 3) кодексы — Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный.¹⁰

⁸ Делягин М. От реформ к нормальности. Манифест. URL: <http://forum-msk.org/material/economic/9581606.html> (дата обращения: 15.9.2012).

⁹ Автор настоящих строк высказал критические замечания к этому законопроекту в своём докладе «Углубление криминологической теории и основы противодействия преступности» на всероссийской научно-практической совместной конференции «Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития», проведённой в 2011 г. Университетом МВД России и Комитетом по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга. Но материалы конференции по имеющемуся в Университете МВД обыкновению вместо того, чтобы быть опубликованными, куда-то исчезли.

¹⁰ Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1849.html> (дата обращения: 01.12.2012).

**МОДЕЛЬ ЕДИНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ**

УДК 343.9
ББК 67.51

*Д.Ю. Гончаров**

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Выжимка: Применимость закона к отношениям, возникающим из необходимости возложения уголовной ответственности, исключает его отнесение к числу источников законодательства о предупреждении преступлений.

Ключевые слова: законодательство, предупреждение преступлений, криминологическое законодательство.

D.Y. Goncharov

LEGISLATION ON CRIME PREVENTION

Summary: The applicability of the law to the relations, which arise from the necessity of imposing criminal responsibility, excludes its assignment to the number of the sources of the legislation on crime prevention.

Key words: legislation; crime prevention; criminological legislation.

В настоящее время происходит становление новых отраслей законодательства, связанное с расширением круга объектов регулирования, возникновением и развитием новых отношений. В науке обсуждается специфическая отрасль «уголовно-превентивное право», обладающее самостоятельным характером, кроме прочих отраслей, и по отношению к уголовному праву;¹ выделяется даже уголовно-превентивная политика как часть уголовной политики.² Конечно, применение превентивного воздействия заключается и в использовании арсенала, например, кодифицированных отраслей о противодействии преступно-

сти. Так, задача предупреждения преступлений закреплена в УК РФ. В ряде действующих законов, явно направленных на специально-профилактическое регулирование, предупреждение преступлений включается, помимо профилактической деятельности, и в борьбу с преступностью, под которой понимается «выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование...»³.

Закрепление общей задачи профилактики преступности не исключает наличия особого предмета регулирования у разных отраслей. Профилактика, неделимая на виды, может рассматриваться как их (отраслей) метазадача, по-разному конкретизируемая в каждом «блоке» законодательства: перед предупредительной отраслью может ставиться основная задача специального предупреждения преступлений, ещё не совершённых субъектами, склонными к их совершению, в то время как общее предупреждение преступлений в отношении неограниченного круга лиц вполне укладывается в понимание «до-

* **Денис Юрьевич Гончаров** — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Екатеринбургского филиала Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации (Екатеринбург, Россия). E-mail: goncharov_d@mail.ru

© Д.Ю. Гончаров, 2013

¹ См., например: *Трунцевский Ю.В.* Российское уголовно-превентивное право: признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. — 2010. — № 3. — С. 165—173.

² См.: Актуальные проблемы публичного права. Круглый стол. Научно-практическая конференция по мониторингу законодательства и правоприменения. 26 июня 2010 г. Стенографический отчёт. — СПб., 2010. — С. 3.

³ См.: п. «б» ч. 4 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ; п. «б» ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ.

полнительной задачи» отраслей о борьбе с преступностью.

Так или иначе, представляется, что в условиях становления предупредительной отрасли науке ещё не раз предстоит обращаться к поиску разграничительных критериев, позволяющих отделить предупредительное законодательство от законодательства о борьбе с преступностью. Очевидно, придётся обратиться к исследованию предмета, структуры, функций отраслей, направленных на регулирование обозначенных форм противодействия преступности. Вероятно, на данном этапе развития юридической науки, и (что немаловажно) действующего законодательства, рассуждения о систематизации законодательства по отраслям, делении на предупредительное и выполняющее роль борьбы с преступностью, поиск наиболее чётких отличий между ними — могут носить лишь вероятностный и дискуссионный характер.

Ранее Д.А. Шестаков, известный, в частности, своими исследованиями категории «криминологическое законодательство», включал в неё уголовное законодательство в широком его смысле, т.е. «нормы материального права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права». Криминологическое законодательство в узком смысле, по мнению учёного, включает, помимо прочего, такие подгруппы законодательства, которые регламентируют деятельность субъектов социального контроля преступности; контроль финансовой деятельности, а также оборота некоторых вещей: наркотиков, сильнодействующих веществ, оружия и боеприпасов, культурных и исторических ценностей, валюты и др.⁴

Очевидно, действующее отраслевое законодательство на современном этапе его развития не может не содержать нормы разных отраслей права. Даже такие, в немалой степени отграниченные друг от друга отрасли, как уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, могут иметь в своих текстах иноотраслевые

предписания (например, УК РФ — процессуальные нормы, а УПК РФ — материальные). Безусловно, эта же тенденция, притом — в большей степени — присуща и формированию отрасли законодательства о предупреждении преступлений — соответствующие предписания рассредоточены во многих источниках.

Однако делать на этом основании вывод об объёме законодательства о предупреждении преступлений, какой сделан об объёме криминологического законодательства, очевидно, не следует. Стоит отметить, что объединение законодательства, предусматривающего, какие деяния являются преступными и какие наказания применяются за их совершение, законодательства, регулирующего порядок судопроизводства, порядок назначения и исполнения наказаний, с одной стороны, и законодательства, направленного на предупреждение преступлений, с другой стороны, не учитывает разницы в их основной направленности.

Источники первой группы отраслей существуют потому, что необходимо реагировать на совершаемые преступления; источники второй группы существуют вследствие понимания необходимости их предотвращения. Закрепление статуса вещей, ограниченных или изъятых из гражданского оборота, имеет, конечно, в том числе, и профилактический эффект. Но какова главная цель ограничения оборотоспособности разного рода объектов, к которым могут относиться и земельные участки (ст. 27 Земельного кодекса РФ «Ограничения оборотоспособности земельных участков»), и леса (ст. 27 Лесного кодекса РФ «Ограничение использования лесов»)? Представляется, что главной целью такого ограничения является установление максимального контроля над таким оборотом, при этом предупреждение преступлений может быть лишь подчинённой, производной целью. То же самое относится и к законам, регулирующим деятельность конкретных правоохранительных органов: предупреждение преступлений закрепляется в них как одна из задач этих органов, наряду с иной деятельностью. Помимо отмеченного, следует сказать, что категория «криминологическое законодательство»

⁴ Шестаков Д.А. Контроль преступности и криминологическое законодательство / В кн.: Организованная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. — Калининград, 1999.

содержит термины, обозначающие, с одной стороны, отрасль науки (криминология), а с другой стороны, указывающие на отрасль законодательства; категория «уголовно-превентивное законодательство» может восприниматься как относящаяся к блоку, включающему уголовно-материальную, процессуальную и исполнительную отрасли. На наш взгляд, использование таких терминов и их сочетаний может восприниматься как недостаток наименования, поэтому наименование отрасли через категорию «законодательство о предупреждении преступлений» представляется наиболее предпочтительным.

В последних работах Д.А. Шестакова криминологическое законодательство (в узком смысле слова) понимается учёным как регламентирующее не карательную сторону предупреждения преступлений: организационные вопросы противодействия преступности в целом и отдельным её составляющим, криминологические, криминологическо-воспитательные, криминологическо-психологические и другие.⁵ Необходимо отметить, что Д.А. Шестаковым обнаружено оригинальное видение будущего правового регулирования реакции общества на преступность. Он полагает: «Нам — наряду с Россией я имею в виду, прежде всего, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан — нужно больше думать о собственной евразийской перспективе вместо того, чтобы только копировать подсовываемые нам не всегда приемлемые для нас западные нормы. Вслед за криминологическим правом должно возникнуть право противодействия преступности (ППП). Верхний его уровень — Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений (и мер безопасности), 2) Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализа-

⁵ См., в частности: выступление Д.А. Шестакова 21 сентября 2012 года. «Круглый стол» на тему «Криминологическое законодательство и программы предупреждения правонарушений». URL: http://www.criminologyclub.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=105:2012-09-23-17-34-53&catid=3:last-sessions&Itemid=4 (дата обращения: 22.11.2012).

ции молодёжи, 3) кодексы — Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный».⁶ Попытка систематизации действующего законодательства о противодействии преступности принята нами, в частности, в монографии «Источники законодательства о противодействии преступности». В ней названные источники подразделены на две основные группы: законодательство о предупреждении преступности и законодательство о борьбе с преступностью.⁷

Главным отличием предлагаемого нами подхода к проблеме отнесения законов к отрасли, направленной на предупреждение преступлений, является решение вопроса о том, применим ли закон, включаемый в систему источников законодательства о противодействии преступности, к отношениям, возникающим из факта совершения преступления? Если нет, и его основная направленность — предупреждение преступлений — его следует относить к числу источников законодательства о предупреждении преступности. Если закон содержит профилактические предписания, но его основная направленность — иная сфера, то этот закон не следует относить к законодательству о предупреждении преступности; он может быть отнесён к законодательству о борьбе с преступностью.

Отсутствие базового федерального закона, регулирующего основные положения профилактической антикриминальной деятельности, очевидно, не позволяет нормативно унифицировать критерии отнесения того или иного акта к предупредительной подсистеме законодательства о противодействии преступности. При этом законы, содержащие весомый нормативно-профилактический заряд, могут в своём названии содержать термины «профилактика», «противодействие» и др., а могут и

⁶ См., например, Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответств. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. — Костанай, 2012. — С. 111, 113.

⁷ Гончаров Д.Ю. Источники законодательства о противодействии преступности. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 208 с.

не содержать. Полагаем, такой формальный признак, как название закона, нельзя абсолютизировать, он не может препятствовать (или, наоборот, способствовать) отнесению его к предупредительной подсистеме источников. Однако принятие каждого закона обусловлено конкретной социальной потребностью, которая зачастую, а в идеале, — всегда должна отражаться в законе, при наличии возможности — начиная с его названия. На наш взгляд, помимо названия, характеризующего тот или иной закон как профилактический, вывод о его предупредительной направленности может и должен следовать из закреплённых в нём положений, и, в первую очередь, основных целей, задач, главных направлений и т.п.

Именно на этом основании в подсистему предупредительного законодательства нами включены следующие федеральные законы:

ФЗ РФ от 24.06.1999 года № 120-ФЗ⁸ носит название, указывающее на его профилактическую направленность — «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Однако, на наш взгляд, серьёзным препятствием безусловного отнесения названного источника к подсистеме предупредительного законодательства о противодействии преступности является его основная направленность, наряду с профилактикой правонарушений, ещё и на выявление и пресечение преступлений, а также антиобщественных действий. Так, выявление и пресечение деяний, предусмотренных статьями 150, 151 УК РФ, является одной из его основных задач (ч. 1 ст. 2). Эти направления деятельности правоохранительных органов осуществляются в ситуации начала или окончательного совершения выявляемых и пресекаемых деяний в отличие, например, от анализа причин и условий, их устранения, то есть ранней профилактики.

Предупреждение преступлений несовершеннолетних, а также осуществление мер, противодействующих участию несо-

вершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, входят в компетенцию «иных подразделений органов внутренних дел» согласно п.п. 1 и 3 ч. 1 ст. 23 этого закона. Во многих других нормах Федерального закона № 120-ФЗ говорится о *выявлении и пресечении преступлений*, либо термин «преступление» употреблён в смысле «совершённое (совершаемое) преступление».

Помимо названных аспектов такой борьбы с преступностью нормами Закона № 120-ФЗ урегулированы последствия совершения общественно опасного деяния лицами, не подлежащими уголовной ответственности в связи с недостижением возраста уголовной ответственности. Соответствующий факт порождает отношения, которые в уголовном законе не определены. «И хотя в отечественной правовой науке не существует единого мнения об отраслевой принадлежности этих отношений, в любом случае, есть достаточно широкое понимание того, что они не носят уголовно-правового характера», — пишет Н.В. Генрих⁹ Таким образом, предписания обсуждаемого закона нацелены на регулирование конкретных мер по профилактике преступлений, что позволяет относить закон к анализируемому блоку законодательства. Но, конечно, в нём регулируются и отдельные вопросы деятельности, относимой к борьбе с уже совершаемыми (совершёнными) общественно-опасными деяниями. Эта деятельность, однако, далека от системного, комплексного возложения уголовной ответственности.

Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма от 07.08.2001 года № 115-ФЗ¹⁰ установил, что в сферу его применения входят, в частности, отношения государственных органов, осуществляющих контроль... *в целях предупреждения, выявления и пресечения деяний*, связанных с легализацией (отмыванием) доходов,

⁸ Собрание законодательства РФ от 28.06.1999. № 26. Ст. 3177.

⁹ Генрих Н.В. Проблемы совершенствования механизма уголовно-правового регулирования // Общество и право. — 2009. — № 4. — С. 163.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

полученных преступным путём, и финансированием терроризма. Закон содержит ст. 4 «Меры, направленные на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма». Включение мер противодействия в более узкое понятие «меры предупреждения» с точки зрения юридической техники, на наш взгляд, является не вполне удачным, а из текста ст. 4 следует, что в ней указаны именно профилактические меры: организация и осуществление внутреннего контроля; обязательный контроль; запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма, за исключением информирования клиентов о приостановлении операции, об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операций, об отказе от заключения договора банковского счёта (вклада), о необходимости предоставления документов по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом; иные меры, принимаемые в соответствии с федеральными законами.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 года № 114-ФЗ определил основные направления противодействия: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц. Профилактика экстремистской деятельности представлена как система воспитательных и пропагандистских мер, осуществляемых в пределах своей компетенции в приоритетном порядке федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления (ст. 5). В ст. 6–8, 10 закреплены специальные меры профилактики экстремистской деятельности.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 года № 35-ФЗ «Устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним...» — сказано в его преамбуле. Предупреждение (профилактика) терроризма является приоритетом, как гласит один из принципов противодействия терроризму (ст. 2), а согласно подп. «а» п. 4 ст. 3 («Основные понятия») оно (предупреждение) включает в себя выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 года № 273-ФЗ. Данный акт закрепляет дефиницию «противодействие коррупции» через деятельность по её предупреждению, борьбе с нею, а также минимизации и (или) ликвидации её последствий. Определены специальные меры по профилактике коррупции, которые, действительно, направлены не на пресечение совершаемых фактов взяточничества и других коррупционных преступлений, а на недопущение коррупционных деликтов.

Условность отнесения федеральных законов «О противодействии терроризму» и «О противодействии коррупции» к предупредительным очевидна, и объясняется тем, что названные акты нормативно включают в направления противодействия преступности не только профилактику, но и борьбу с ней. Вместе с тем, при очерчивании круга правовых и организационных основ профилактики и борьбы с преступными проявлениями конкретных видов, в качестве правовой основы противодействия терроризму (ст. 1 Федерального закона «О противодействии терроризму») и коррупции (ст. 2 Федерального закона «О противодействии коррупции») называется большая палитра законов и подзаконных актов. Они, в свою очередь, подробно регламентируют деятельность по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений (борьба с преступностью), придавая регламентации профилактики преступлений меньшее значение. Таким образом, общая направленность федеральных законов «О проти-

водействии терроризму» и «О противодействии коррупции» состоит, на наш взгляд, в организационно-предупредительном регулировании. Наряду с другими законами, принятыми в целях нормативной координации противодействия наиболее актуальным для конкретного периода времени преступным проявлениям, и в совокупности с ними, они не охватывают всех общественных отношений, посягательствам на которые противопоставлен, например, охранительный потенциал уголовного законодательства.

К числу источников предупредительного законодательства следует, на наш взгляд, отнести и Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ. В нём нормативно закреплены принципы и субъекты антикоррупционной экспертизы, определение коррупциогенных факторов в праве, и, что, пожалуй, самое важное — обязательность антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов¹¹ — важное специально-профилактическое мероприятие.

Федеральный закон «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ¹² содержит одновременно и предупредительные нормы, число которых незначительно, и нормы, вносящие в УК РФ дополнения, устанавливающие уголовную ответственность. Профилактические предписания можно обнаружить в ст.ст. 12, 13. Статья 21 Закона предписывает внести изменения в Уголовный кодекс, касающиеся норм о манипулировании рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации.

¹¹ См. подробнее об этом, в частности: *Гончаров Д.Ю.* Взаимосвязь нормативных правовых актов как принцип антикоррупционной экспертизы // Российская юстиция. — 2010. — № 1.

¹² Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4193.

Согласно Федеральному закону «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 года № 64-ФЗ¹³ одной из задач регулируемого надзора является предупреждение преступлений и других правонарушений (ст. 2). Закреплены категории лиц, в отношении которых устанавливается административный надзор, административные ограничения, устанавливаемые при административном надзоре, срок административного надзора (ст. ст. 3—5) и др. Установлены профилактические меры (п.п. 3, 4 ч. 1 ст. 12).

Исследователями отмечена общность принципов, закреплённых в отдельных федеральных законах предупредительной направленности, однако указывается на отсутствие единых подходов к понятию, целям, задачам, организации и содержанию деятельности по противодействию преступности.¹⁴

При условии, что научному анализу проблем законодательной регламентации профилактики преступлений будет уделяться необходимое внимание, вероятно, можно прогнозировать в ближайшем будущем появление двух научных позиций: понимания источников законодательства о предупредительной отрасли в широком смысле, и их понимания в узком смысле. Мы полагаем, что любая отрасль, и предупредительная в том числе, должна «выкристаллизовываться», приобретая признак отраслевой чистоты. Пока же следует признать, что предупредительное регулирование расплывается, профилактические предписания «разбросаны», содержатся в актах, призванных регулировать сферы, гораздо более широкие, чем профилактическая работа. Представительная власть не в состоянии сосредоточить законотворчество на концептуальных, стратегических вопросах профилактики, требующих единой комплексной регламентации, оптимизированной в структурном и функциональном отношениях. К источникам законодательства о предупреждении преступлений

¹³ Собрание законодательства РФ. 11.04.2011. № 15. Ст. 2037.

¹⁴ См.: *Трунцевский Ю.В.* Указ. соч. — С. 170.

следует относить те законы, специальной сферой регулирования которых является профилактика преступлений. Полагаем, что отнесение к источникам предупредительной отрасли всех законов, в сферу регулирования которых лишь *входят задачи, меры, субъекты профилактики и т.п.*

при том, что основной направленностью закона является иная, не профилактическая деятельность, будет способствовать продуцированию мегаотрасли, чего на современном этапе развития юридической науки и законодательной техники следует избегать.

**МАТЕРИАЛЫ БЕСЕДЫ НА ТЕМУ
«КРИМИНОЛОГИЯ ЗАКОНА. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»
ОТ 26 ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА**

УДК 343.9
ББК 67.51

*Д.А. Шестаков**

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ МИРОУСТРОЙСТВА ПО И.А. ПЕТИНУ

Выжимка: И.А. Петин находится на подступах к решению важной задачи — построение несколько утопичной, но не лишённой смысла концепции глубокого изменения законодательства о противодействии преступности, которое должно строиться на основе права противодействия преступности.

Ключевые слова: закономерности мироустройства; право противодействия преступности; криминология закона.

D.A. Shestakov

ON LEGAL RECOVERY OF WORLD ORDER ACCORDING TO I.A. PETIN

Summary: I.A. Petin is approaching to solving an important task — forming up a rather utopian but rational concept of the pervasive changes of the legislation on crime counteraction. Such concept must be based on the right of crime counteraction.

Key words: regularities of world order; right of crime counteraction; criminology of law.

1. Философия преступного на набережной Мойки

Приглашение Игоря Анатольевича Петина выступить в Клубе с докладом, основанном на двух интересных его книгах,¹ неслучайно. Мы неизменно проявляем интерес ко всему новому, необычному, возникающему в науке о преступности тем более, если эта самобытность исходит из глубины нашей России, в данном случае с Урала, из Оренбурга. Мне не раз приходилось говорить о моём желании того, чтобы криминология не только оставалась соци-

ологией преступности, но также стала бы философией её (преступности) и государственного на неё реагирования.² А разрабатываемое Игорем Анатольевичем учение, относящееся — по моей градации — к *криминологии закона*, ставит хотя и не вполне реальную, но грандиозную задачу по приведению Уголовного кодекса ни много ни мало в соответствие с закономерностями мироустройства. Оно имеет криминологический философский оттенок, и этим, безусловно, подходит собирающемуся на Мойке кругу посвящённых. Блестящее выступление в сегодняшней беседе профессора С.У. Дикаева служит тому подтверждением.

Не удивительно, что философия преступления и наказания выводит И.А. Петина на вопрос о смене целей наказания. Конечно, прав он, отмечая сомнительность закреплённой в законе цели исправления

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shestadi@mail.ru

© Д.А. Шестаков, 2013

¹ *Петин И.А.* Осознанное и неосознанное в учении о преступлении. — М., 2010; *его:* Влияние причинно-следственной связи на формирование системности уголовного права. — М., 2012.

² *Шестаков Д.А.* Криминология на рубеже двух тысячелетий // Вестник Санкт-Петербургского юридического университета МВД России. — 1999. — № 2. — С. 73–77.

осуждённого. Предложенная им самим формула: «Наказание применяется в целях осознания осуждённым закономерностей мироустройства и поведения человека, в том числе неотвратимости ответственности как оснований изменения поведения осуждённого на социально полезное, и предупреждения совершения новых преступлений, — звучит хотя и не вполне убедительно, но смело и ярко. Эта формула высвечивает новаторство и своеобразие мышления её автора. Но её следовало сопоставить с высказанными ранее иными предложениями по смене целей наказания в УК РФ.³

2. «Союз топора и шеи», гармония преступника с потерпевшим?..

Едва ли можно согласиться с высказыванием И.А. Петина о наличии в действующем уголовном законодательстве «презюмции осознанного». На самом деле в законе есть субъективное вменение, в соответствие с которым мотивы могут отягчать ответственность только при условии их осознания виновным. Суждение Игоря Анатольевича об учёте влияния подсознания на совершение преступления нуждается в пояснении.

Предлагая в число задач УК включить «восстановление или достижение гармонии в отношениях преступника с потерпевшим, обществом и внешним миром в целом», Игорь Анатольевич выходит (во всяком случае, отчасти) за пределы возможностей уголовного права. Но незаметно для самого себя приближается к поставленному автором настоящих строк вопросу о едином праве противодействия преступности (ППП),⁴ охватываю-

щем помимо прочего и уголовное право. Своё стремление к «гармонии *прежнего* преступника с миром» надо было бы, думается, сопоставить с рассуждениями о ППП.

3. Подлинное зло или его «конструкт»?

Как известно, существует два основных подхода к преступлению: материальный (преступление — зло, реально причиняющее вред) и формальный или, как говорят, конвенциональный⁵ (преступление — то, что названо таковым в законе). Эти подходы, криминологический и юридический, не противостоят, а взаимно дополняют друг друга, что признаётся и докладчиком. Он предлагает новое определение преступления для ч. 1 ст. 14 УК РФ. А именно: «Преступлением признаётся причинение предусмотренного настоящим Кодексом *преступного* вреда или создавшее реальную угрозу причинения такого вреда». Над определением надо ещё поработать, поскольку оно вышло тавтологичным: получается, что понятие *преступления* выводится через опять же *преступный* вред. Какой, какой? Что же такое «преступный»? Замкнутый круг.

Подводя итог, скажу, что мне пришлось по вкусу творческая устремлённость Игоря Анатольевича. Он находится на подступах к решению важной, на мой взгляд, задачи построения несколько утопичной, но не лишённой смысла концепции глубокого изменения законодательства о противодействии преступности, которое (законодательство) должно строиться, конечно, на основе ППП.

³ Шестаков Д.А. Преступность среди социальных подсистем / Под ред. Д.А. Шестакова. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — С. 13.

⁴ Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответств. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. — Костанай, 2012. — С. 102–113.

⁵ См.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. — С. 34–46.

УДК 343.9
ББК 67.51

*С.У. Дикаев**

О ДОКЛАДЕ И.А. ПЕТИНА

Выжимка: Вызывает очень большие сомнения то, что авторское видение «концептуальных изменений уголовного законодательства» позволит обеспечить «достижение его системности».

Ключевые слова: концептуальные изменения уголовного законодательства; закономерности мироустройства; преступление.

S.U. Dikaev

ON I.A. PETIN'S REPORT

Summary: It is doubtful that the author's view of «conceptual changes in criminal legislation» will allow to secure «its systematization».

Key words: conceptual changes of criminal legislation; regularities of world order; crime.

Доклад имеет философскую основу и, по замыслу его автора, целью являлось обоснование некоей идеи, которая позволила бы обеспечить системность уголовного законодательства. Автор предлагает поэтапное внедрение его идеи, которая так и не была сформулирована (по крайней мере, я не понял какова концепция: то ли это «свобода воли и поведения», то ли «случайность», которой, по мнению автора, вообще не может быть, то ли «обусловленность поведения», то ли идея «причинной связи»). Ясно лишь одно: докладчик прочувствовал необходимость иного взгляда на уголовно-правовые отношения и предпринял попытку сформулировать этот взгляд на основе философии, как мне показалось, философии Канта и Фихте.

Надо отдать должное автору: он в отличие от других не говорит о необходимости «приспособиться» к развитию современного общества, к «напору» и «наступлению» урбанизации и индустриализации и иным процессам, выступающим криминогенными факторами преступности. У него

есть понимание того, что приспособление к проблеме не есть её решение, что через некоторое время общество опять столкнётся с теми же, а то и с ещё более сложными задачами. Верным является поиск причины, приведшей человечество к такому состоянию, когда уголовный закон не справляется со своими задачами, а преступность не реагирует на ужесточение закона. В такой ситуации действительно нужен креативный (новаторский) взгляд на многие социальные процессы, который и позволит вывести человечество из плена иллюзий о природе преступности и методах противодействия ей.

Однако вызывает очень большие сомнения то, что авторское видение «концептуальных изменений уголовного законодательства» позволит обеспечить «достижение его системности». Рассмотрим его идеи в той последовательности, в какой он их изложил в тезисах, размещённых на сайте Клуба.

Итак, автор считает, что первый этап концептуальных изменений состоит «в переходе ориентации человека и общества с закономерностей общественного развития на закономерности мироустройства».

Сразу возникает вопрос, вернее ряд вопросов: «Что такое мироустройство?», «На чём основано мироустройство?», «О каком мироустройстве идёт речь: о божь-

* Салман Умарович Дикаев — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dikaev@mail.ru

© С.У. Дикаев, 2013

ственном или о том, что нами воспринимается?», «О реальном или воображаемом мироустройстве?», «Если мир (вселенная) основывается на законах физики, общество на социальных законах, а индивид, как биологическое существо, на биологических законах, то означает ли это, что человечество должно отказаться от социальных законов в пользу законов физики и биологии?», «И не скатится ли в этом случае человечество в доисторический период?».

Согласно одной из теорий мироустройства, «всё в мире создано по общим принципам. Все процессы во вселенной взаимосвязаны, как друг через друга, так и общей для них средой. Любой процесс является частью другого процесса и имеет составляющие себя процессы».

Мне эта теория представляется верной. Полагаю, что всеобщность взаимосвязей обеспечивается посредством действий законов физики. Законы физики оказывают непосредственное влияние на взаимосвязи «жертва-преступник». Они лежат в основе таких социальных связей между людьми и между некоторыми социальными животными и насекомыми, как любовь, ненависть, дружба, привязанности. Размышляя над этой проблемой, я предполагаю, что в скором времени появится ещё одна криминологическая теория, которую можно назвать «волновой теорией», или «криминологической теорией частотности».

Идея заключается в том, что мозг является органом, вырабатывающим физические колебания, частота которых определяет индивидуальность поведения и взаимоотношений (взаимосвязей) человека в социуме. Житейский опыт показывает, что чем сильнее и дольше в человеке сохраняется чувство страха (особое психическое состояние, обусловленное особенностями производимых мозгом физических волн), тем больше вероятность того, что он рано или поздно станет жертвой либо преступления, либо несчастного случая. Многие могли наблюдать и то, что чем сильнее жертва боится насильника, тем сильнее и агрессия со стороны насильника. И наоборот, активное сопротивление жертвы, обуславливающее подавление им своего страха, снижает агрес-

сию. Поэтому «волновая теория» могла бы объяснить взаимосвязи «преступник—жертва» (также, как и влюбленность и ненависть), поскольку вероятнее всего эти люди обладают специфической частотой, позволяющей им «находить» друг друга. При этом особое значение может иметь квантовая теория, которая в настоящее время активно используется в медицине (квантовая терапия). Методики квантовой терапии позволяют «стереть», то есть уничтожить, информацию о болезни, нарушить план болезни, не дать ему осуществиться.

Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу могли бы специальные исследования преступника и его жертвы, сопряжённые с соответствующими измерениями их индивидуальной частоты. А саму теорию мог бы развить криминолог, обладающий специальными познаниями в области физики.

Возвращаясь к первому этапу, обозначенному докладчиком, замечу, что если автор ведёт речь об упомянутом выше миропонимании, то мы предъявляем такие требования к сознанию и самосознанию человека, которым никто не сможет соответствовать. Это должен быть человек не только с глубокими знаниями физики, химии, географии и массы других наук, но и строго следующий этим знаниям. Где мы найдём таких людей? Можем ли мы требовать от людей такого знания мироустройства, если мы иногда не можем приучить студента к воспроизведению точной формулировки существующего в УК РФ понятия преступления и его признаков? Большинство социальных норм всегда ориентированы на среднего (нормального) человека. Причём они сконструированы так, что: а) не мешают развитию нового, передового, б) требуют «подтянуться» тех, кто не дотягивает до «среднего» человека. Поэтому идея автора о «переходе ориентации человека и общества с закономерностей общественного развития на закономерности мироустройства» приведёт к полному хаосу и дисгармонии, при которой общество как таковое перестанет существовать. Будут только индивиды со своим собственным пониманием законов мироустройства (миропониманием).

Докладчик также считает, что переход на законы мироустройства «... обоснован тем, что для достижения согласия и гармонии в обществе, а также в государстве и мире, необходимо прийти к единому знаменателю, в качестве которого закономерности мироустройства и поведения человека в нём способны выступать».

Упустим то, что формулировка, как мне кажется, неудачная, и зададим следующие вопросы: «Кто может определить единство знаменателя? В чём этот знаменатель должен выражаться? Если человечество не может до конца определиться в закономерностях развития общества, то, как мы сможем постичь законы мироустройства? Кроме того, о каком достижении согласия и гармонии можно говорить, если сама природа посредством действия законов физики обеспечивает дисгармонию и хаос частностей (например, отдельных преступных проявлений) при сохранении гармонии и упорядоченности целого (всего общества, человечества)?»

Природа не терпит однообразия. Чем объяснить, например, древнее табу на кровосмешение, как не законом природы, до сих пор до конца непознанным человеком, позволяющим обеспечить «качественную» внутривидовую мутацию при сохранении вида? Те многочисленные войны, которые вело человечество, подчинены задаче природы — поиск новых вариантов мутации (мужчины погибают, а выжившим победителям достаются женщины). Вечная мутация всего и вся, обеспечиваемая природой, сделала современного человека таковым, какой он есть. Если вспомнить законы диалектики «единства и борьбы противоположностей», «отрицания отрицания», «перехода количества в качество», то они показывают, что всё в природе держится на борьбе противоположностей, при которой рождается новое. Тогда совершенно справедливо суждение криминологов о пользе преступности. Борясь с преступностью и прочими отклонениями, общество совершенствуется. И если и говорить о гармонии, то можно говорить о гармонии борьбы. Если говорить о согласии, то о согласии с правилами этой борьбы.

Докладчик предлагает закрепить свои идеи в ч. 2 ст. 1 УК РФ указав, что: «Насто-

ящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, ориентируясь при этом на известные закономерности мироустройства и поведения человека».

Во-первых, такое решение ничего не даёт ни теории, ни практике, оно лишено всякого смысла. Во-вторых, автор почему-то считает, что всем известны законы мироустройства. С сожалением отмечу, что лично мне неизвестны закономерности мироустройства. Если мне кто-то скажет, что он их знает, то я готов с ним спорить сколько угодно, и мы никогда не достигнем ни согласия, ни гармонии в их понимании, но можем достигнуть гармонии в своём споре. Если бы закономерности мироустройства и были известны, то зачем бы нужно было об этом писать в норме УК? Тем более что в предлагаемой им формулировке части 2 ст.1 УК докладчик соглашается с тем, что Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права. Если так, то Конституция и принципы и нормы международного права, наверное, сформулированы с учётом закономерностей мироустройства и поведения человека. Кроме того, непонятно на чём основываются суждения докладчика о том, что нам всем непременно известны и закономерности поведения человека. Даже сам человек иногда не знает мотивы своего поведения, движимый интуицией, влиянием звёзд и прочими особенностями психики. А попытки докладчика привязать к закономерностям поведения человека сознательное и бессознательное, напротив, делают поведение человека ещё менее прогнозируемым. Кроме того, из трудов классиков психиатрии (К. Юнг, З. Фрейд) мы знаем, что, помимо личного бессознательного, есть ещё и коллективное бессознательное, и есть промежуточные состояния. И как эти индивидуальные состояния должны учитываться в УК? И самое главное, каким должен быть механизм установления этих состояний? Как видим, вопросов значительно больше, чем ответов.

На втором этапе докладчик предлагает обозначить цель осуществления провозглашённых задач уголовного зако-

нодательства. Без этой цели, считает он, получается, что *«охрана собственности осуществляется ради её охраны, что противоречит конституционным нормам о человеке как высшей ценности. При определении цели достижения задач уголовного законодательства необходимо учитывать цели уголовного наказания»*.

Прежде всего, надо заметить и докладчику, и нашему законодателю, что задачи не осуществляются, а решаются, а автору следовало бы обратить на это внимание законодателя и предложить скорректировать ч. 2 ст. 2 УК. Докладчику следовало бы знать технику конструирования юридических норм. В названной норме УК цель законодателем намеренно опущена, так как техника конструирования нормы здесь такова, что цель подразумевается, она вытекает из содержания нормы. Ведь задачи ставятся и решаются для достижения какой-то цели, для получения конкретного результата. Решение задач УК позволяет достигать цель — *охрану* прав и свобод и т.д., *обеспечение* мира и безопасности и *предупреждение* совершения новых преступлений. Полагаю, что, защищая, мы наказываем, а наказывая, защищаем. И никакого противоречия с конституционными нормами о высшей ценности человека я не вижу.

Автор предлагает дополнить ч. 1 ст. 2 УК РФ текстом следующего содержания: *«...а также предупреждение преступлений путём выявления причин, ведущих к совершению преступления, и условий, способствующих его совершению, с последующим планомерным их устранением, для восстановления или достижения гармонии в отношениях преступника с потерпевшим, обществом и внешним миром в целом»*.

Непонятно, чем вызвана необходимость детализации предупреждения, указания в УК на способы этого предупреждения. Если только для достижения гармонии в отношениях преступника и жертвы, то и здесь при существующих видениях содержания уголовно-правовых отношений гармонии не будет (разве что гармония «ШЕИ И ТОПОРА», как заметил Д.А. Шестаков).

Хотя на самом деле идея сама по себе мне кажется разумной, если её понимать

так: *«Надо не только наказать преступника, но и обеспечить, чтобы он достиг мира с жертвой»*. Но такой мир возможен, если этого захотят обе стороны. Более того, для обеспечения этой идеи нужно сделать потерпевшего полноправным участником уголовно-правовых отношений. Ведь сегодня уголовно-правовые отношения — это отношения между государством и лицом, совершившим преступление. А надо, чтобы это были отношения между жертвой и преступником, разрешаемые посредством государства.¹ Тогда весь уголовно-правовой ресурс будет ориентирован на максимальное обеспечение интересов жертвы. Но докладчик ничего не говорит о жертвах, больше акцентируя своё внимание и внимание аудитории на «гармонии с внешним миром в целом».

На третьем этапе реформирования уголовного закона докладчик видит необходимость *«признать влияние неосознанного (подсознания) на поведение человека и отойти от презумпции осознанного поведения индивида»*. Это позволит, по его мнению, *«разрешить проблему вины в уголовном праве, а именно, что должен осознавать субъект преступления и по каким признакам следует это определять»*. Характеристика осознания общественной опасности деяния, считает он, является крайне неопределённой категорией, *«поскольку в ней нет определения преступного вреда, и не даются признаки, по которым устанавливается это осознание правоприменителем»*.

Во-первых, хочется сразу же заявить, что это не так. Проблема вины в уголовном праве давно решена, и решение это устоялось. Уголовное право, по крайней мере последние 50 лет, успешно ставит лицу в вину осознанные и волевые действия. А осознание устанавливается посредством анализа объективных признаков и спец-

¹ См., напр. Дикаев С.У. Некоторые вопросы современной «наказательной» политики России // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Сборник научных трудов. — Саратов: Сателлит, 2008. — С. 174—182; Дикаев С.У. Цели уголовного наказания и критерии оценки эффективности уголовного наказания // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. — 2008. — № 5. — С. 44—54.

ифических субъективных признаков — мотива, цели и отчасти эмоций. В рамках учебной программы вуза студентов учат тому, что субъективная сторона (внутренняя сторона преступления) устанавливается посредством установления и анализа объективной стороны (внешней стороны).

Во-вторых, осознание характера преступного вреда может иметь значение только для квалификации (может измениться форма вины) и индивидуализации наказания. И как вред может им осознаваться при преступной небрежности как форме неосторожной вины? Ведь в этом случае закон вменяет в обязанность то, что виновный должен был и мог предвидеть вредные последствия. Поэтому для права нет разницы, осознаётся виновным возможный вред или нет, важно, чтобы виновным осознавался характер совершаемых им действий.

А то, как осознание виновным вреда может зависеть от степени понимания им закономерностей мироустройства и его поведения на различных уровнях проявления причинно-следственных связей, для меня остаётся непонятным, о чем автор хотел поведать миру.

Совсем неясным для меня был четвёртый этап, на котором докладчик видит необходимость и возможность классификации *«единственного признака преступления, а именно, преступного вреда, по единому критерию, в основу которого закладывается высшая ценность для человека, а именно, его жизненная энергия»*.

Разве возможна классификация чего бы то ни было «единственного»? В чём заключается высшая ценность для человека — его жизненная энергия? Кто будет её измерять и как её измерить? Нужно будет изобрести «жизнеметр» наподобие вольтметра. Если до конца придерживаться логики автора, то получается, что если жизненной энергии меньше, то и степень защищённости этой жизни должна быть соответствующей. Полагаю, что высшая ценность для человека — это сама его жизнь в любом её состоянии.

Кроме того, есть преступления без материальных последствий, как с ними автор предлагает поступить? Легче всего пред-

ложить их декриминализовать, но в этом случае нужно прогнозировать возможные последствия для общества.

На пятом этапе докладчик считает, что после реализации первых четырёх этапов уже созданы условия для изменения ч. 1 ст. 14 УК РФ. Он предлагает абсурдное во всех отношениях определение преступления: *«Преступлением признаётся причинение предусмотренного настоящим Кодексом преступного вреда или создавшее реальную угрозу причинения такого вреда»*.

Ведь любая дефиниция есть совокупность признаков явления. Какие признаки мы можем выделить из приведённого определения? Да никакие. Получается, что осознанное и волевое деяние может и не содержать такие признаки, как общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость? А если нет преступного вреда, то нет и преступления?

На шестом этапе при определении размера наказания докладчик предлагает в ч. 3 ст. 60 УК РФ дополнительно учитывать *«причины, которые привели к преступлению, и условия, способствующие его совершению»*.

Полагаю, что причины и условия являются факторами, определяющими степень общественной опасности деяния, они характеризуют личность виновного. Они указывают и на наличие в содеянном смягчающих или отягчающих вину обстоятельств. Поэтому причины и условия и так учитываются судом при индивидуализации наказания. Соответственно, указывать их в части 3 ст. 60 УК — Общие начала назначения наказания — излишне.

А седьмой этап, на котором, по мнению докладчика, нужно последовательно «пересмотреть иные нормы Общей части УК РФ и необходима соответствующая разработка норм Особенной части», вовсе оказывается излишним.

В целом, надо поблагодарить докладчика за то, что он позволил пофилософствовать на уголовно-правовую тематику. Но идеи его остались для меня непонятными, видимо, поэтому и его предложения я не могу принять как достойные внимания законодателя.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*П.А. Скобликов**

БИЗНЕС НА ДИССЕРТАЦИЯХ В ТЕРМИНАХ И ПОНЯТИЯХ

Выжимка: Диссертационный бизнес в постсоветской России в силу ряда причин получил широкое распространение. Этот бизнес имеет явно коррупционную направленность.

Ключевые слова: учёная степень; диссертационный бизнес; диссертация.

P.A. Skoblikov

THESIS BUSINESS

Summary: In Post-Soviet Russia, thesis business became a frequent practice for a variety of reasons. This business is corruption-focused.

Key words: academic degree; thesis business; thesis.

Всё, что создано человечеством, создано благодаря науке. И если уж суждено нашей стране быть великой державой, то она ею будет не благодаря ядерному оружию или западным инвестициям, не благодаря вере в Бога или Президента, а благодаря труду её народа, вере в знание, в науку, благодаря сохранению и развитию научного потенциала и образования.

Лауреат Нобелевской премии Ж.И. Алфёров

В 2012 г. произошли два громких события, которые целесообразно упомянуть в качестве вступления. Они неплохо иллюстрируют тему настоящей статьи сами по себе, но ещё лучше — в сопоставлении друг с другом.

Первое событие. В феврале 2012 г. спецкомиссия Байройтского университета выдвинула обвинение против министра обороны Германии Карла-Теодора цу Гуттенберга, уличив его в том, что его докторская диссертация в основном состояла из фрагментов чужих текстов, не снабжённых необходимыми ссылками. Министр некоторое время держался, но недолго. 28 февраля было опубликовано открытое письмо учёных (!), собравшее около 30 тысяч подписей граждан (!!!) с требованием отставки пойманного на лжи министра.

* **Пётр Александрович Скобликов** — доктор юридических наук, профессор, профессор Академии управления МВД России (Москва, Россия). E-mail: skoblikov@list.ru

© П.А. Скобликов, 2013

В целях «погашения» скандала цу Гуттенберг сначала поспешил отказаться от учёной степени, но этого оказалось недостаточно. Уже 1 марта 2012 г. он был вынужден подать в отставку.

Второе событие. В конце мая 2012 г. фонд «Историческая память» обвинил губернатора Кировской области Никиту Бельх (Россия) в плагиате его диссертации. Дело в том, что этот политик летом 2010 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Особенности формирования и функционирования лагерной экономики в 1938—1953 гг. (на материалах Вятлага¹ НКВД-МВД СССР)», а потом обнаружили, по мнению представителей фонда, неприглядные факты. Обвинение подкреплялось конкретными и многочисленными

¹ Это сокращённое название Вятского исправительно-трудового лагеря — одного из крупнейших в СССР (где осуждённые за преступления отбывали наказание в виде лишения свободы). Располагался в Верхнекамском районе Кировской области.

ными фактами дословного списывания чужих научных работ (с выдачей текста за свой собственный). Данная история довольно широко обсуждалась в Интернете, но учёные не возмутились, граждане 30 тысяч протестных подписей не оставили. Диссертант от учёной степени не отказался и в отставку с высокой государственной должности не ушёл...

Указанные события демонстрируют не только большую терпимость российского общества к плагиату в науке, но и высокий спрос на учёные степени. А спрос, как известно, рождает предложение. Так возник диссертационный «бизнес», который в постсоветской России в силу ряда причин получил широкое распространение. Причём этот «бизнес» имеет явно коррупционную направленность.

В современном российском обществе, пожалуй, уже не осталось сфер жизнедеятельности и социальных групп, в той или иной степени не охваченных коррупцией. Хотя занятие наукой предполагает в качестве главного мотива активности стремление к истине (что, казалось бы, с коррупцией несовместимо), научная среда не является исключением из приведённого выше печального правила.

Диссертационный «бизнес» возник как синтез устремлений двух разношёрстных групп людей. С одной стороны, тех, кто имеет деньги или другие ресурсы и хотел бы с их помощью улучшить свой социальный статус и (или) облегчить карьерный рост, получив учёную степень. А с другой — тех, кто нуждается в деньгах, других ограниченных благах и так или иначе может способствовать получению учёной степени.

Столь негативное явление возникло отнюдь не сегодня, оно замечено общественностью довольно давно² и прошло ряд стадий трансформации, приобретая в итоге немыслимый прежде масштаб. Однако реализованный в настоящей работе подход к исследованию ранее никем не применялся — ведь здесь представлена попытка выявить, систематизировать и показать *неформальные* термины и понятия,

² См, напр.: Савин А. Диссертации оптом и в розницу // Известия. — 1999. — 13 октября.

отражающие обозначенные процессы и отношения. Все эти термины используются в соответствующей среде, а также теми, кто с этой средой соприкасается, кто её изучает (не в научных целях).

Полагаю, что данный подход весьма продуктивен, поскольку позволяет описать закономерности явления, увидеть его действующую модель на среднем уровне абстракции, не поступаясь существенными деталями, но и не утопая в подробностях отдельных случаев. Кроме того, он даёт возможность понять не только самые общие, но и конкретные причины и условия возникновения, а затем и воспроизводства соответствующих отношений.

Итак, перед читателями результат моих изысканий. Если по тексту используется слово или выражение, которому выше или ниже (в алфавитном порядке) дано определение, то такой термин выделен курсивом и сопровождается приглашением «см.», заключённым в скобки. Полезно также упомянуть, что в 2009 г. в Москве издательством «Норма» выпущена моя книга «Коррупция в современной России: словарь неформальных терминов и понятий», а настоящую статью можно рассматривать как её продолжение.

Ангажированная диссертация (вариант — «замазанная диссертация») — диссертация, в защите которой имеется личная заинтересованность членом (части членом) диссертационного совета. Интерес может быть материальный, если они сами участвовали в подготовке данного труда или получили вознаграждение за лояльность, либо иной личный, когда защищается соискатель, полезный членам совета в том или ином отношении (в силу занимаемой должности, связей и т.д.), и др.

Пример употребления: «...такая практика не настолько широко распространена, как защита *ангажированных диссертаций*».³

Ангажированный оппонент (используются также как синонимы прилагательные

³ Балацкий Е.В. Диссертационная ловушка. Интернет-журнал «Капитал страны». — 3 августа 2009 г. URL: www.kapital-rus.ru/articles/article/139089 (дата обращения: 24.11.2012).

«гнутой», «дружественный», «замазанный», «подготовленный») — назначенный в качестве официального оппонента гражданин, имеющий личную заинтересованность в успешной защите диссертации в силу различных обстоятельств:

— если он по той или иной причине (в том числе за вознаграждение) лично участвовал в подготовке диссертации (официально это запрещено);

— если он находится в материальной зависимости от соискателя (а равно представляемых им лиц);

— если он или его близкие находятся в служебной зависимости от соискателя (а равно представляемых им лиц);

— если он находится в дружеских отношениях с соискателем (а равно представляемыми им лицами);

— если в будущем предполагается обмен взаимными услугами между соискателем и оппонентом (или представляемыми ими лицами).

Привлечение официальных оппонентов к защите диссертации является обязательным. Их назначает диссертационный совет, принявший диссертацию к защите, из числа компетентных в соответствующей отрасли науки учёных, давших на это своё согласие. Согласно существующему порядку официальный оппонент на основе изучения диссертации и опубликованных работ по теме диссертации представляет в диссертационный совет подробный письменный отзыв. Помимо этого, по общему правилу официальный оппонент лично выступает в ходе защиты, «нападая» на соискателя, а последний должен «защищаться».

Пример употребления: «На защитах стало гораздо больше *неангажированных оппонентов* и специалистов со стороны».⁴

Белый оппонент — официальный оппонент, призванный сыграть роль, противоположную роли *чёрного оппонента* (см.).

Бригада (реже — табор, семья, палата № 6, колхоз, вольер) — объединение *тех-*

нических авторов (см.), посредников и рекламщиков, как правило, под началом *бригадира*.

«Наверное, бригада работает», — говорят про учёного, выдающего много работ ежегодно. При этом *бригадир* (иначе — *шеф, маклер*) может и сам писать, но редко. В соответствующей среде есть предание, согласно которому раньше все бригадиры писали, а другие им только помогали, но постепенно бригадиры стали набирать себе *негров* (см.) от начала до конца работы.

Гнутый оппонент — то же, что и *ангажированный оппонент* (см.).

Диссертационный бизнес — совокупность нелегальных коммерческих отношений, складывающихся по поводу подготовки и защиты диссертаций.

В этом «бизнесе» денежные потоки перетекают от соискателя учёной степени и лиц, заинтересованных в формально успешной защите его диссертации, к тем, кто так или иначе содействуют (или не препятствуют) подготовке диссертации и её защите.

Рассматриваемый бизнес за истекшие 20–25 лет претерпел серьёзные изменения. Они выражаются не только в том, что его масштабы по совокупному денежному обороту, по числу лиц, в него вовлечённых, по географии охвата возросли на несколько порядков, но и в том, что принципиально трансформировался (существенно расширился) состав его субъектов, сформировалась другая иерархия.

Важно также отметить, что *диссертационный бизнес* имеет место не только там, где подготавливаются и защищаются заказные, покупные и прочие диссертации, в которых фамилия фактического автора не совпадает с фамилией автора номинального. Этот *бизнес* всё более охватывает доселе легальную сферу подготовки и защиты тех работ, которые пишутся добросовестными авторами, вынужденными преодолевать искусственные преграды и втягиваться для этого в коррупционные отношения.

Вот что утверждает по данному вопросу Е.В. Балацкий: «Надо сказать, что за последнее время “диссертационный бизнес” претерпел определённую эволюцию и пре-

⁴ *Емельяненко А.* Право на защиту. Как спастись науке от мнимых докторов // Российская газета (Федеральный выпуск). — № 4829. — 2009. — 16 января.

вратился в иерархически организованный вид коммерческой деятельности. Внизу стоят «чернорабочие» — те, кто непосредственно пишет диссертацию. Раньше эта категория людей была привилегированным классом и все нити «диссертационного бизнеса» сходились к нему. Однако сейчас они выступают в качестве обычной рабочей силы. Ключевые же позиции занимают «топ-менеджеры» диссертационного процесса — председатели диссертационных советов и руководители организаций, где проходит защита. Именно от этих людей зависит не только успешная защита, но и само принятие готовой диссертации к защите. Например, если данные персоны не хотят принимать диссертационную работу к защите, то в их руках имеется достаточно инструментов, чтобы бесконечно «динамить» даже самое гениальное творение. Особую когорту занимают эксперты ВАКа, которые также могут не только подсобрать соискателю, но и наоборот серьёзно попортить ему кровь. В отличие от «чернорабочих» «топ-менеджеры» не выполняют вообще никакой технической работы, а только лоббируют готовый диссертационный продукт. В этом они мало чем отличаются от политиков, лоббирующих интересы тех или иных групп давления».⁵

Диссертация под ключ — комплексная коррупционная услуга, заключающаяся в том, что соискатель учёной степени за определённое материальное вознаграждение (обычно за деньги, но возможно предоставление иного имущества, работ, услуг) максимально освобождается от каких-либо забот, связанных с получением искомой степени. Ему помогут выбрать тему будущего научного исследования (а при необходимости — и научную специальность), подберут учебное или научное учреждение, где он будет прикреплен в качестве соискателя или куда он поступит в качестве аспиранта (докторанта), поспособствуют в утверждении темы, проведении эмпирического исследования (если по теме оно необходимо), напишут диссертацию, поспособствуют её одобрению кафедрой или другим научным коллективом,

⁵ Балацкий Е.В. Указ. соч.

подберут благоприятный диссертационный совет и благожелательных оппонентов для защиты, ведущую организацию, подготовят материалы, которые (помимо собственно диссертации) необходимы для защиты (текст выступления, ответы оппонентам и др.), и т. д.

Операция по получению учёной степени включает следующие статьи затрат: текст диссертации; текст автореферата диссертации (иногда эти две позиции объединяются); текст статей и/или монографий; «проталкивание» статей и монографий для публикации; подготовка отзывов на диссертацию; подготовка отзывов на автореферат диссертации; обеспечение участия оппонентов и ведущей организации; обеспечение справок о внедрении результатов диссертационной работы; обеспечение сдачи кандидатского минимума (не меньше трёх обязательных экзаменов, а иногда ещё разнообразные зачёты и рефераты); обеспечение «бархатной» защиты на учёном совете (положительное голосование и недопущение лишних вопросов к соискателю); банкет после успешной защиты; подстраховка и лоббирование прохождения диссертации в ВАК, др.

Примеры употребления:

1) «Председатель Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Михаил Кирпичников предлагает ввести преследование по административной или уголовной линии для авторов и заказчиков так называемых *диссертаций под ключ*».⁶

2) «Если говорить о рынке так называемых *диссертаций под ключ*, то в последние полгода он переживает настоящий шквал».⁷

3) «Кандидатские и докторские *диссертации под ключ* с гарантией защиты. www.***.ru»⁸

Дружественный оппонент — то же, что и *ангажированный оппонент* (см.).

Замазанная диссертация — то же, что и *ангажированная диссертация* (см.).

⁶ За заказные диссертации в России угрожают тюрьмой. Сайт «Корреспондент.net». 2006. 28 апреля. URL: <http://korrespondent.net/world/152618> (дата обращения: 24.11.2012).

⁷ Там же.

⁸ Рекламное объявление на сайте «Яндекс».

Замазанный оппонент — то же, что и *ангажированный оппонент* (см.).

Заказная диссертация — диссертация, написанная исполнителем или исполнителями, непосредственно или опосредованно нанятыми заказчиком-соискателем, который выдаёт полученный таким образом чужой труд за свой собственный с целью получения учёной степени кандидата или доктора наук.

Можно привести некоторые признаки биографии и личности заказчика-соискателя, которые указывают на высокую вероятность того, что защищённая им диссертация — заказная.

1. С момента утверждения темы диссертации до её защиты прошло немного времени (год-полтора или даже меньше).

2. Незадолго перед защитой залпом были опубликованы формально необходимые для защиты работы, а после защиты диссертации «учёный» утратил интерес к научному творчеству и более ничего не публикует.

3. Соискатель перед защитой занимал высокий пост и (или) имел высокий доход (легальный или нелегальный).

4. Основная деятельность, которой занимался соискатель перед защитой диссертации, не допускала уединения, отнимала много времени (рабочий день по 8—12 часов), требовала значительной концентрации на служебных вопросах и большой самоотдачи.

5. Диссертация защищена по гуманитарной научной специальности (юридической, экономической, политологической и т.д.); заказные диссертации по естественным наукам встречаются значительно реже (тем не менее, встречаются, и число их растёт).

6. Сфера профессиональных интересов и жизненный опыт «учёного» значительно отличаются от предмета диссертационного исследования.

7. Узость кругозора «учёного», расхожая стереотипность его мышления, неспособность на должном уровне поддерживать беседу по предмету проведённого исследования или близким к нему вопросам.

Примеры употребления:

1) «...эксперты отмечают стремительный рост рынка *заказных диссертаций*».⁹

2) «По словам экспертов, проблема *заказных диссертаций* стоит достаточно остро <...> 20—30 % от общего количества защищаемых в год диссертаций — это работы, написанные за деньги».¹⁰

3) «Наибольшее возмущение ВАК вызывают как раз не списанные, а *заказные диссертации*, написанные исполнителями, нанятыми заказчиком — соискателем научной степени».¹¹

Интернетчик — то же, что и *фуфлогон* (см.). Этим синонимом подчёркивается способ получения текста и иных материалов *техническим писателем* (см.).

Купленная диссертация (то же, что «*покупная диссертация*») — разновидность *заказной диссертации* (см.), когда заказ оплачивается деньгами.

Примеры употребления:

1) «Принимать решение о том, является ли диссертация *купленной*, или же это результат научной работы диссертанта, по замыслу Кирпичникова, должны экспертные советы. Причём, по словам академика, эти советы должны быть устойчивы к давлению извне».¹²

2) «Борьбу с *покупными диссертациями* начала Высшая аттестационная комиссия Российской академии наук. <...> научное сообщество и узкие специалисты будут оценивать и просматривать эти работы “под лупой”».¹³

⁹ Симакин Д. Доктора невидимого фронта. Почти треть защищённых в последние годы диссертаций написана за деньги // Независимая газета. — 2006. — 24 марта.

¹⁰ За заказные диссертации в России угрожают тюрьмой. Сайт «Корреспондент.net». 2006. 28 апреля. URL: <http://korrespondent.net/world/152618> (дата обращения: 24.11.2012).

¹¹ Мнимый доктор. Заочный круглый стол. 13 июля 2009 г. URL: http://orange.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=5642&print=1 (дата обращения: 24.11.2012).

¹² За заказные диссертации в России угрожают тюрьмой. Сайт «Корреспондент.net». 2006. 28 апреля. URL: <http://korrespondent.net/world/152618> (дата обращения: 24.11.2012).

¹³ Научное сообщество будет изучать диссертации «под лупой». Сайт Российской академии наук. 26 июня 2006 года. URL: www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=b981411a-94e3-4735-9a1e-c4f8ad348670 (дата обращения: 24.11.2012).

Липовый оппонент — используется в двух значениях: как синоним выражения *ангажированный оппонент* (см.) и для обозначения оппонента, не ориентирующегося в предмете исследования. Последнее может иметь разные причины: оппонент имеет другую специализацию, вообще давно отошёл от научной деятельности либо никогда не был серьёзным учёным — например, является обладателем *купленной диссертации* (см.).

Пример употребления: «Вчера общался с научруком, он сообщил, что с января следующего года ВАК вводит новую норму: якобы экспертные советы Комиссии будут сами назначать / рекомендовать Советам оппонентов, поскольку, как он выразился, “слишком много *липových оппонентов* развелось”». ¹⁴

Мнимый доктор — человек, имеющий учёную степень доктора наук, но фактически им не являющийся, так как защитил *покупную* или *туфтовую диссертацию* (см.).

Примеры употребления:

1) «Однако честолюбивые и особо настырные граждане, с наукой никак не связанные, всё равно находят свои отмычки и ходы». ¹⁵

2) «Иными словами, противостоять плагиаторам и «*мнимым докторам*» может только само научное сообщество?». ¹⁶

Настоящий доктор (кандидат) наук — человек, самостоятельно (благодаря личному труду и таланту) подготовивший и защитивший докторскую (кандидатскую) диссертацию.

Число талантливых людей, склонных к научной деятельности (требующей совокупности редко встречающихся качеств), в человеческой популяции весьма ограничено, поэтому количество настоящих докторов наук в принципе не может быть

таким значительным, каковое являет статистика защитившихся соискателей.

Примеры употребления:

1) «В Российской академии наук считают, если число *настоящих докторов и кандидатов наук*, идущих работать в научную сферу не возрастет, российская наука понесёт серьёзный урон. Диспропорция между гуманитарными и естественными науками и всеобщая коммерциализация — это главные проблемы современной российской науки». ¹⁷

2) «Сейчас, судя по всему, “контрактная” система на марше и никого удивить уже не может. А значит, формируется убеждение, что все сие в порядке вещей». ¹⁸

Негр — фактический автор (исполнитель) *заказной диссертации* (см.).

Это слово, вероятно, стало использоваться по аналогии с более известным выражением «литературный негр» (сокращённый вариант — «негр»), которое означает сходное явление в современной российской художественной литературе.

Негры могут выступать в качестве таковых по случаю или на регулярной основе, ставя написание диссертаций на поток, превращая данный вид деятельности в довольно-таки прибыльный бизнес. В последнем случае они работают автономно или организуются в группы, нередко — с соответствующим распределением ролей.

Наиболее типичны следующие ситуации.

1. В роли «негров» выступают подчинённые соискателя, если их подготовка позволяет писать научные работы (у соискателя, занимающего достаточно высокий пост в органах государственной власти или в бизнес-структуре, почти всегда найдутся творческого склада подчинённые, зачастую имеющие учёную степень; нередко их специализация и научные интересы определяют научную специальность и

¹⁴ Форум аспирантов. 6 февраля 2011 г. URL: www.rantu.ru/view.php?content=7&view=9 (дата обращения: 24.11.2012).

¹⁵ Емельяненко А. Указ. соч. — С. 9.

¹⁶ Мнимый доктор. Заочный круглый стол. 13 июля 2007 года. URL: http://orange.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=5642&print=1 (дата обращения: 24.11.2012).

¹⁷ Научное сообщество будет изучать диссертации «под лупой». Сайт Российской академии наук. 26 июня 2006 года. URL: www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=b981411a-94e3-4735-9a1e-c4f8ad348670 (дата обращения: 24.11.2012).

¹⁸ Петровский В. Как отличить настоящего доктора от фальшивого // Наука и жизнь. — 2006. — № 4.

тому будущей диссертации босса). Например, в ходе сбора эмпирического материала для настоящей работы на условиях анонимности респондент сообщил, к примеру, что бывший начальник одного из УВД, после отставки принятый на высокий пост в администрацию области, с ведома губернатора набирает в подчинённый ему отдел бывших сотрудников правоохранительных органов с учёными степенями, чтобы они подготовили для этого генерала в отставке докторскую диссертацию.

2. *Негром* является научный руководитель соискателя; между ними заключается негласный контракт, согласно которому соискатель выплачивает некую сумму денег (как правило, в начале аванс, а после написания работы или после её защиты — остальное), а научный руководитель за своего ученика пишет диссертацию, оказывает различное содействие в связи с её защитой (как входящее в обязанности научного руководителя, так и выходящее за их рамки).

3. *Неграми* становятся отдельные члены диссертационного совета (в том числе секретарь совета), компилирующие новые работы из уже прошедших защиту, а то и продающие отклонённые под надуманными предложениями диссертации. Порой диссертации создаются на основе нескольких добротных дипломных работ студентов сходной тематики.

4. В роли *негра* выступает лицо (группа лиц), регулярно оказывающее такие услуги. Подобного *негра* обычно подыскивают по рекомендациям тех, кто уже получал соответствующие услуги, но всё чаще об этом даётся открытая реклама (прежде всего в Интернете). В последнем случае для соискателя-заказчика высока вероятность оказаться жертвой мошенничества. Пикантность в том, что пострадавший вряд ли решится обратиться за помощью в правоохранительные органы, потому что будет трудно объяснить, за какую «услугу» с него взяли деньги, но «услугу» не оказали. Вместе с тем тогда возрастает вероятность поиска защиты в рамках «теневого» юстиции.¹⁹

¹⁹ Скобликов П.А. Имущественные споры и кризис в современной России. М.: Дело, 2001.

5. Распространена схема, когда один-два диспетчера дают рекламу услуг по подготовке диссертации и доведению этого продукта до искомого результата, проводят первоначальное собеседование с потенциальным клиентом, отсеивают *отморозков* (см.), сводят с исполнителем, участвуют в подписании договора, а затем получают свою долю по мере оплаты или разом. Доля может колебаться от 20 до 50 % и более. В этом случае лицо, выступающее в роли *негра*, в полной мере оправдывает своё прозвище.

Примеры употребления:

1) «Если у соискателя нет времени или способностей, но есть деньги, он без особых проблем может найти себе “негра” из бедной академической среды».²⁰

2) «Региональное начальство частенько защищается в Москве, чтоб потом не обвинили в наклоне “административной вертикали”. Вместе с соискателем приезжают и “негры”, которые, особо не скрывая своей роли в диссертации, используют редкую возможность побывать в столице для получения дополнительных знаний и навыков написания».²¹

3) «Большинство таких начальников очень даже не прочь занять кандидатскую степень. Сами они, конечно, написать диссертацию не могут. Их пристраивают соискателями к какому-нибудь маститому профессору, который и пишет им в обмен на ящики с коньяком, дары юга и отдых на взморье. А после защиты эти новоиспечённые кандидаты с ещё большим рвением начинают давить науку, приговаривая: «Я сам кандидат наук, я не хуже вас знаю!» Смешно?».²²

Отморозок — соискатель-заказчик с неадекватным поведением, слабо развитый интеллектуально (не способный следовать советам, которые даются ему для успешного прохождения всех необходимых про-

²⁰ Мнимый доктор. Заочный круглый стол. 13 июля 2009 года. URL: http://orange.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=5642&print=1 (дата обращения: 24.11.2012).

²¹ Алексеев Е. Путинский плагиат // Журнал «Золотой Лев». — № 79—80.

²² Маринина А.Б. Стечение обстоятельств. — М., 2008.

цедур) и способный на непрогнозируемые поступки. Реже так называют члена диссертационного совета с непредсказуемым поведением, который может задать соискателю острые и неожиданные вопросы, проголосовать «против» сам и настроить против соискателя других членов совета.

Перелицовка — приём маскировки плагиата, который применяют недобросовестные соискатели (когда они лично готовят свои диссертации) или нанятые ими *технические писатели* (см.). Причём в последнем случае это нередко происходит тайне от заказчика-соискателя, поскольку если при написании *заказной диссертации* (см.) использован плагиат, это резко снижает коммерческую стоимость такой диссертации.

Приём заключается в том, что в диссертацию включается чужой, взятый из работы иного автора текст (который выдаётся за изложение собственных мыслей соискателя), а чтобы плагиат не был замечен, в чужом тексте заменяются служебные слова, опорные слова меняются на синонимы или меняется порядок слов, если это не отражается на смысле, либо добавляется кусок фразы, которая несёт подразумеваемый изначально смысл и её присутствие в тексте практически ничего не меняет.²³

Этот приём имеет сходство с приёмом *чемодан-колтак* (см.). Нередко они применяются в паре. Отличие в том, что *перелицовка* используется при заимствовании уникальных дефиниций, описаний, переводов и т.д., т.е. текстов. Второй приём скрывает заимствование чужих идей.

Подготовленный оппонент — то же, что и *ангажированный оппонент* (см.).

Подснежник — учёный, в свое время весьма известный, но затем в силу возраста, болезней и других обстоятельств прекративший активную научную деятельность,

²³ В буквальном значении перелицевать — перешить что-то, сделав изнанку лицевой стороной (чтобы спрятать потертую, выцветшую сторону ткани). В более широком значении — переделать, изменить, придавая видимость нового. — См.: Малый академический словарь. — М.: Институт русского языка Академии наук СССР. 1957—1984.

давно не появлявшийся на заседаниях диссертационных советов (возможно даже считавшийся умершим), неожиданно появившийся, вызвавший выступить неофициальным оппонентом.

В принципе он может поддержать соискателя, но на всякий случай (чтобы избежать возможных негативных последствий), заинтересованные в защите лица сразу пытаются отвлечь *подснежника* банкетом (который обычно начинается уже перед защитой и продолжается во время защиты), увлечь беседой на сторонние темы и накачать алкоголем.

Подрядчик — то же, что и *технический писатель* (см.). Иногда написание диссертации (или монографии) на заказ действительно оформляется договором подряда между соискателем и *техническим писателем* (*подрядчиком*).

Покупная диссертация — то же, что и *купленная диссертация* (см.).

Покупной кандидат, доктор (наук) — человек, получивший учёную степень кандидата или доктора наук в результате защиты *купленной диссертации* (см.) либо подготовивший диссертацию самостоятельно, но защитившийся лишь благодаря подкупу лиц, влияющих на результат защиты, потому что подготовленная диссертация не соответствовала официально предъявляемым требованиям (являлась плагиатом или не имела достаточной новизны, актуальности, обоснованности полученных результатов и т. д.).

Пример употребления: «Ни для кого не секрет, что у нас многие кандидаты и докторы *покупные*...».²⁴

Помоечник — то же, что и *фуфлогон* (см.).

Продавленная диссертация — диссертация, не являющаяся для членов диссертационного совета «своей», внесённая со стороны, доведённая до защиты благодаря

²⁴ Мнимый доктор. Заочный круглый стол. 13 июля 2009 г. URL: http://orange.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=5642&print=1 (дата обращения: 24.11.2012).

лоббистским усилиям неких влиятельных лиц (например, руководителя вуза, при котором функционирует диссертационный совет), подкупу учёного секретаря вуза и т.д. То есть рассматриваемое понятие отчасти противостоит понятию *ангажированная диссертация* (см.).

Проплаченная диссертация — частный случай *ангажированной диссертации* (см.), когда в целях принятия диссертации к защите, успешного прохождения предзащиты и защиты диссертации подкупаются ключевые фигуры этого процесса: руководитель (заместитель руководителя) вуза или научного учреждения, где функционирует диссертационный совет, учёный секретарь, председатель диссертационного совета, отдельные его члены и т. д.

Работа от бордюра — установление контакта соискателя с *техническим писателем* (см.) посредством рекламных объявлений. В этом случае первым инициативу проявляет технический писатель, предпринимая определённые усилия рекламного характера.

Работа по рекомендации — установление контакта соискателя с *техническим писателем* (см.) по совету научных руководителей, заведующих кафедрами, председателей и членов диссертационных советов, иных представителей научной и околонуучной среды.

Разовый совет — диссертационный совет, созданный в расчёте на непродолжительное функционирование там, где для его учреждения не было достаточно оснований — обычно в провинции, где нет необходимого количества учёных, отвечающих всем предъявляемым требованиям. Дабы восполнить этот пробел, приглашают (временно устраивают на работу в вуз, научное учреждение, где создаётся совет) «варягов» — учёных из других городов и регионов. Всё это делается для того, чтобы у некоего влиятельного на соответствующей территории или в соответствующей сфере лица (или нескольких лиц) появились максимально благоприятные условия для защиты, а члены разового совета

поправили своё материальное положение.

Пример употребления: «Полностью прекращено открытие так называемых “разовых” советов, а из созданных приостановлена деятельность около трёхсот». ²⁵

Свой оппонент — то же, что и *ангажированный оппонент* (см.).

Пример употребления: «Кстати, насколько я знаю, что “свой” оппонент, что чужой всё равно соискателя должны ознакомить с отзывом до защиты, соответственно и вопросы тоже заранее известны!». ²⁶

Теневой рынок диссертаций — форма существования *диссертационного бизнеса* (см.), сегмент теневого рынка интеллектуальной собственности, где предлагаются и реализуются услуги по написанию диссертаций, их продвижению к защите и по лоббированию собственно защиты.

Примеры употребления:

1) «Суммарный объём *теневых рынков диссертаций* можно оценить минимум в 300 миллионов долларов». ²⁷

2) «Выйти на *теневой рынок диссертаций* не так уж сложно. Есть примитивные и не очень надёжные каналы, включая объявления в газетах и в Интернете. Имеются и более цивилизованные методы — выход на людей, занимающихся подобным бизнесом». ²⁸

Технический писатель — то же, что и *негр* (см.). Это выражение чаще используется самими исполнителями заказа на написание диссертации, чтобы подчеркнуть их отличие от тех, кто пишет сценарии, детективы и прочую «литературную жвачку».

Туфтовая диссертация — некачественная по содержанию (не отвечающая требованиям научной новизны, актуальности и обоснованности, либо являющаяся плагиатом) и (или) написанная по заказу (см.

²⁵ Емельяненко А. Указ. соч. — С. 9.

²⁶ Форум аспирантов. 6 февраля 2011 г. URL: www.rantu.ru/view.php?content=7&view=9 (дата обращения: 24.11.2012). (Стиль автора сохранён).

²⁷ Алексеев Е. Указ. соч. — С. 10.

²⁸ Балацкий Е.В. Указ. соч.

заказная диссертация). Прилагательное в данном выражении образовано от популярного слова из уголовного жаргона «туфта», которое давно вошло в повседневный язык многих россиян, далёких от криминальной среды, и означает разновидность мошенничества путём сбыта негодных вещей вместо качественных, а также обман и подделку²⁹.

Если диссертация подготовлена по заказу и по своему содержанию представляет качественный продукт (что встречается редко), обман всё равно имеет место, ведь действительный автор этого труда и соискатель не совпадают в одном лице.

Если же *туфтовая диссертация* написана самим соискателем, коррупционная составляющая может присутствовать при прохождении необходимых процедур, когда подкупаются или нейтрализуются при помощи административного ресурса³⁰ рецензенты, оппоненты, члены диссертационного совета и другие лица, с тем чтобы они не создавали препятствий для защиты этой, не отвечающей предъявляемым требованиям, работы.

Примеры употребления:

1) «Согласен, диссертаций защищается до фига... только вы чего, вчера родились? 90 % этих диссертаций — полная туфта, и причём тут наука?.. частенько диссертация — набор красивых формул и громких фраз... да ещё написанных “неграми”».³¹

2) «Но ребята, защитившие даже *туфтовые диссертации*, претендуют, тем не менее, на роль настоящих учёных... Диссерто у новопредставленного *туфтовый* был. Год назад защитил. То есть, защищался уже ректором. Понятное дело...».³²

²⁹ См., напр.: Мильяненко Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. — СПб.: Редакция журнала «Дамы и господа», 1992. — С. 253.

³⁰ Об административном ресурсе см.: Скобликов П.А. Коррупция в современной России: словарь неформальных терминов и понятий. — М.: Норма, 2009. — С. 21–22.

³¹ Форум сайта «Мембрана». URL: http://forum.membrana.ru/forum/scitech.html?parent=1052711427&page=4&mark_as_read (дата обращения: 24.11.2012). (Стиль автора сохранён).³² Интернет-форум на тему «Трагическая смерть ректора ТГУ, бывшего мэра Т...». URL: <http://www.e1.ru/talk/forum/read.php?f=35&i=1235364&t=1235364&page=1> (дата обращения: 24.11.2012).

Фуфло (*фуфель, фуфел*) — в контексте рассматриваемой темы это вымышленные эмпирические данные, позиционируемые в диссертации как полученные заказчиком (соискателем). Слово «фуфло» заимствовано из уголовного жаргона, где оно означает обман, подлог.³³

Среди технических писателей, дорожающих своей репутацией, считается, что для включения *фуфла* в диссертацию необходимо пожелание или согласие заказчика (есть даже известная в узких кругах поговорка «Фуфло без инвестора не двигают»).

Фуфлогон (то же, что *помоечник*) — технический писатель, допускающий *фуфлу* (см.) без согласия заказчика, не отвечающий за качество текста и достоверность включённых в него данных.

Чемодан-колпак — приём камуфлирования плагиата, который используется для того, чтобы выдать чужую идею за свою.

Как правило, новая идея требует новых терминов, и автор идеи вводит их в научный оборот, определённым образом называя выдвинутую им гипотезу, зафиксированную закономерность, открытый метод получения чего-либо и т.д. Плагиатор-соискатель или нанятый им *технический писатель* (см.) излагает (пересказывает своими словами или применяет прием *перелицовки* (см.) первичного изложения) чужую идею, но выдаёт её за свою, при этом, чтобы плагиат не был замечен, для обозначения идеи использует другие, придуманные им научные термины. Содержание идеи при этом остаётся неизменным.

Для обозначения данного приёма, по аналогии, использовано выражение *чемодан-колпак*, которое заимствовано из практики железнодорожных (вокзальных) воров. Один из них, приличного вида человек, выбирает момент, когда назначенный на роль жертвы пассажир теряет бдительность (порой другой соучастник хищения специально отвлекает жертву), быстро накрывает его багаж своим, более вместительным чемоданом без дна, и невозмутимо удаляется.

³³ См., напр.: Мильяненко Л. — Указ. соч. — С. 263.

Так же и недобросовестный диссертант накрывает украденную идею придуманными для неё новыми терминами (например, выносит на защиту давно защищённые положения).

Чёрный оппонент — неформальная роль, которую при организации будущей защиты её теневой организатор (например, «свой» учёный секретарь диссовета) определяет кому-либо из оппонентов (как правило, ангажированных). Эта роль состоит в умеренной критике диссертации — критике, которую после предварительной подготовки соискатель сумеет отразить, представ в выигрышном свете перед членами диссертационного совета. При этом «чёрному» противостоит *белый оппонент* (см.), который диссертацию хва-

лит. В итоге у сторонних наблюдателей складывается впечатление подлинной научной дискуссии, «настоящей» защиты (которая на деле является заранее отрежиссированным спектаклем).

Для диссертанта важно, чтобы случайно не сошлись два *чёрных оппонента*. Такой расклад может серьёзно осложнить положение диссертанта. Если же диссертация откровенно слабая, *туфтовая* (по содержанию), то помочь «делу» могут два *белых оппонента* (см.), один из которых должен будет запустить несколько второстепенных, но вызывающих интерес аудитории критических замечаний, увводя участников обсуждения от существа дела. А второй — хвалить, хвалить и хвалить диссертацию и её номинального автора.

КРИМИНОЛОГИЯ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

УДК 343.9
ББК 67.51

*А.Н. Игнатов**

ОБ УРОВНЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ (ЧАСТЬ 2)

Выжимка: Необходимо анализировать число зарегистрированных преступлений с целью установления объективности в регистрации преступлений правоохранными органами.

Ключевые слова: преступность; число зарегистрированных преступлений; Украина.

A.N. Ignatov

ON CRIME RATE AND THE ACTIVITY OF LAW ENFORCEMENT BODIES (PART 2)

Summary: It is necessary to analyze the number of reported crime in order to establish objectivity in reporting crimes by law enforcement bodies.

Key words: crime; a number of registered crimes; the Ukraine.

Проведённое нами исследование позволяет констатировать, что уровень насильственной преступности и преступности в целом в Украине значительно превышает показатели регистрации правоохранными органами совершённых преступлений. Анализ же изменений уровня преступности в Украине позволяет сделать предположение о сокрытии преступлений от учёта на массовом, системном уровне путём манипулирования правоохранными органами соответствующими статистическими данными.¹ И если допустить, что манипулирование правоохранными органами² статистическими

* **Александр Николаевич Игнатов** — кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Евпаторийского факультета Харьковского национального университета внутренних дел, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Евпатория, Украина). E-mail: alexsandrignatov@mail.ru

© А.Н. Игнатов, 2013

¹ *Игнатов А.Н.* Об уровне преступности и деятельности правоохранных органов (часть 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 27 (4). — С. 48—59.

² Здесь и далее, говоря о правоохранных органах, речь будет идти, прежде всего, об органах

данными относительно уровня и состояния преступности в Украине, в частности посредством нарушения регистрационной дисциплины на уровне государства имеет место быть, возникает вопрос: почему и каким образом это происходит?

Как известно, сокрытие преступлений правоохранными органами от учёта достаточно давно практикуется во многих странах. Как справедливо указывает Д.А. Шестаков, «обычные предусмотренные законом «устоявшиеся» преступления, о совершении которых правоохранным органам известно, также далеко не в полной мере попадают в государственную отчётность. Нельзя не заметить, что у российской милиции с советских времён сохранилось пристрастие искусственно

внутренних дел (ОВД), поскольку именно ОВД наиболее многочисленный правоохранный орган в государстве, расследующий более 90 % всех уголовных дел, находящихся в производстве правоохранный системы. Примечательно, что на момент передачи убийств из подследственности прокуратуры ОВД, расследованием преступлений против жизни и здоровья в прокуратуре занималось около 1,5 тысяч следователей, что практически втрое превышало штатную численность соответствующих отделов ОВД.

создавать видимость снижения числа преступлений, представляя таким образом результаты своей работы по подавлению преступности в «лучшем свете». Тем самым достигается и другая цель: уменьшение нагрузки».³

Не являются исключением в применении указанной практики, к сожалению, и правоохранительные органы Украины. Как свидетельствуют статистические данные, в последнее время растёт количество случаев выявления нарушений учётно-регистрационной дисциплины (львиную долю которых составляет незаконный отказ в возбуждении уголовного дела) работниками ОВД.⁴ Так, количество данных фактов увеличилось с 12 042 в 2004 г. до 37 458 в 2011 г. Более чем вдвое возросло и количество фактов выявления сокрытия (укрывательства) заявления или сообщения о совершённом или готовящемся преступлении от учёта, что происходит, как путём прямого укрывательства (в подавляющем большинстве случаев, как свидетельствует статистическая отчётность по-

следних лет), так и путём не регистрации их в Журнале регистрации заявлений и сообщений о преступлениях или Журнале регистрации информации о преступлениях, или посредством фальсификации материалов и списания «к делу» в связи с не подтверждением информации. Этот показатель увеличился с 1336 в 2004 г. до 2803 в 2011 г. (рис. 1).

Факторы, детерминирующие сокрытие преступлений (как убийств, так и преступлений вообще) от учёта, можно разделить на две отдельные группы. Первую группу составляют факторы, связанные с недобросовестностью исполнения своего служебного долга некоторыми сотрудниками. Эти факторы в целом совпадают с теми, которые детерминируют латентность преступлений как смежное (между естественной и искусственной латентностью) состояние,⁵ в случае сочетания их со стремлением сотрудника, не прилагая особых усилий, что требует к тому же высоких профессиональных качеств, выполнить возложенный на него объём работы, улуч-

Рис. 1. Динамика нарушений учётно-регистрационной дисциплины в ОВД Украины за 2004–2011 гг.

³ Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 155.

⁴ Відомості про порушення обліково-реєстраційної дисципліни, що вчинені працівниками органів внутрішніх справ України за 2004–2011 рр. (форма 1-ЗП).

шить показатели, получить вознаграждение, продвижение по службе и т.д. При этом дело может быть не только в так называемых «карьеристских», «служебных» мотивах, но и в стремлении сохранить, выполняя ведомственный план, работу.

⁵ См.: Игнатов О.М. Загальна характеристика факторів латентності вбивств // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. — 2011. — Серія «Юридичні науки». — Т. 24 (63). — № 2. — С. 213–219.

И снова возникает желание вспомнить классиков. Как отмечал Габриэль де Тард, «уменьшение числа преступников объясняется, скорее всего, распространяющейся с каждым днём всё более среди прокуроров похвальной привычкой исправлять незначительные преступления, произвольно откидывая некоторые обстоятельства, как, например, взлом или проникновение в чужое помещение, что мало имеет значения при кражах. Преобразованные таким образом во время процесса преступные факты влекут за собой гораздо меньшее наказание».⁶

Следовательно, столетиями желание и умение «не работать», свойственные некоторым представителям правоохранительных органов, остаются неизменными. Изменяются лишь доминирующая мотивация и механизм её практической реализации. Так, к сожалению, наряду с укрывательством преступлений из «карьеристских» и «служебных» мотивов в последнее время всё больший масштаб приобретает их сокрытие из банальных корыстных побуждений. Нарушение регистрационной дисциплины, укрывательство фактов и доказательств, перекручивание фактов, «возбуждение-прекращение дела», «правильная» квалификация и тому подобное — при определённой цели это всё — эффективный инструментальный получения противозаконного вознаграждения и выгоды.

Что касается непосредственно сокрытия убийств от учёта, то практически осуществляться это может с помощью нескольких типичных приёмов: 1) отказ в приёме и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях, формализм и бездеятельность в работе с заявлениями; 2) заведомо неправильная правовая оценка события, например, как не имеющего признаков состава преступления или как правонарушения; 3) тенденциозная подготовка материалов доследственной проверки по факту события (побуждение свидетелей (жертвы покушения) к даче соответствующих показаний; нелогич-

⁶ Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. — М.: ИНФРА-М, 2009. — С. 248.

ное и выборочное получение объяснений по факту события и т.д.); 4) потеря объективных данных, свидетельствующих о совершении преступления; 5) подтасовка фактов (подмены, искажения результатов СМЭ и т.д.); 6) манипуляции при квалификации события (особенно это касается злоупотребления квалификацией деяний как тяжких телесных повреждений со смертельным исходом; при этом, нередко, с целью снятия с учёта «контрольного» нераскрытого убийства, ранее возбуждённые уголовные дела об убийстве, даже при подтверждении этих фактов выводами СМЭ и других обстоятельств в последующем пере-квалифицируются на причинение тяжких телесных повреждений со смертельными последствиями) и т.д.⁷ В целом же, как отмечают специалисты, укрывательство преступлений происходит в основном путём вынесения необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события или состава преступления.⁸

Вторую группу составляют факторы, связанные с недостатками деятельности правоохранительных органов Украины в целом. Именно эти факторы организационно управленческого порядка детерминируют укрывательство преступлений именно на массовом, системном уровне. Ключевую роль в этом, на наш взгляд, играют два момента: *критерии оценки деятельности правоохранительных органов*⁹ и *отрицательные бюрократические черты функционирования последних*.¹⁰

К сожалению, можно констатировать, что, несмотря на все прогрессивные преобразования, происходящие в Украине, в том числе и в сфере судебной системы, несовершенной остаётся *система критериев*

⁷ Ігнатов О.М. Загальна характеристика факторів латентності вбивств. — С. 217.

⁸ Горяинов К.К. Латентная преступность в России: результаты исследования и меры борьбы // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сборник материалов международного семинара. — М.: ВНИИ МВД РФ, 1993. — С. 26.

⁹ Ігнатов О. Щодо критеріїв оцінки ефективності діяльності органів внутрішніх справ // Право України. — 2008. — № 2. — С. 97–101.

¹⁰ Ігнатов О. Деякі фактори латентної злочинності працівників міліції: шляхи їх усунення // Право України. — 2005. — №1 1. — С. 52–55.

оценки деятельности правоохранительных органов, в частности ОВД.

Существование критерия оценки деятельности ОВД в зависимости от процентов регистрации и раскрытия преступлений, доставшегося нам в наследие от советской системы, в которой миф об уровне правопорядка в стране служил средством демонстрации населению возможности политического руководства, разрушительно действует на современную правоохранительную систему. Использование данного критерия в течение нескольких десятков лет уже доказало его несовершенство и нецелесообразность.

В современной мировой криминологии признаётся, что уровень правопорядка не является только результатом деятельности правоохранительных органов, поскольку в обществе имеются и иные факторы, которые регулируют поведение людей и влияют на динамику преступности. Исследования британских полицейских показали, что полиция вообще имеет достаточно ограниченное влияние на динамику преступности в стране.¹¹ Именно поэтому большинство исследователей считают целесообразным оценивать деятельность правоохранительных органов именно по комплексным критериям, которые направлены на качественный анализ дел и последующее совершенствование правоохранительной деятельности.

Как среди учёных, так и в сознании граждан всё более закрепляется понимание того, что возможность власти в сфере обеспечения правопорядка определяется не только цифрами статистических отчётов, но и уровнем удовлетворенности населения результатами работы органов внутренних дел, однако система критериев оценки деятельности ОВД остаётся несовершенной.¹²

Сегодня ОВД Украины продолжают отчитываться перед обществом на основе государственных статистических отчётов

о состоянии преступности, где исходной точкой при оценке результатов деятельности ОВД остаются изменения динамики и структуры преступности. Несовершенство такой системы отчётности блокирует желание работников ОВД предавать огласке реальную ситуацию, а потому мешает принятию адекватных организационных и управленческих решений.

Именно по этой причине в ОВД сложилась порочная дисциплинарная практика, в соответствии с которой прекращение уголовного дела на основании отсутствия события и состава преступления, считается недостатком в работе следователя, поскольку на момент возбуждения уголовного дела он не разобрался в наличии или отсутствии самого факта совершения преступления или причастности лица к его совершению. Таким образом, следователь подпадает под угрозу привлечения к ответственности за незаконное возбуждение уголовного дела. Это делает его, как правило, лицом заинтересованным, стремящимся любой ценой доказать виновность лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело.¹³ Очевидно, что такой подход к оценке деятельности ОВД способствует укреплению негативной установки не только на сокрытие преступлений от учёта, сознательных, «выгодных» следователю «ошибок» в квалификации, но и создаёт условия для других, более тяжких преступлений.

Говоря о роли недостатков системы критериев оценки деятельности правоохранительных органов, следует учитывать и недостатки материально-технического обеспечения их деятельности. Как справедливо отмечает О.А. Мартыненко, если общество требует высокой раскрываемости преступлений, не обеспечивая при этом ОВД эффективными оперативно-следственными технологиями и соответствующими материально-техническими средствами, то возникает пласт престу-

¹¹ *Ишаков С.М.* Зарубежная криминология. — М.: Закон и право, 2003. — С. 205.

¹² *Игнатов О.М.* Насильницькі злочини, що вчиняються працівниками органів внутрішніх справ України: криминологічна характеристика, детермінація та попередження: Монографія. — Х.: ТОВ «Вид-во «Формат Плюс», 2008. — С. 144.

¹³ *Маляренко В.Т.* Перебудова кримінального процесу України в контексті європейських стандартів: теорія, історія і практика: Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. — Х., 2004. — С. 115; *Мартыненко О.А.* Детерминация и предупреждение преступности среди персонала органов внутренних дел Украины: Монография. — Х.: Изд-во ХНУВС, 2005. — С. 297–298.

плений, связанных с незаконными методами ведения следствия и преследующих цель сократить разрыв между ожиданиями общества и результатами полицейской деятельности.¹⁴

Относительно *негативных черт функционирования правоохранительных органов*, которые способствуют манипулированию статистическими данными, прежде всего, следует указать на авторитаризм процесса управления и противодействия внешнему социальному контролю.

Авторитаризм процесса управления выражается в способе формулировки целей деятельности подразделений ОВД, результаты которой могут быть выгодны руководству. Отсюда возникает практика подгона показателей деятельности под предварительно задуманный результат.¹⁵ Особую обеспокоенность эта проблема вызывает в связи с тем, что работники ОВД являются ответственными за объективность оценки преступности, имея при этом возможность манипулировать её показателями. Такие манипуляции приводят к латентизации преступности. Как отмечает О.М. Литвак, имеются веские основания полагать, что некоторый спад уровня преступности в последние годы (как видим, за последнее десятилетие мало что изменилось — А.И.), наблюдаемый в статистической отчётности, является искусственным и предопределён, если не карьеристскими или идеологическими мотивами, то порочной политикой руководства правоохранительных органов и неподобающей «добросовестностью» исполнителей.¹⁶

Противодействие внешнему социальному контролю во многом обусловлено тактико-организационным, сугубо ведомственным характером функций, обусловленных спецификой служебной дея-

тельности правоохранительных органов. Режим секретности позволяет ОВД манипулировать общественным мнением и при необходимости поддерживать мнимую видимость благополучия относительно состояния преступности. Нехватка общественного контроля со стороны общества позволяет скрывать преступления, соответственно, служит одной из предпосылок существования латентной преступности.

Нельзя не согласиться с позицией, согласно которой открытость правоохранительных органов, их тесная связь с общественностью является важным залогом демократической трансформации общества, его соответствия признанным цивилизованным образцам и эталонам.¹⁷ Именно поэтому современная европейская практика реформирования полиции предусматривает наличие не только внутренней системы контроля дисциплины и законности, но и активное взаимодействие с общественными объединениями, целью которых является осуществление общественного (внешнего) контроля за деятельностью полиции.¹⁸

Органы внутренних дел, как бюрократическая система, руководствуясь такими показателями эффективности её деятельности, как количество регистрируемых преступлений и уровень их раскрытия, допустили сознательную системную ошибку.

Суть её заключается в том, что, в конечном счёте непосредственными исполнителями регистрируется такое количество преступлений, раскрытие которых они в состоянии (с учётом востребования процента раскрытия, близкого к абсолютному, то есть раскрытие практически 100 % преступлений) обеспечить.

Как отмечал ещё в середине XIX века русский криминалист Ф. Захаревич, «число арестантов, переданных в руки правосудия, не есть ещё средство, вполне достаточное для числа преступлений, истинно совершаемых. Статистические цифры, взятые в

¹⁴ Мартыненко О.А. Детерминация и предупреждение преступности среди персонала органов внутренних дел Украины. — С. 225.

¹⁵ Черпашкин А.С. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками милиции общественной безопасности: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. — Омск, 2004. — С. 47.

¹⁶ Литвак О.М. Державний контроль за злочинністю (кримінологічний аспект): Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. — Харьков, 2001. — С. 101.

¹⁷ Мельник П.В., Терещенко Л.В. Концептуальні передумови формування професіоналізму працівників міліції. Монографія — Ірпінь: Український фінансово-економічний інститут, 1998. — С. 3—4.

¹⁸ Мартыненко О.А. Криминологія службових правопорушень в ОВС України // Вісник Нац. ун-ту вн.справ, спецвипуск. — Х.: Нац. університет внутрішніх справ. — 2002. — С. 166—171.

массе, скорее должны считаться мерилami полицейской деятельности, чем состояния преступности в губернии или области».¹⁹

На практике относительно отображения состояния и уровня преступности это происходит следующим образом. Так, например, каждый год в Украине регистрируется практически такое же количество убийств, сколько окончено расследованием уголовных дел этой категории. При этом из года в год сокращается как общее количество убийств, уголовные дела по которым находятся в производстве ОВД, так и количество дел по убийствам, расследование по которым закончено (пропорционально и количество регистрируемых убийств) и, соответственно, количество дел, направленных в суд (рис. 2).²⁰

Таким образом, ежегодное уменьшение показателей преступности коррелирует с состоянием ОВД, правоохранительных органов вообще, а в конечном счёте и государства в целом. В свою очередь современное состояние правоохранительных органов Украины оставляет желать лучшего. Политические и экономические кризисные явления существенно отражаются на работе правоохранительных

органов и ОВД в частности. Неудачное, затянувшееся реформирование, ненадлежащая материально-техническая обеспеченность, низкая конкурентоспособность и непривлекательность службы, сокращение ведомственных вузов, повальное омоложение кадрового ресурса и иные факторы влияют на возможность, потенциал ОВД реально противодействовать преступности. Падение данного потенциала отражается в искусственной «регуляции» уровня преступности в стране, как средства самосохранения правоохранительной системы.

Можно констатировать, что сегодня уровень регистрируемых преступлений в стране отвечает не столько реальному уровню поражённости преступностью нашего общества, сколько фактическим возможностям (их границам) правоохранительных органов расследовать (обрабатывать соответствующую информацию и принимать решение) зарегистрированные преступления. То есть, падение соответствующего потенциала отражается в искусственной «регуляции» уровня преступности в стране, как средства самосохранения правоохранительной системы.

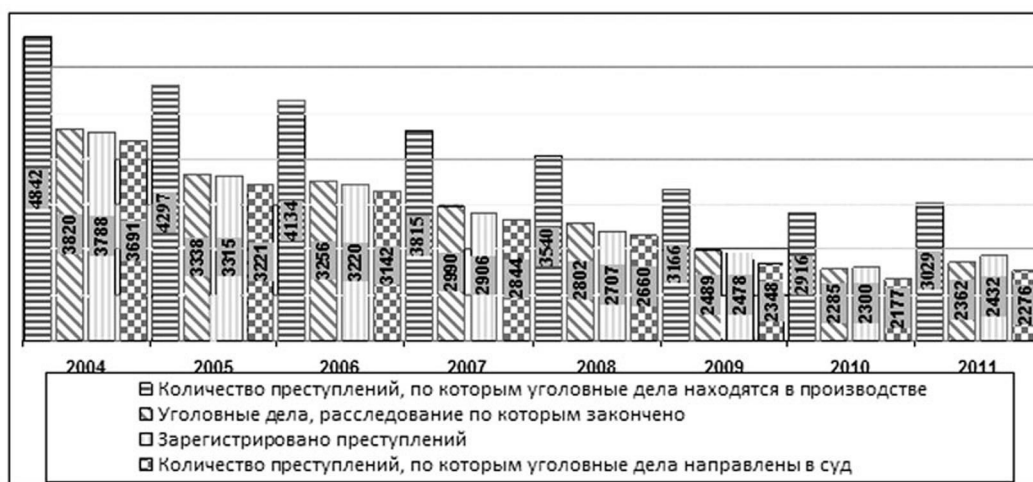

Рис. 2. Состояние регистрации и расследования умышленных убийств (и покушений) на Украине за 2004–2011 гг.

¹⁹ Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал Министерства внутренних дел, 1853. — Ч. 41. — С. 258. Цит. по: Крутина М.А. Исторические аспекты становления понятия латентной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 1 (20). — С. 40.

²⁰ Звіт МВС України про злочинність (форма № 1) за 2004–2011 роки.

КРИМИНОЛОГИЯ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 343.9
ББК 67.51

*И.А. Носкова**

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПРЕСТУПНОСТИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Выжимка: Важной криминологической проблемой является противодействие органами внутренних дел преступности в средствах массовой информации.

Ключевые слова: преступность средств массовой информации (преступность в средствах массовой информации), органы внутренних дел, отделы информации и общественных связей.

I.A. Noskova

CRIME COUNTERACTION BY LAW ENFORCEMENT BODIES IN MASS MEDIA

Summary: An extremely important criminological problem is crime counteraction by law enforcement bodies in mass media.

Key words: criminality in mass media; law enforcement bodies; information and public relations department.

На заседании Санкт-Петербургского криминологического клуба в марте 2000 года с докладом «Преступность в сфере массовой коммуникации: уголовно-правовой и криминологический аспекты» выступил Г.Н. Горшенков,¹ который предложил впервые сформулированное определение «*преступность средств массовой информации*». Автор настоящей работы, основываясь на семантической концепции преступности Д.А. Шестакова, вводит в научный оборот своё понятие *преступности в средствах массовой информации*. Так, под преступностью в средствах массовой информации в соответствии с доктриной пре-

ступности социальных подсистем, предлагается понимать свойство социального института средств массовой информации воспроизводить множество опасных для человека и общества деяний, проявляющееся во взаимосвязи исходящих из средств массовой информации причин совершения преступлений и собственно преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации.

Преступления же, совершаемые с использованием средств массовой информации, в зависимости от наличия или отсутствия в деянии квалифицирующего признака «использование средств массовой информации» автор подразделяет на две группы: первые — преступления с составообразующим использованием средств массовой информации. Они соответствуют юридическому понятию преступления; вторые — преступления с не составообразующим использованием средств массовой информации. Они соответствуют криминологическому понятию преступления. Способ «использования средств массовой информации» в первой

* **Ирина Александровна Носкова** — юрист-консульт филиала ФКУ «Главный центр специальных перевозок МВД РФ» «Центр специальных перевозок МВД РФ на Октябрьской ж. д.», член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: noskova_ia@mail.ru

© И.А. Носкова, 2013

¹ *Бурлаков В.Н., Горшенков Г.Н., Максина С.В., Шестаков Д.А.* Средства массовой информации и преступность (криминология СМИ) // Правоведение. — 2000. — № 5. — С. 259–267.

группе преступлений криминализован, во второй — нет.

Важной криминологической проблемой является *противодействие органов внутренних дел преступности в СМИ*. По мнению автора под этим следует понимать деятельность органов внутренних дел по разработке, утверждению в предусмотренном законом порядке и применению правовых и организационных мер, направленных на нейтрализацию причин и условий, преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации, выработке адекватных мер реагирования на совершённые в сфере СМИ преступления, а также мер, направленных на минимизацию числа этих преступлений.

Эффективное взаимодействие ОВД со СМИ является одной из важных и крайне актуальных задач, стоящих перед МВД РФ. Как показывают многолетние научные исследования, основную информацию о работе полиции граждане получают из печатных изданий, телевидения и радио, поэтому перед ОВД уже на протяжении нескольких десятилетий стоит важная задача, заключающаяся в организации тесного сотрудничества со СМИ.

Как известно, в 90-х годах прошлого века престиж ОВД в глазах населения значительно упал, и как следствие этого, снизился уровень доверия граждан к милиции. Низкому уровню престижа ОВД способствовала не только ситуация в государстве целом, но и политика СМИ, направленная на одностороннее освещение деятельности милиции — преимущественно освещались события, характеризующие ОВД с отрицательной стороны.

В результате перед ОВД встали достаточно важные задачи: улучшения криминальной обстановки в стране, а также повышения престижа ОВД и доверия граждан к милиции.

Поэтому руководство ОВД обратило своё внимание на подразделение, заведовавшее взаимодействием со СМИ, а именно — отделение информации и связи с общественностью ОВД, которые также называют пресс-службами.

В настоящее время в Санкт-Петербурге в структуре МВД функционирует несколько пресс-служб, полномочия которых

разграничены спецификой их деятельности, а также особенностями информации, которой они располагают. Так, например, сотрудники пресс-службы Северо-Западного управления внутренних дел на транспорте используют имеющуюся у них информацию для предупреждения и раскрытия преступлений на железнодорожном, водном, речном и авиатранспорте. Сотрудники ГИБДД — для пропаганды Правил дорожного движения и предупреждения ДТП, сотрудники ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области — для предупреждения и раскрытия преступлений на подведомственной им территории.

Практика показала, что создание и дальнейшая работа пресс-службы в структуре МВД РФ полностью себя оправдала, что подтверждается большим охватом связей информационного и общественного характера. В настоящее время в Санкт-Петербурге и Ленинградской области зарегистрировано более 500 СМИ² (газеты, журналы, теле- и радиокomпании, информационные агентства и электронные СМИ), из них газет — 207; журналов — 395; телевизионных СМИ — 26; радио — 28; информационных агентств — 24; Интернет-СМИ — 95.

Отдел информации и общественных связей ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области на постоянной основе сотрудничает с 86 (17,2 % от общего числа СМИ региона) печатными и электронными региональными и федеральными СМИ. Ежедневный мониторинг проводится в отношении 24 печатных СМИ, 6 телеканалов и 35 сайтов Интернета, на которых размещается информация правоохранительной тематики. Таким образом, отдел информации и общественных связей ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области охватывает практически 100% основных действующих в регионе СМИ, размещающих информацию на правоохранительную тематику.

² Сведения отдела по контролю за СМИ Росохранкультуры по СЗФО на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. По данным на 2008 год.

Использование органами внутренних дел СМИ в решении конкретных правоохранительных задач позволяет достичь следующих целей:

- минимальной затраты времени, сил и средств;
- оперативности реагирования населения на обращения милиции;
- привлечению населения к розыску преступников, оказанию помощи в расследовании преступлений на неограниченной территории;
- созданию положительно направленного общественного мнения, что в свою очередь способствует предупреждению новых преступлений;
- соответствующего воздействия на уровень правосознания и социально-правовой активности граждан.³

При решении задач, стоящих перед ОВД по противодействию преступности, сотрудники отделов информации и общественных связей осуществляют свою деятельность в определённых направлениях:

- разъяснение законодательства;
- формирование правосознания граждан;
- выявление и разъяснение сущности причин, порождающих правонарушения (преступления), и условий, способствующих их совершению;
- участие граждан в устранении этих причин и условий;
- воспитание активности населения в борьбе с правонарушениями;
- воспитательно-профилактическое воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений или совершивших какое-либо правонарушение;
- формирование общественного мнения с целью создания обстановки нетерпимости и осуждения лиц, нарушающих правопорядок, и тех, кто им попустительствует;
- пропаганда неотвратимости наказания за совершённое правонарушение;
- удовлетворение поисковых потребностей ОВД (розыск преступников, установление свидетелей и потерпевших, об-

наружение похищенного и вещественных доказательств);

- профилактика преступных проявлений на основе конкретной ориентирующей граждан информации о способах совершения преступлений, и лицах, их совершивших;
- обеспечение благоприятного морально-психологического климата среди населения с целью создания оптимальных условий для деятельности органов внутренних дел;
- информирование населения о действительном положении дел с целью пресечения ложных слухов;
- практическое вмешательство в конкретный юридический конфликт;
- реклама средствами массовой информации деятельности полиции;
- социальный контроль граждан за деятельностью ОВД.

В ходе проведённых автором анкетирований жителей Санкт-Петербурга выяснилось, что в СМИ образ сотрудника полиции и его профессиональной деятельности освещается чаще положительно, чем это бывает на практике, что, в свою очередь, свидетельствует о «положительной» работе СМИ в освещении правовых вопросов и деятельности ОВД.

Во взаимодействии ОВД и СМИ по противодействию преступности в целом и противодействию преступности в средствах массовой информации, как и в деятельности любых других подразделений и организаций, имеются «пробелы», которые требуют дополнительного внимания. Рассмотрим некоторые из них.

Для более продуктивного взаимодействия ОВД и СМИ по противодействию преступности необходимо постоянно повышать квалификацию сотрудников. В связи с чем, МВД уделяет должное внимание подготовке сотрудников отделений информации и общественных связей. Поэтому, учитывая многолетний опыт образовательной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, считаю целесообразным при подготовке сотрудников ввести на всех факультетах высших учебных заведений МВД курс или факультатив по учебной дисциплине «Основы взаимодействия ОВД со СМИ»,

³ Симинягин Ю.Н. Общественное мнение и его использование органами внутренних дел в борьбе с правонарушениями // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1995. — С. 19.

преподаваемый в настоящее время только на факультете подготовки руководителей кадрово-воспитательных аппаратов ОВД.

При реализации данной идеи выпускники университета, осуществляя свои должностные обязанности в структурных подразделениях ОВД, будут готовы к общению с представителями СМИ.

Кроме того, в рамках данной дисциплины необходимо в одной из лекций раскрыть вопрос об ответственности за распространение не соответствующей действительности информации средствами массовой информации. Так сотрудник полиции, передавая какую-либо информацию средствам массовой информации, является официальным представителем ОВД и передает информацию от имени представляемого им подразделения. За распространение недостоверной информации предусмотрены соответствующие виды ответственности. Поэтому сотрудникам полиции в процессе преподавания данной дисциплины должны быть раскрыты основные нарушения, правонарушения и преступления, совершаемые с использованием СМИ, для недопущения их совершения. Данное предложение было поддержано всеми проанкетированными экспертами — сотрудниками отделов информации и общественных связей.

В процессе взаимодействия СМИ и ОВД у каждой из сторон возникают определённые разногласия и претензии. Основной претензией ОВД к СМИ является недостаточная юридическая подготовка журналистов, освещающих правовую тематику. Так Г.Н. Горшенков отмечает достаточно низкий процент высшего образования у журналистов.⁴ Именно поэтому большинство учёных и практических работников, задействованных в сфере изучения взаимодействия ОВД и СМИ, считают, что «журналисты, освещающие деятельность милиции и пишущие по правовым темам, должны быть сведущими в вопросах юриспруденции».⁵ Данное предло-

⁴ См.: Горшенков Г.Н. Средства массовой информации в механизме правового регулирования. — Сыктывкар, 2001. — С. 93.

⁵ Серобян П. Печать, радио, телевидение и правовое воспитание // Социалистическая законность. — 1976. — № 4. — С. 72; Томин В.Т., Горшенков Г.Н.

жение обусловлено наличием в материалах или публикациях журналистов грубых ошибок, таких как неправильная квалификация уголовно-наказуемого деяния, а также иные неточности в указании лиц или иных данных, приводящих к искажённому толкованию права. Таким образом, журналист, чтобы дать оценку своему репортажу с правовой точки зрения, должен обладать знаниями основ юриспруденции.

Одним из путей решения этой проблемы я вижу создание клуба или какой-либо другой общественной организации для журналистов, пишущих на правовые тематики, куда бы приглашались представители правоохранительных органов, журналисты, преподаватели.

Таким образом, со стороны ОВД и со стороны СМИ нужны люди, обладающие познаниями в двух областях: юриспруденции и журналистике.

ОВД, осуществляя взаимодействие со СМИ, должны в полной мере использовать не только все формы и методы, но и все возможные трудовые ресурсы, находящиеся в их подчинении. В настоящее время штат отдела информации и общественных связей ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области укомплектован на 87,5%. В горрайорганах внутренних дел также либо созданы должности инспекторов по связям со СМИ, либо назначены ответственные лица за взаимодействие со СМИ. Однако лица, ответственные за взаимодействие со СМИ, свои функциональные обязанности выполняют не в полной мере, что обусловлено, прежде всего, совмещением большинством из них своих непосредственных должностных обязанностей с обязанностями инспектора по связям со СМИ. Так должности старшего инспектора по связям со СМИ созданы были лишь в районных управлениях ОВД Петроградского, Фрунзенского, Приморского и Выборгского районов. В остальных же районных управлениях внутренних дел города Санкт-Петербурга должностные функции инспектора по связям со СМИ выполня-

Использование средств массовой информации в профилактике преступлений. — М., 1981. — С. 42.

ют либо начальник подразделения, либо старший инспектор отделения анализа, планирования и контроля штаба. Поэтому, считаю, что в целях оптимизации работы отдела информации и общественных связей органов внутренних дел необходимо

использовать пример Северо-Западного управления внутренних дел на транспорте, в котором практически во всех линейных отделах внутренних дел созданы должности инспектора по связям со средствами массовой информации.

УДК 343.9
ББК 67.51

Т.С. Лабзина*

ПРЕСТУПНАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ

Выжимка: Информация, поступающая из СМИ, зачастую носит не просто ложный, но и преступный характер. Необходимо многостороннее противодействие преступной дезинформации.

Ключевые слова: преступность; дезинформация; манипуляция; СМИ.

T.S. Labzina

CRIMINAL MISINFORMATION AND SOME WAYS OF ITS COUNTERACTION

Summary: The information which flows through the mass media is quite often more of criminal character than of false one. Multilateral counteraction to criminal misinformation is extremely essential.

Key words: crime; misinformation; manipulation; mass media.

Ах, обмануть меня нетрудно! Я сам обманываться рад!
А.С. Пушкин

Я читаю газеты с жадностью. Для меня это форма непрерывной фантастики.

Э. Бивен

Влияние информации на общество очень велико. Родоначальник отрасли криминологии массовых коммуникаций Г.Н. Горшенков, много сказавший о манипуляциях с помощью СМИ, пишет, что информация — это «кровеносная система» всего общественного организма. Она всегда играла главную роль в разумной жизнедеятельности людей.¹

Хотя многие люди понимают, что сведения, поступающие из СМИ и Интернета, могут не соответствовать действительности, остаётся сложным противодействовать дезинформации. Часто невозможно распознать ложь сразу, либо

понять, в чём именно она заключается.

Информация, которая преподносится как достоверная, на деле часто является своего рода «художественным произведением» или видом «фантастики». Иногда доходит до абсурда, как в случае, приведённом И.А. Носковой, когда россияне, проживающие в Италии, увидели одни и те же события по поводу конфликта Грузии и Южной Осетии, но с разными комментариями по российскому и итальянскому спутниковому телевидению. Пожилая осетинка (репортаж из Осетии) в слезах рассказывала о том, как 17 лет назад, на первой войне Грузии против Осетии, погиб её сын, а теперь она даже потеряла последние его фотографии в доме, сожжённом грузинами. По итальянскому же каналу (репортаж уже, якобы из Грузии) она сама неожиданно стала грузинкой.²

* Татьяна Сергеевна Лабзина — студентка Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы (СПБГИПСР), кафедра прикладной психологии (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: rise-t@yandex.ru

© Т.С. Лабзина, 2013

¹ См.: Горшенков Г.Н. Криминология массовых коммуникаций. Научно-учебное издание. — Нижний Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, — 2003. — С. 20.

² См.: Носкова И.А. Средства массовой информации в освещении конфликта Грузии и Южной Осетии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2009. — № 2 (17). — С. 109.

Распространение массовой лжи может причинить обществу значительное зло. Информация, направленная на столкновение различных интересов, может привести к всеобщей ненависти, массовым потасовкам, убийствам и т.д., т.е., в итоге, борьбе общества самого с собой, с другими странами. А значит, таким же образом можно повлиять на поведение людей для любой цели. Те, кому это выгодно, могут «направлять воздействие на психические структуры человека, осуществляя их скрытно и ставя своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном им направлении».³

Г.Н. Горшенков отмечает, что «...СМИ, как мифическая «четвёртая власть» в реальности выражают интересы других ветвей социальной власти, в том числе экономической и политизированной духовно-информационной, не очень уважающих право».⁴

Сложность и неоднозначность проблемы противодействия преступной дезинформации порождает необходимость разностороннего подхода к её изучению.

Поскольку своим существованием преступная дезинформация во многом обязана монополизации прав на СМИ, важным является увеличение числа независимых источников информации, посредством которых общество могло бы получать достоверную и неискажённую информацию, и тем самым формировать свою точку зрения о состоянии общества, о преступности, политических событиях, экономике страны. Такие источники не должны иметь цензуры со стороны коммерции и политики. Важно также разработать юридические меры, препятствующие монополизации крупных финансовых групп на владение СМИ.

Д.А.Шестаков считает, что «журналистское образование должно включать в себя блок правовых предметов, в том числе не в последнюю очередь — криминологию массовой информации». Это необходимо для того, чтобы журналист не наносил обществу вред, что случается, «если ста-

³ См.: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. — М., 2009. — С. 26.

⁴ *Горшенков Г.Н.* Криминология массовых коммуникаций. — С. 140.

тья, репортаж, теле- или радиопрограмма не профессионально информирует о преступлениях и тем более, если она невольно способствует нарушению уголовного закона».⁵

Б.Н. Лозовский предлагает отработать свод профессиональных стандартов, позволяющих отличать журналистику от других смежных профессий; освоению правил «техники безопасности» в процессе сбора, обработки и распространения информации журналистом; методике самоаудита и самозащиты.⁶

По мнению автора настоящей статьи, должна быть также установлена достаточно жёсткая ответственность за распространение заведомо ложной информации. Целям противодействия преступной дезинформации могли бы послужить экспертные комиссии, общественные организации, контролирующие СМИ. Такие организации должны включать различных специалистов, в том числе психологов, для выявления манипуляций общественным сознанием.

В свою очередь, ОВД должны участвовать в мониторинге Интернета на предмет наличия преступной информации для её устранения и привлечения к ответственности распространителей.

Однако, воздействуя на внешнее выражение проблемы, связанной с преступной дезинформацией, необходимо обратить внимание и на глубинную её сторону, а именно, духовную составляющую самого человека.

По мнению А.А. Тер-Акопова, бездуховность стоит в начале всякого преступления, чем и определяется её место в механизме преступного поведения.⁷

⁵ См.: *Шестаков Д.А.* Журналистика правовая и криминогенная // Наука и жизнь Казахстана. — 2012. — № 1. — С. 105–111.

⁶ См.: *Лозовский Б.Н.* Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации.: Автореф. дис. канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2011. — С. 23.

⁷ См.: *Тер-Акопов А.А.* Духовность в механизме преступного поведения (к 65-летию со дня рождения профессора А.А. Тер-Акопова). Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.supcourt.ru/> (дата обращения 14.05.2012).

Люди должны видеть моральные стандарты, чтобы иметь возможность сопоставлять свои действия и поступающую информацию с высшими человеческими ценностями. Одних людей это удержало бы от совершения преступлений (в том числе, связанных с информационной сферой), а другим помогло бы не оказаться жертвой преступления.

Нередко, на наш взгляд, люди по собственному желанию верят в то, во что им выгодно верить, находят оправдание своим слабостям. Сравнивая своё поведение с той «моральной планкой», которая устанавливается СМИ, человек находит оправдание своему поведению. К примеру, «честному человеку в такое время не прожить», «все воруют», «ради справедливости необходимо мстить» и т.д.

Примерами преступной дезинформа-

ции и манипуляции сознанием являются многочисленные случаи мошенничества, связанные с вкладами граждан в финансовые пирамиды («Властелина», «МММ», «Чековые инвестиционные фонды» и др.). В то же время, они служат примером человеческой наивности, и, одновременно, жадности. Несмотря на их разоблачение, люди всё равно продолжают попадаться на удочку похожих «организаций» и другие виды мошенничества, желая быстро обогатиться, не затрачивая при этом никаких усилий.

Более образованные люди, а также имеющие в себе нравственный стержень, менее склонны слепо доверять подобной дезинформации, обдумывают её, а значит, на их сознание становится сложнее повлиять. В связи с этим необходимо повышать общий культурный, нравственный, научный уровень граждан страны.

4. ЧАСТНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КОРРУПЦИЯ

УДК 343.9
ББК 67.51

*Г.С. Мауленов**

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ В АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Выжимка: Казахстан вышел на новый уровень противодействия коррупции, ратифицировав важнейшие международные правовые акты. В связи с этим, встал вопрос об их имплементации в национальное законодательство.

Ключевые слова: имплементация; коррупция; Республика Казахстан.

G.S. Maulenov

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL NORMS AND ANTI-CORRUPTION LEGISLATION IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Summary: Kazakhstan has moved to a new level of crime counteraction by ratifying the most important international legal acts. Thus, a question arose about its implementation into national legislation.

Key words: implementation; corruption; the Republic of Kazakhstan.

В Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Социально-экономическая модернизация — главный вектор развития Казахстана» от 27 января 2012 г. отмечено: «Один из важных вопросов модернизации — решительная борьба с коррупцией. Надо использовать новые правовые механизмы, информационные возможности, шире привлекать общество для предупреждения и профилактики коррупционных нарушений. Надо изучить и использовать опыт других стран. Необходимо переходить к декларированию не только доходов, но и расходов государственных служащих. Надо принять закон по этому вопросу. Поручаю Правительству в трёхмесячный срок подготовить и пред-

ставить Комплексную антикоррупционную программу».

Несмотря на то, что после принятия Закона РК «О борьбе с коррупцией» прошло почти 14 лет, коррупция по-прежнему представляет значительную угрозу для государства и общества. Вопрос противодействия коррупции можно считать одним из актуальных для любого цивилизованного общества. Коррупция разлагает и расшатывает государство изнутри, сводит на нет инициативы и достижения. Не случайно борьба с этим злом является одним из главных приоритетов государственной политики Казахстана, особенно в сфере государственной службы.

В законодательстве Республики Казахстан сам термин «коррупция» впервые был употреблён в 1992 году в Указе Президента Республики Казахстан «О мерах по усилению борьбы с организованными формами преступности и коррупцией», однако само понятие «коррупция» в нём не было сформулировано.

* **Газиз Сырбаевич Мауленов** — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права им. Г. Сапаргалиева, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Астана, Республика Казахстан). E-mail: crim-kz@mail.ru

© Г.С. Мауленов, 2013

Важным «поставщиком» коррупционной практики является широко распространённый метод правительственной политики регулировать рыночные проблемы нерыночными средствами, в связи с чем открываются многочисленные поводы для того, чтобы прибегать к коррупционным отношениям.¹ Государство с переходом к рыночной экономике, как могло показаться некоторым «либералам», не утрачивает функции регулятора экономического развития.

Особый подрыв авторитета государственной власти преступление представляет лишь тогда, когда осуществляется посредством осуществления функций власти. Только тот, кто действует как орган власти, может своими действиями ронять достоинство власти и подрывать её авторитет. Только наделённый полномочиями власти получает более лёгкую возможность, пользуясь ими, совершать такие правонарушения, которые не могут быть совершены частными лицами, как например, лихоимство и др., — писал в начале XX в. известный государствовед Н.М. Коркунов.²

Беспристрастность, независимость официальных лиц государственных органов при принятии ими соответствующих решений — одно из важнейших условий предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы и тем самым обеспечения справедливой конкуренции на товарных рынках. В целом же приходится отметить, что феномен коррупции связан с деятельностью государства и особенно его монопольными и разрешительными функциями. Но это не означает, что сведение к минимуму этих функций государства автоматически должно вести к снижению уровня коррупции.

Коррупция обусловлена и тем обстоятельством, что одни лишь формальные, закреплённые в законах и иных нормативных правовых актах отношения между государственными и негосударственными структурами не могут обеспечить полно-

ценного функционирования системы государственного управления и объективно в любом обществе дополняются неформальными отношениями. Специфическим видом этих неформальных отношений и является коррупция. В данном контексте любопытно высказывание профессора Д. Шэклтона, который отметил, что «пока государство в той или иной форме регулирует жизнь общества, оно вынуждено мириться с определённым уровнем коррупции».³ Может быть, правы философы, считающие, что там, где нет государственной власти, нет и коррупции.

В целом, принятые Законы в настоящее время уже апробированы, выявились их недостатки. Сегодня очень важно соотношение антикоррупционного законодательства Республики Казахстан и Конвенции ООН 2003 года «Против коррупции», а также важна имплементация норм международного права в казахстанское законодательство.

В международном праве для обозначения понятия «осуществление» норм международного права широкое распространение приобрел термин «имплементация».⁴

Происшедший от английского *implementation* (осуществление, выполнение), термин «имплементация» прочно укоренился в международно-правовой практике. Его можно встретить в многочисленных резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН и её органов, решениях иных международных организаций.

Равенство государств, их независимость в осуществлении внутренней и внешней политики обусловили то обстоятельство, что они, являясь создателями международно-правовых норм, выступают в то же время основными субъектами их имплементации. Подавляющее большинство международно-правовых норм, содержащихся в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г., реализуется через национальный механизм имплементации.

¹ Щетинин В. Одолеем ли коррупцию? // Международная жизнь. — 1993. — № 2. — С. 77.

² См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. 2. Часть Особенная. — СПб., 1909. — С. 699.

³ См.: Shackleton J. Corruption: An essay in economic analysis // Political quart L. — 1978. — Vol. 49. — № 1. — P. 25—37.

⁴ Нукифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. — М., 1990. — С. 53.

Однако имплементация норм международного права на национальном уровне — основной, но не единственный путь их реализации. В нормах международного гуманитарного права закреплены дополнительные международно-правовые и организационные средства обеспечения имплементации на международном уровне, которые в своей совокупности составляют международный механизм имплементации норм международного гуманитарного права.

В советской науке международного права теоретические аспекты содержания международного механизма имплементации были исследованы недостаточно. Особенности международного механизма имплементации норм международного гуманитарного права практически не рассматривались. Видимо, такое отношение было связано, прежде всего, с утвердившимися в науке идеологическими догмами и особенностями внешней политики СССР.

Таким образом, под международным механизмом имплементации норм международного гуманитарного права понимается система правовых и организационных средств, как создаваемых совместными усилиями государств, так и используемых индивидуально в целях всесторонней, своевременной и полной реализации принятых в соответствии с международным гуманитарным правом обязательств.

Присоединение Казахстана к конвенциям может быть учтено при рассмотрении дел в Европейском суде по правам человека в Страсбурге, в международных судах, при рассмотрении дел в иностранной юрисдикции.

Детальное содержание указанных конвенций до настоящего времени не известно ни казахстанским гражданам, ни представителям власти. При этом конвенции описывают правовые нормы, многие из которых являются новациями для казахстанского законодательства.

Согласно Конституции РК любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. Необходима официальная публикация текстов ратифицирован-

ных конвенций. Также необходимы шаги по проведению сравнительного анализа положений конвенций с нормами нашего законодательства, подготовка разъясняющих документов.

Важной чертой Конвенций является расширение круга правонарушений, относимых к коррупционным, по которым наша страна, с одной стороны, приняла обязательства по их криминализации в национальном законодательстве, а с другой стороны, получила правовые инструменты международного сотрудничества в части обмена информацией, совместного проведения расследований, ареста, конфискации и возврата активов, выдачи преступников (для этого теперь не требуется заключение отдельных двусторонних договоров).

В настоящий момент Республика Казахстан осуществляет планомерную работу по приведению уголовного законодательства республики в соответствие с международным уголовным правом.

Так, признавая ценность принципов, на которых базируются общепризнанные нормы международного уголовного права, к которым в частности, относится принцип уголовно-правовой ответственности за серьёзное нарушение норм международного уголовного права, нашей республикой были проведены мероприятия по организации на государственном уровне деятельности, направленной на присоединение к отдельным международным договорам и соглашениям, а также для организации работы по внесению соответствующих дополнений в национальное законодательство Республики Казахстан.

Особое значение имеет приведение казахстанского антикоррупционного законодательства в соответствие с Конвенцией ООН «Против коррупции». Коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает эффективное государственное управление, нарушает принципы равенства и социальной справедливости и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества.

Коррупция — «достояние» не только бедных стран. Согласно данным статистики коррупция широко распространена в

США. Проблемы коррупции неоднократно становились предметом слушаний в Конгрессе и Сенате США.

В частности, большой резонанс получило обсуждение в Конгрессе США Акта о честной конкуренции и против взяточничества 1998 г., имплементирующего Конвенцию ОЭСР 1977 года.

Республика Казахстан участвует во многих международных механизмах по борьбе с коррупцией. Так, в 2003 году наше государство ратифицировало Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию и в 2008 г. Конвенцию ООН против коррупции.

В Конвенции подчеркнута необходимость проводить в первоочередном порядке общую уголовную политику, направленную на защиту общества от коррупции, включая принятие соответствующего законодательства и превентивных мер.

Конвенция является базовым документом и призвана сформировать общую уголовно-правовую антикоррупционную политику на международном уровне. Устанавливает обязанность государств закрепить в своём уголовном законодательстве составы таких преступлений, как подкуп государственных должностных лиц, подкуп в частном секторе, злоупотребление влиянием в корыстных целях, отмывание доходов от преступлений, связанных с коррупцией, и др., а также установить санкции за их совершение.

Эксперты Совета Европы также определяют коррупцию как «взяточничество, подкуп и любое другое поведение лица, наделённого ответственностью в общественном и частном секторе и нарушающего свои обязанности, причём это поведение направлено на получение любых неправомерных преимуществ для себя и другого лица». Парадигма коррупционных правонарушений на современном этапе, как видно, наделяется свойством к предельному расширению, в неё включаются новые виды коррупционных деяний.

В Конвенции о гражданско-правовой ответственности, принятой Советом Европы, коррупция означает просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или опосредованно взятки или любого другого ненадлежащего преимущества, или пер-

спектив таковых, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или перспектив таковых.

В Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (ч. 1 ст. 8) коррупция трактуется как:

а) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

б) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица с тем, чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей.

В документах 34-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1979) коррупция означает «выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения».

Репрезентативно также понимание коррупции, принятое в германском антикоррупционном законодательстве. Здесь коррупция есть:

— злоупотребление государственной должностью, политическим влиянием или положением в сфере торговли или промышленности;

— предоставление преимуществ третьему лицу;

— осуществляется с целью получения какой-либо выгоды должностным лицом или третьим лицом; наносит вред обществу (если речь идёт о государственной или политической фигуре) или компании (если речь идёт о лице, занимающем должность в области коммерции).

Между тем, в Законе Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией» отмечено: «Под коррупцией в настоящем Законе понимается не предусмотренное законом принятие лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, выполняющими государственные функции, а также лицами, приравненными к ним, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей либо иное использование ими своих полномочий для получения имущественной выгоды, а равно подкуп данных лиц путём противоправного представления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ».

Если присмотреться к этой дефиниции, можно отметить, что её содержание в некотором смысле отличается от международных трактовок. Здесь нет слов «злоупотребление», «личная выгода», нет указания на действия в корыстных целях и т.д. Расходится оно с определениями, зафиксированными в документах ООН и Совета Европы.

Отметим международные антикоррупционные документы:

1. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Целью Конвенции является создание эффективных средств правовой защиты для лиц, понёвших ущерб в результате актов коррупции, позволяющие им защищать свои права и интересы, включая возможность получения компенсации за ущерб.

2. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию. Целью Конвенции является расширение, активизация и надлежащее функционирование международного сотрудничества в области уголовного права стран — участниц Конвенции, с целью предотвращения угрозы верховенству закона, демократии и правам человека, эффективному государственному управлению, принципам равенства и социальной справедливости, конкуренции, экономическому развитию и угрозы стабильности демократических институтов и моральным устоям общества.

3. Конвенция ООН против коррупции. Целью Конвенции являются: содействие принятию и укреплению мер, направленных

на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней, поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятие мер по возвращению активов, поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом.

4. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Цель Конвенции заключается в содействии сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней.

5. Конвенция ОЭСР по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств. Одной из целей настоящей Конвенции является повышение роли правительств в предотвращении случаев вымогательства взяток от отдельных лиц и компаний при совершении международных деловых операций.

6. Руководство ОЭСР по разрешению конфликтов интересов на государственной службе.

В целом, уголовное законодательство РК соответствует международным антикоррупционным стандартам, однако имеются некоторые несоответствия и пробелы, касающиеся ответственности за коррупционные преступления.

Так Конвенция ООН против коррупции предусматривает в качестве коррупционных преступлений 12 составов: подкуп национальных публичных должностных лиц; подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций; хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением; незаконное обогащение; подкуп в частном секторе; хищение имущества в частном секторе; ответственность юридических лиц; сокрытие; воспрепятствование осуществлению правосудия; отмывание доходов от преступлений.

Вместе с тем Уголовный кодекс РК не предусматривает ответственности за некоторые деяния, расцениваемые в обозначенных Конвенциях как коррупционные, а именно:

1. Незаконное обогащение и обещание иностранному публичному должностному лицу или должностному лицу публичной международной организации какого-либо неправомерного преимущества в связи с ведением международных дел, в соответствии со ст. 20 Конвенции ООН против коррупции.

2. Обещание неправомерного преимущества лицу, которое руководит работой организации частного сектора или работает в любом другом качестве в такой организации, в соответствии со ст. 21 Конвенции ООН против коррупции.

3. Соккрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, прав на имущество или его принадлежность, заведомо предоставляющих доходы от преступлений, предусмотренное п. 1 «а», «ii» ст. 23 Конвенции ООН против коррупции.

4. Соккрытие и непрерывное удержание имущества, заведомо полученного в результате совершения коррупционного преступления, в соответствии со ст. 24 Конвенции ООН против коррупции.

5. Обещание неправомерного имущества с целью склонения к даче ложных показаний или предоставления доказательств

по уголовному делу, в соответствии со ст. 25 Конвенции ООН против коррупции.

6. Не предусмотрена УК РК ответственность за коррупционные преступления, совершенные юридическими лицами, в соответствии со ст. 25 Конвенции ООН против коррупции. Большинство учёных выступают против уголовной ответственности юридических лиц, другие за. Так, А.В. Наумов, ссылаясь на правотворческий опыт европейских стран (например, УК Франции 1992 г.), доказывает, что ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его.⁵

Казахстан вышел на новый уровень противодействия коррупции, ратифицировав важнейшие международные правовые акты. В связи с этим, встал вопрос об их имплементации в национальное законодательство. Особого внимания заслуживает их реализации в республиканское законодательство, в частности положений Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.

В условиях расширяющихся международных связей проблема борьбы с коррупцией неразрешима в отдельно взятой стране и требует адекватных скоординированных мер противодействия как в рамках существующих международных организаций, так и вновь создаваемых.

⁵ Цит. по: Кузнецова Н.Ф. Новый Уголовный кодекс Республики Беларусь // Вестник МГУ. — Серия 11 «Право». — 2000. — № 3. — С. 8.

5. КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

УДК 343.9
ББК 67.51

Г.Н. Горшенков*

**КАТАЛИЗАТОР НАУЧНОЙ МЫСЛИ
(РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВЫШЕДШЕГО В СВЕТ УЧЕБНИКА
ПО КРИМИНОЛОГИИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА О.В. СТАРКОВА)**

Поначалу я хотел назвать написанное ниже так: «Тридцать лет на шестидесяти шести листах», имея в виду печатные листы, в объём которых вмещена (явно, ещё далеко не полностью) профессорская концепция учебного курса «Криминология».¹ А тридцать лет — это авторский период последовательных научных открытий и образовательных инноваций в криминологии, которой он предан и образцово служит все эти десятилетия. Поистине это годы научного кипения.

Но, читая книгу, намереваясь написать на неё рецензию, я вскоре был вынужден оставить эту идею, так как понял, что книга вызывает у меня другую реакцию — судить не о ней самой как авторской продукции, а о сути вещей, в ней изложенных. Книга-катализатор (как авторско-личностное явление) вызывала именно такую активность мысли, на которую я с удовольствием и поймался. Тем более сам автор провоцирует на «поиск «бредовых» идей, самых что ни на есть «сумасшедших» мыслей, идей на основе анализа какой-либо узкой проблемы» (с. 578). И это меня вдохновило на размышления, в которых я местами даже, как мне кажется, забываю и о самом авторе.

* **Геннадий Николаевич Горшенков** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, член Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Нижний Новгород, Россия). E-mail: gen7976@yandex.ru

© Г.Н. Горшенков, 2013

¹ См.: *Старков О.В.* Криминология: Общая, Особенная и Специальная части: Учебник. — СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2012. — 1048 с.

Автор — Олег Викторович Старков, известный российский учёный, доктор юридических наук, профессор, главный редактор федерального ежеквартального подписного журнала ВАК «Российский криминологический взгляд», почётный вице-президент Российской криминологической ассоциации.

На счету у Олега Викторовича немало изданных работ (по правоведению, оригинальной криминологической проблематике), но «Криминология» — это особенный фундаментальный труд, который он почему-то назвал учебником. Хотя сам же, противореча себе, во введении пишет: «Настоящий курс лекций читался автором на протяжении более 30 лет в разных вузах» (с. 5).

Учебник — это, как известно, издание, содержание которого определяется изложением не научной, а учебной дисциплины. Между тем традиционно учебники по криминологии начинаются с главы «Криминология как наука (научная дисциплина)» и излагается система знаний о предмете этой науки, её методе. Но почему бы не начать изложение материала в учебнике (курсе лекций) с главы «Криминология как научная и учебная дисциплина»? При этом иметь в виду, что предмет учебной дисциплины определяется образовательной программой, в соответствии с которой раскрываются цели (формирование знаний о научной дисциплине как составляющем профессиональном компоненте и т.д.) и задачи (усвоение предметных криминологических знаний, обучение умениям применения криминологического инструментария и др.).

Сегодня издаются учебники для бакалавров (Ю.М. Антонян, Н.Ю. Круглова),

магистров (В.В. Лунеев). Есть, конечно, различия между образовательными программами бакалавриата и магистратуры. В частности они изложены в федеральном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» классификация (степень) «бакалавр», в особенности — в требованиях основных образовательных программ. И стремление обеспечить реализацию этих программ учебной литературой вполне понятно. При этом, полагаю, должна быть дифференциация знаний и умений предусмотренных программ, исходя из чего следует определять соответствующие их объёмы. Причём, считаю необходимым при этом руководствоваться принципом достаточности. В противном случае студент будет вынужден усваивать фундаментальные знания, большая часть которых никогда не будет востребована на практике.

Учебник О.В. Старкова представляется мне академическим учебным изданием «переходного периода» (имеется в виду двухуровневое обучение), которое не ориентировано на конкретную программу — бакалавриата (и специалитета), магистратуры, послевузовского образования. Этот учебник рекомендуется для всех: соискателям учёной степени (докторской, кандидатской), студентам и профессорско-преподавательскому составу высших юридических заведений, для практических работников органов внутренних дел. Таким образом, предлагается самостоятельный выбор учебного материала по уровню получения высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция» и соответствующему (прежде всего уголовно-правовому) профилю, а также в соответствии с интересами определённого круга лиц.

И ещё несколько слов об одной стороне (функции) учебника — прагматической. Учебник по криминологии призван обеспечивать формирование навыков успешной правоохранительной адаптации и, прежде всего, — в решении вопросов, относящихся к изучению, оценке, прогнозированию криминологической ситуации, программированию предупредительной деятельности. В связи с этим целесообразно было

помещаемый в учебник материал делить не на Общую и Особенную (а теперь уже и специальную) части, а — на теоретическую и практическую. Например, социально-правовое мышление бакалавра-правоведа заключается, как мне представляется, в искусстве управления двуединым процессом противодействия преступности, т.е. в умении использовать правоприменение и профилактику в системном управленческом воздействии на преступность. В практическую часть следовало бы поместить учебный материал, посвящённый формированию практической методологии будущего правоведа. Здесь, как минимум, должны иметь место три аспекта: а) обучение прикладному криминологическому исследованию; б) обучение методам изучения видов, или типов преступности (имеется в виду сбор, описание, объяснение, оценка, в том числе прогностическая, что диктует необходимость овладения методикой криминологической экспертизы); в) обучение основам программирования и планирования правоприменительной и предупредительной деятельности.

Всё это я пишу для того, чтобы обозначить своё отношение к феномену, именуемому учебником по криминологии. Но моё особое мнение вовсе не исключает уважительного отношения в частности к рецензируемому учебнику, или курсу лекций. Тем более, возвращаясь к образовательной программе, я обращаю внимание на её вариативную, или профильную часть (в нашем случае — уголовно-правовой профиль), которую устанавливает ВУЗ. Вариативная часть даёт возможность расширения, углубления знаний, умений, а по возможности и навыков, которые определены в базовых дисциплинах, и, таким образом, позволяет студенту получить соответствующие углублённые знания, умения и навыки.

Современный учебник по криминологии отличается от его предшественника (близкого к стереотипному изданию) именно вариативной основой, которая «благословляет» автора на смелые инновации. Как известно в технологии создания современного учебника обозначились несколько подходов, один из которых предполагает отказ от общей теории учеб-

ника и создание такового, основываясь на выбранных автором образовательных концепциях, каждая из которых «диктует» свои условия.² Пример тому — учебники по криминологии Я.И. Гилянского, Д.А. Шестакова. Именно такой подход я нахожу у О.В. Старкова, который вообще привык мыслить и действовать «инновационно».

И этой прекрасной привычке Олег Викторович следует уже более тридцати лет. Соответствующим образом в его лекциях персонифицирован текст учебной дисциплины, а соответственно и изучаемого предмета. Его курс лекций по криминологии — это ещё и оригинальный язык и стиль, что помогает доходчиво раскрывать спорные вопросы, аргументировать собственную позицию. В таком стиле и написан учебник. И это не может не работать на серьёзный обучающий эффект.

На это направлены уместные и остроумные иллюстрации, что только подтверждает дерзновенный характер автора, использующего в учебно-познавательном искусстве методы особого стиля — искусства, в основе которого лежит образный язык. А эта образность достигается выражением мысли при помощи любых способов и средств: эпиграфов, картинок.

Мои коллеги наверняка помнят изданный Олегом Викторовичем краткий словарь «Криминопенология» (1998 г.), на обложке которого изображён сам автор, но — за тюремной решёткой. Что бы это значило? Спроси у него самого, наверняка ответит с хитроватым прищуром и улыбкой: «Не дождётесь!». Вроде как, каждый поймёт в меру своей испорченности. Но понимать это следует так, как показывает образно автор: он великолепно знает жизнедеятельность системы исполнения наказаний, давно определив её место в сфере предмета своего научного исследования.

Нельзя не отметить и удачные схематические выражения концептуальных положений, к которым довольно часто обращается автор. Хотя многие из них явно информативно перегружены.

² См. об этом в кн.: Хуторской А.В. Современная дидактика: Учебное пособие. 2-е издание, переработанное / А. В. Хуторской. — М.: Высшая школа, 2007. — 639 с.

«Криминология» О.В. Старкова отличается, в частности, такой дидактической технологией, как тестовый контроль, точнее, самоконтроль. Изложение каждой темы завершается разнотипными тестами, ответы на которые даются в конце учебника.

Удачно, на мой взгляд, изложены вопросы развития криминологической мысли и дана содержательная характеристика зарубежной криминологии и криминологической практики.

Что касается «трёх китов», или структурных частей «Криминологии» то я уже высказал своё мнение. Например, вызывает сомнение целесообразность выделения Специальной части учебника, в которой раскрывается сущность таких криминологических теорий, как: виктимология, криминотеология, криминоюстициология, криминосексология, криминопенология. Надо сказать, что подобных криминологических отраслей разрабатывается достаточно большое количество в современной отечественной криминологии (к сказанному добавлю: криминофамилистика, или семейная криминология, криминология массовых коммуникаций, политическая криминология, этнокриминология и др.). Однако вряд ли целесообразно включать их в учебник. Может быть, достаточно было выделить в Общей части главу, посвящённую криминологическим теориям. Но автор решил так и это его право. Здесь же разделяю точку зрения Д.А. Шестакова, который пишет: «Появление указанных отраслей криминологии не означает рождения соответствующих новых наук. Разумеется, семейная, политическая и т.п. криминологии являются составными частями общей криминологической науки».³

Персонификация криминологии — закономерное и положительное явление в научной и педагогической деятельности учёного. Материал, пропущенный через призму его профессионального мышле-

³ Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Предисл. В.П. Сальникова. — СПб.: Издательство Р. Асланов «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 30.

ния, индивидуальной методологии, неизбежно принимает личностно-смысловые и эмоциональные характеристики, определяет в целом «авторский смысл» и особый стиль изложения концепции. И не удивительно, что многие положения автора носят зажигательно дискуссионный характер. Это во всех случаях хорошо: спорят ли по конкретной проблеме студенты, возражают ли оппоненты, попадает ли издание под прицел критика. На том в частности и строится проблемное обучение как фактор интеллектуального развития обучающихся. В том и состоит одна из особенностей новаторского произведения, что оно возбуждает активность научной мысли, нередко даже переводя её в иную плоскость, или, как модно говорить сегодня, в иной формат.

Говоря о достоинствах издания, отмечу в целом главу 5, в которой автор представил результаты прекрасно выполненного системного, и, подчеркну, *конструктивно-критического* анализа причин и условий преступлений в России. Так, в разделе «Противоречия экономического и политического бытия» (в «административно-командном варианте социализма, реализованном в нашей стране...») он в частности пишет о первом таком противоречии: «В настоящее время возрождение нового класса капиталистов (так называемых «новых русских») ещё более усиливает, а отнюдь не снимает существовавшие классовые противоречия, ибо у власти остался тот же класс бюрократов, «переодевшийся» в новые одежды, «перекрасившийся» из красного в трёхцветный, а если понадобится, то и ещё перекрасится, и этот класс добровольно свою власть не отдаст никому, но сейчас её можно... купить» (с. 157).

В качестве второго политического противоречия Олег Викторович рассматривает, во-первых, имевшие место до 1985 г. противоречия троевластия (партийная, административная, советская); во-вторых, существовавшие до 1993 г. (период перестройки) противоречия множества властей, «которые разрешились после расстрела Парламента Республики — Верховного Совета, принятия новой Конституции, фактически узаконившей единоличную власть президента... — оста-

лось только закрепить наследственный характер перехода власти президента. Это политическая основа для образования полного «мафиозного» государства...» (с. 157). Здесь же автор пишет о превращении общенародной собственности «в собственность бюрократического класса», что «привело к развитию экономической организованной преступности в лице её субъекта — бюрократического аппарата, сраставшегося всё более с рецидивной, профессиональной, общеуголовной организованной преступностью».

В связи с этим уместно вспомнить февральскую встречу В.В. Путина в Москве с политологами, где он заявил, что не знает ни одного человека, кто бы находился в тюрьме по политическим мотивам: «У нас, по-моему, политических заключённых нет, и слава Богу».⁴ Получается, что прав О.В. Старков: преступность (в данном случае политическая, которая ныне изучается не только в криминологии, но и в политологии⁵) действительно *безличностное* явление.

Но, если без курьёзов, то в отношении авторского определения понятия преступности (об этом чуть подробнее я скажу ниже) «как *общесоциальное, а потому безличностное...*» (с. 110) (тогда уж лучше «бесчеловечное») замечу следующее. По-моему, точнее было бы сказать не «безличностное» (ведь, изучая преступность, мы изучаем и личностную, или социально-психологическую сторону преступности, личность преступника), а «целостное» явление. Данный дефиниционный признак не «выхолащивает» сущность социально-юридического явления, «не выплёскивает ребёнка», а передаёт смысл полной сущности преступности. Что, считаю, важно иметь в виду, преподавая эту криминологическую материю студентам.

Привлекает интерес авторская жизненноутверждающая мысль о том, что в постиндустриальном обществе не будет преступности. Останутся только бытовые эксцессы, но «они, отдельные эксцессы — будут

⁴ Путин В.В.: У нас нет политических заключённых. URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/Cabinet/m.195454.html> (дата обращения: 14.09.2012).

⁵ См.: Квон Д.А. Политическая преступность: проблема концептуализации и актуальные практики: автореф. дис. ...канд. полит. наук. — М., 2008.

подчиняться закономерностям причинного механизма преступного поведения, несмотря на то, что не будет ни преступности, ни преступления» (с. 109). Оказывается, не надо ждать постиндустриального общества, чтобы сбылась мечта, зародившаяся ещё в светлых головах социал-утопистов, — о беспреступном обществе. Это возможно и сегодня на примере («былой») преступности: политических преступников в России нет, а закономерности причинного механизма (политически) преступного поведения действуют, но подчиняют они лишь «отдельные эксцессы». И сегодня такое возможно исключительно по политической воле. Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

Однако я разделяю убеждение Олега Викторовича относительно того, что преступность, «в принципе... в необозримом будущем можно ликвидировать» (с. 108). Я просто верю (а вера не нуждается в аргументах) в это необозримое будущее. Всему приходит конец. Кстати, и обозримому будущему тоже.

Размышляя по поводу в целом замечательной книги О.В. Старкова, вспомнил я и о том, что лучший способ отметить праздник (в данном контексте — выход в свет рецензируемого учебника) — это сосредоточить внимание на недостатках. Только в данном случае речь не о недостатках, а о *единстве противоположных* позиций.

Выше я говорил о дискуссионном характере многих положений учебника, что, безусловно, добавляет авторитетной весомости криминологической литературе. Но вместе с этим меня не покидают сомнения в том, что явно имеется, и немалая доля, вероятности того, что ожидания дискуссий в *студенческих* аудиториях могут оказаться маловероятными. Причиной тому мне видится множество «тяжеловесных» определений понятий, оборотов речи. Например, в главе 4 даётся определение понятий «преступность», «преступное поведение», «преступление» и рассматривается их сходство, различие, соотношение. Читаю: «...Преступное поведение может существовать вне преступности. А преступность не может и не потому, что преступность и преступное поведение — явления взаимозависимые. Скорее всего — наоборот» (с. 108).

Думаю, студенту понять эту мысль будет непросто. Кстати, сам я так и не понял.

Попробую подискутировать с автором. И сразу же прошу обратить внимание читателя именно на дискуссионном характере моих рассуждений и не сводить их к терминологическому спору. По убеждению автора, преступность «безличностное» явление. Кстати, «бесчеловечное» — было бы в данном контексте точнее. С одной стороны, это так. Абстрагирование — это, как известно, процесс мыслительного отвлечения от некоторых признаков, с целью лучшего познания преступности в данном случае на уровне общего. Хотя преступность рассматривается и на уровне частного, т.е. как интегрированное свойство деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ (например, ст. ст. 3, 9, 10). Так, ч. 1 ст. 5 УК РФ «Принцип законности» предусматривает: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются настоящим Кодексом». Кодексом, вспомним, определяются и деяния, не содержащие преступность. Я имею в виду известную главу 8 УК РФ, в которой определены критерии-обстоятельства, исключаящие *преступность* деяния.

Но вернёмся к ч. 1 ст. 5 УК РФ и обратим внимание на определение преступности, как *уголовно-правовые последствия*. Иными словами, это ни что иное, как внешняя, «безличностная» сторона преступления, деяние. Однако в то же время эти последствия и есть результат личностной деятельности или даже бездеятельности, что, как утверждает сам автор, «неотделимо от определённого лица» (с. 106). Эту деятельность (бездеятельность) реализует, главным образом, мотивационный механизм, что, как известно, относится к внутренней стороне преступления. А, если преступность — это явление, «*проявляющееся... (в частности — авт.) в неоднородной массе преступлений*» (с. 110), то, следовательно, она проявляется в личностях — преступника и жертвы преступления (в случаях, когда это имеет место). И мне кажется даже ущербным такое «выдавливание» личностного из преступности, хотя этот процесс в методологическом отношении защищён безусловно.

Какой же смысл имеет предлагаемая замена дефиниционного признака «безличностное» другим признаком — «целостное». По-моему, это более точный признак абстрактного. Он акцентирует внимание не на «выплеснутого ребёнка», а на системность. В данном случае я исхожу из дидактических интересов и снимаю излишнюю проблемность *учебного* материала, упрощая его усвоение (не теряя смысла), например, учащимся юридического колледжа или студентом — будущим бакалавром. При этом я бы более просто и доходчиво формулировал дефиницию понятия преступности.

Олег Викторович формулирует *не дефиницию определения, а именно определение*. Дело в том, что в современной науке термины «определение» и «дефиниция» не рассматриваются как синонимы. *Определение* — это логическая операция, мыслительный процесс, в котором широко раскрывается содержание понятия. Что я и усматриваю, например, в определении понятия преступности. Оно, образно говоря, «застыло» на той мыслительной стадии, которая вписана мыслителем в текст. Но в результате определения формулируется в сжатой и явной (чёткой, видимой, открытой) форме *основное содержание* (квинтэссенция) *понятия*, или *дефиниция*. По сути, любой словарь — это словарь дефиниций, или *сжатых* понятий. У автора сжатость как-то не уживается с широтой и глубиной мысли, которой он пытается охватить видимое ему явление и соответствующую научную категорию. Таков авторский подход и соответствующий стиль.

У Олега Викторовича, как я представляю, явно «монографический» подход к выбору дефиниционных признаков. Отсюда и «тяжеловесные» определения и суждения, которые больше подходят даже не столько для студентов, обучающихся по магистерской программе, сколько — для соискателей учёной степени.

В связи с этим я, полагаю, необходимо особенно щепетильно обращаться с такой научной материей, как методология. Например, мне представляется не совсем удачной интерпретация автором былинной картины В.М. Васнецова «Витязь на распутье» в разъяснении соотношения ме-

тодологии и методики, причём, в беглом знакомстве обучающегося с методом криминологии. «Налево пойдёшь», «направо пойдёшь»..., т.е. «то направление, куда пойдёт богатырь, и есть методология, а как он «пойдёт» — на коне поскачет, пешком, ползком, на ковре-самолёте полетит, под землёй проберётся (хотя по сюжету богатырю суждено было только «ехать»)», — это и есть методика» (с. 15).

Но в данном метафористичном сюжете я не нахожу (да простит меня великодушный автор) ни методики, ни методологии. Есть три заданных *направления*, и несколько гипотетических способов движения. А методика, или технология, которая призвана обеспечивать реализацию метода, или в данном случае способа движения (например, как на коне преодолевать различные преграды, с какой скоростью и как эту скорость обеспечить и т.п.), отсутствует. Тем более, ничто не напоминает о методологии как *учении* о методе.

При всём при этом я одобрительно отношусь к метафористичности, иллюстративности дидактических приёмов автора. Это обеспечивает их доходчивость в усвоении. Сам увлекаюсь этим. И полагаю, что тему методологии в учебной дисциплине и соответственно в учебнике следует раскрывать глубже, но проще, ориентируясь на студенческую аудиторию, из которой вскоре выйдут будущие правоведы-практики. Им нужна «предметная» методология — во-первых, как способ *осознания* сложности и особенностей познаваемого предмета (например, преступности именно как явления, а не статистически выраженной суммы, или, мягко говоря, совокупности), а, следовательно, сложности и особенностей познавательного процесса; и, во-вторых, как способ *познания*, или проникновения в сущность предмета, т.е. в его внутренние и внешние связи.

Учебник призван помогать студенту в этой области его профессионального развития, и хорошо, если «на выходе» дипломированный высококвалифицированный специалист будет владеть индивидуальной методологией, т.е., повторяю, умением использовать первичные (теоретические) знания в получении вторичных, или прикладного характера знаний. Здесь просто

не обойтись без усвоения наиболее *общих* (философских) понятий, принципов, законов, категорий и *общенаучных методов* применительно к криминологическому познанию, на основе которых важно сформировать умения пользоваться технологиями (методиками) прикладного научного познания.

Собственно, на обучение конкретно-научной методологии и должна быть ориентирована практическая часть учебника по криминологии, о чём говорилось выше.

Допустим, если в теоретической части излагаются методологические вопросы, относящиеся к осмыслению, пониманию преступности как явления общественной жизни, точнее социально-юридического явления, то в практической части эти, *первичные* знания выступают как инструмент получения вторичных (теоретических либо эмпирических) знаний.

Например, владеть *системным* подходом особенно необходимо правоведа-теоретику, тому, кто занимается вопросами антикриминальной политики, программированием борьбы с преступностью и предупреждения преступлений; *предметным* — правоведа-практику, тому, кто занимается вопросами планирования, контроля этой работы.

Анализируя понятие преступности, которое даётся в вузовских учебниках, Олег Викторович обращает внимание на определение преступности как «совокупность (система) преступлений» и пишет: «Главным, самым существенным признаком в этом определении является **совокупность, сумма преступлений, т.е. суммативная система**, понимаемая обычно в том плане, что вся система обладает только свойствами входящих в неё элементов, называемых обычно **аддитивными**, как куча камней, стог сена, например» (с. 104).

Так вот, исходя из предметного подхода, наверное, с этим можно согласиться. Но вот с системного подхода судить так о преступности не совсем корректно. Аддитивный (от лат. *addere* — добавлять) означает суммарный, т.е. способный к сложению в сумму, но не образующий цельности. Например, преступления в сумме можно назвать преступностью как сумму (совокупность) статистическую. И в этом

случае, как справедливо замечает А.И. Долгова, «когда речь идёт о преступности просто как о множестве, массе преступлений, внимание акцентируется на статистическом анализе данных о ней».⁶

Но с позиции системного подхода преступность рассматривается как система, в которой *свойства* взаимодействующих составных частей, или элементов (преступлений) не сводятся к свойствам целого (преступности). То есть эти *свойства* преступности являются *неаддитивными* (например, историческая изменчивость, массовость).

В связи с этим приведу высказывание Г.И. Рузавина: «Ведь даже кучу камней можно рассматривать как некоторую систему, элементы которой взаимодействуют по закону всемирного тяготения. Тем не менее, здесь мы не обнаруживаем возникновения новых целостных свойств, которые присущи подлинным системам».⁷

Преступность как *целостное явление* конструируется, основываясь на законе перехода количества в качество, на синергетическом подходе: энергии массы преступлений, *единичных* «преступностей» (синергий) объединяются в целостное — *общую* «преступность». Создаётся синергетический эффект — возрастание (в результате вступающих во *взаимодействие* элементов) энергетического потенциала в новом явлении (преступности). То есть здесь уже имеет место *несводимость* новых свойств (суммарного потенциала) этой системы к простой сумме (потенциалов) ее частей. Например, такое *неаддитивное* свойство как преступность (как угроза национальной безопасности) не может быть сведено к свойствам отдельных преступлений.

Подробнее остановлюсь на авторских размышлениях о соотношении категорий «преступности», «преступного поведения» и «преступления». Они, безусловно, *катализируют* научный интерес (не

⁶ Долгова А.И. Преступность как объект криминологического изучения // Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2005. — С. 69.

⁷ Рузавин Г.И. Методология научного познания: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — С. 203–204.

берусь говорить в отношении интереса учебного). Размышления по этому поводу выходят за пределы образовательного стандарта (высшего профессионального образования). Но, поскольку рецензируемый учебник имеет широкий диапазон (да и рекомендуется прежде всего докторантам) нахожу уместным рассматривать эту тему на монографическом поле.

Так, автор рассматривает три категории: «преступность», «преступное поведение» и «преступление». Он даёт громоздкое определение понятия преступности как *общесоциального* явления. В этом определении автор указывает его *содержание* («безличностное, нисходящее-восходящее, регрессивное и уголовно-противоправное») и *форму* — проявление преступности «в неоднородной массе преступлений», «в своих типах», и «в своих социальных последствиях».

В «преступном поведении» и «преступниках» преступность не находит выражения. Соглашусь с этим утверждением в том плане, что преступность как социальное явление — это высшая форма абстракции, или *отвлечение* от ряда свойств, с которыми она *неразрывно* связана, но *мыслится изолированно от них*.⁸ Автор абстрагируется от «преступного поведения», т.е. допускает существование «преступности» (как категории, но не реальности) без «преступного поведения», и преступность как абстрактное понятие «лишается» в частности личностного. Но в то же время это условное разделение не способно полностью абстрагироваться от их неразрывной связи, что и удостоверяет автор, отмечая: «...Преступное поведение может существовать вне преступности. А преступность не может и не потому, что преступность и преступное поведение — явления взаимозависимые. Скорее всего — наоборот» (с. 108).

Преступность — **социальная** категория, и соответственно рассматривается она на общесоциальном, или философском уровне. С позиций социологического подхода «преступность предстаёт как

единство объективного (социальные действия, акты поведения) и субъективного (оценивающая деятельность государства, выраженная в уголовном законе».⁹

Поведение человека — категория **психологическая**. Относительно объективированного поведения неопределённой массы лиц, или *социального поведения*, то это уже категория **социально-психологическая**. И здесь закономерно автор обращается к психологическим методам изучения.

Что касается понятия *преступление*, то его определение дано наполовину как явления психологического («акт, момент преступного поведения»), наполовину — уголовно-правового («имеющим все уголовно-правовые признаки») (с. 111).

Исходя из философских категорий общего, особенного и частного, можно рассматривать явление на трёх уровнях: а) **преступность**, т.е. общая преступность, или «общекриминальный» образ жизни неопределённой (многомиллионной) части населения; в ином определении «социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»;¹⁰ б) **вид (или тип) преступности**, или специально-криминальный образ жизни; в) **преступление**, или индивидуальное появление образа криминальной жизни, конкретное деяние индивида.

Покойный академик В.Н. Кудрявцев писал: «Можно выделить три уровня рассмотрения преступного поведения. На нижнем уровне — индивидуального поступка... На более высоких уровнях — философском и социологическом — исследуем состояние, структуру и тенденции преступности в целом, её причины, а также отдельные виды преступлений».¹¹

В этом высказывании — допустимость одного из подходов к рассмотрению пре-

⁹ Яковлев А.М. Социология преступности (криминология): Основы общей теории. — М., 2001. URL: <http://crimestudy.ru> (дата обращения: 16.09.2012).

¹⁰ Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. — М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. — С. 7.

¹¹ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. пособие. — М.: Издательская группа «ФОРУМ-ИНФРА-М», 1998. — С. 11.

⁸ См. Абстракция // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Политиздат, 1991. — С. 7.

ступного поведения, или преступности. Можно рассматривать преступность и как вид общественно опасного поведения, порицаемого с позиции уголовно-правового подхода, или «преступное поведение», но тогда акцент сместится на *социально-психологическую* сторону преступности.

Также допустимы и другие подходы: уголовно-правовой (преступность как статистическая сумма преступлений), культурологический (преступность как элемент культуры), социологический (преступность как характерная черта, свойство общества, даже патология) и др.

Что касается категории «преступление», то не могу согласиться с авторским риторическим вопросом: «Почему «ни один современный криминолог не употребляет категорию в своих изысканиях, а называет или «преступность», или «преступное поведение?»» (с. 18). Очевидно, Олег Викторович погорячился, не вспомнив в запальчивости об изысканиях, например, Д.А. Шестакова, который давно пишет о целесообразности дифференцированного понимания преступления, а именно: в его юридическом, или уголовно-правовом; в криминологическом смысле и как преступление мнимое.¹² Чтобы далеко не ходить за примером сошлюсь на свой скромный исследовательский опыт рассмотрения преступления как криминологической категории.¹³

Ещё раз оговорюсь: мои рассуждения не следует относить к терминологическому спору. Тем более, я не оспариваю термины, но анализирую их дефиниционные элементы и прикидываю, как бы я использовал их в своих текстах, точнее контекстах. Наверняка, я бы уподобился традиционному употреблению подобного рода

¹² См.: Шестаков Д.А. Криминология как свойство общества. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001. — С. 81; *его*: Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире. — С. 148.

¹³ См.: Горшенков Г.Н. Преступление как жизненный факт и правовая категория: Учебное пособие. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009; *его*: Преступление. Как его понимать? Монография. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004.

дефиниций и особенно отдельных терминов, не встряхни меня профессор Старков своим академическим взглядом на криминологию.

К сожалению, многие ключевые понятия в криминологии (такие, как: «преступность», «причины преступности», «личность преступника», «борьба с преступностью», «предупреждение преступности» и др.) не имеют единой дефиниции. Я могу объяснить это закономерное явление, в частности такой особенностью русского языка, как неоднозначность слов, в связи с чем абсолютная однозначность терминов возможна скорее как исключение. Тем более это связано с авторской персонификацией, или наделиением личностными свойствами ряда общеизвестных понятий, их отдельных элементов. Каждый криминолог, как правило, старается выразить в определении своё видение явления, проблемы «своими словами», высказать своё мнение. А там, где спорят два юриста, вспомним, меньше трех мнений не бывает.

Автор книги «Философия преступления» Э.А. Поздняков пишет: «Преступное поведение, поведение отклоняющееся... и прочие определения преступлений носят настолько явный оценочный характер, что не заметить это могут только весьма близорукие люди, а таковых, должен сообщить с некоторым прискорбием, имеется среди криминологов немало»¹⁴. К сожалению, это так. Конвенциональность как условность, принимаемая в соответствии с установившимися традициями, далеко не почитаемая среди криминологов категория. Говорить о ней как о принципе научной коммуникации не приходится.

Можем списать это на природу человеческого языка, в котором «иных суждений о всякого рода явлениях и фактах, кроме оценочных..., не существует».¹⁵

Это принципиальное положение характерно для «рабочего» научного процесса (систематизации знаний), где функционирует многообразие лексических средств, которые в этом процессе

¹⁴ Поздняков Э.А. Философия преступления. — М., 2001. — С. 81.

¹⁵ Там же.

познания рождаются, утверждают, отвергаются, прежде чем утвердиться, но в *чьей-то* концепции.

В отличие от научной дисциплины, учебная дисциплина ориентирована на аудиторное изучение того (преступности, преступления и т.п.), что знают криминологи. Но обучающемуся необходимо получить строго определённый (образовательной программой) круг знаний и представление об изучаемом предмете, изучать общую концепцию, а — не частные. К тому же следует учитывать разный уровень учебной аудитории — студенческой, аспирантской, преподавательской (повышающей квалификацию), докторантской.

И это обстоятельство наводит меня на мысль о целесообразности разработки в криминологии такого направления методологического характера, в котором получили бы научное освещение такие вопросы, как терминосистема и требования к терминологической деятельности.

Каждый термин заключает в себе системообразующую сущность, ибо каждое понятие, которое обозначено термином, представляет собой элемент системы знаний, или в рассматриваемом случае криминологической отрасли знания. Ввиду этого следует рассматривать терминологическую лексику криминологии как *терминосистему*, в которой выражена система понятий, раскрытая в определениях, или дефинициях.

Каждый исследователь рано или поздно сталкивается с приятной проблемой дать научное определение чему-то, может быть, даже и общеизвестному, но чему придаётся криминологическое значение. Определение понятия — это непростая логическая операция, мыслительный процесс, в котором в частности анализируется каждое слово. И все мы равны перед диалектическим законом — единства и борьбы противоположностей: с одной стороны — *абстрагирование*, или «очищение» изучаемого феномена от предметных характеристик (частного, особенного характера); с другой стороны — *конкретизация* этой конструируемой абстрактной категории. При этом, естественно, конструкций может быть столько, сколько конструкторов.

Отсюда и «терминологическая разногласица», в криминологии в том числе. Но её ещё можно пережить, и относительно легко, даже нередко с удовольствием (подковырнув коллегу или получив подковырку от коллеги) в монографической литературе. Это даже стимулирует стремление отточить язык (не в запальчивой полемике, разумеется, а в терминотехнике). Но вот подобная «разногласица» в учебной литературе должна быть сведена к минимуму. Каким образом — это уже другой вопрос, как один из тех, по которым могут быть найдены решения в процессе научных изысканий предлагаемого нового направления.

Что касается рецензируемого произведения, то с чувством большого удовлетворения заключаю: этот учебник, точнее курс лекций, неординарный в ряду современных учебных изданий по криминологии. Он отличается глубочайшим проникновением учёного в сущность изучаемых явлений, причём, не только относящихся к правовой сфере. Его курс лекций — это навигатор для обучающихся криминологии, которым он даёт богатейшую, хорошо структурированную информацию учебной дисциплине «Криминология», и, что немаловажно отметить, предлагает учебно-методическое обеспечение.

А в отношении моих критических замечаний (именно замечаний, не замечаний) подчеркну: они, прежде всего, обусловлены той же персонификацией. Такого рода персонификация понятий, помимо иных суждений, делает автора узнаваемым. Олег Викторович определяет научные категории в одной, я бы сказал, фундаментально возвышенной плоскости, я же исхожу из другой плоскости, предметно-приземлённой, которая расположена значительно ниже. И между нами, естественно, не может быть общего понятийно-дефиниционного языка. Зато это несколько не мешает нашим конвенциональным отношениям.

А к юмору (даже «присоленному» иронией) профессор относится тоже не без юмора. И к иронии — тоже (которая у него нередко переходит в сарказм). Я как-то в шутку сказал: там, где смеётся Старков, там неизбежны слёзы. Он не рассмеялся, а только улыбнулся: дескать, хорошо смеёт-

ся тот, кто смеётся последним. Он привык «резать» правду-матку в глаза, при этом, совсем не боясь ошибиться. Он стойкий и хорошо вооружённый в дискуссионных поединках. Такому вовсе необязательно желать быть со щитом. Он всегда с ним.

В целом же отмечу, Олег Викторович достойно увенчал свой 30-летний научно-исследовательский труд академическим изданием, которое благодарный автор посвятил светлой памяти своих родителей и братьев.

«Криминология» Старкова это и «автотоподарок» к своему юбилею (60 лет наступило его выносливое сердце!). Я искренне завидую работоспособности Олега Викторовича и удивляюсь, как он, человек большой известности, публичный учёный, постоянно пребывающий в кругах научной общественности, загруженный редакторскими, издательскими делами, общественной работой, читающий лекции в разных вузах и городах, в том числе и за рубежом, пестующий аспирантов и соискателей, находит время писать, да ладно бы, только статьи, но создавать такие произведения!

Профессор Старков — один из тех учё-

ных, благодаря которым и в родном Отечестве развивается критическая криминология. Данное направление положительно «чревато» кардинальной перестройкой общественной и социальной (особенно государственной) систем в целях эффективного противодействия преступности. Можно сказать, профессор занимает передовые позиции в криминологии. И нет ничего удивительного, что «генерал от науки» Старков находит целесообразной войну с преступностью как «вооружённую борьбу между сторонами, ориентированную на уничтожение путём насилия» (с. 849). А война эта идёт, и давно. Сейчас, как пишет «Независимая газета», «в Министерстве обороны рассматриваются планы подключения армейских подразделений к участию в контртеррористических операциях, проводимых в настоящее время на Северном Кавказе...»¹⁶. Сегодня это уже не планы: так, в окрестностях Махачкалы наносятся авиаудары по бандгруппировкам.

Поздравляю Олега Викторовича с возрастным юбилеем и юбилеем научной мыследеятельности — они, как два ордена, достойно украшают гражданский мундир учёного.

¹⁶ Войска готовятся к боевым операциям на Северном Кавказе. URL: <http://www.ng.ru/printed/272776> (дата обращения: 08.10.2012).

6. В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ КЛУБЕ

УДК 343.9
ББК 67.51

*Д.А. Шестаков, * С.У. Дикаев, ** А.П. Данилов****

ЛЕТОПИСЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА. ГОД 2012

2 марта 2012 года состоялся «круглый стол» на тему «Воспроизводство преступности. Причины преступного вмешательства в политику суверенного государства».

В семинаре приняли участие криминологи Санкт-Петербурга.

Заседание провёл президент Клуба С.У. Дикаев.

В.Б. Малинин (Санкт-Петербург, Россия). Причинная связь в уголовном праве и криминологии (доклад по случаю 55-летия). В философии, как общей теоретической науке, концепция детерминизма занимает исключительно важное место. Проблема причинности — это онтологический, а не логический вопрос, так как предполагается, что она относится к чертам действительности и, стало быть, не может быть решена априорно, чисто логическими средствами; она может быть проанализирована с помощью логики, но не может быть сведена к логическим терминам. Любое материальное событие, процесс, также, как и любые иные материальные события, могут быть определены другими материальными процессами и только ими.

* **Дмитрий Анатольевич Шестаков** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: shestadi@mail.ru.

** **Салман Умарович Дикаев** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: dikaev@mail.ru

*** **Андрей Петрович Данилов** — кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: danilov-a1@mail.ru

Причинность — всеобщий закон природы и общества. Этот закон одинаково распространяется на биологические, химические, физиологические, социальные и любые иные процессы и явления.

Наука уголовного права не создает особого понятия причинной связи, независимо от философского — диалектико-материалистического — понятия причинности.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). О причинах вмешательства в политику суверенного государства. Участники «круглого стола» не обошли причины воспроизводства преступности в России и мире. Со своей стороны назову три причины:

1. Противоречие между потребительством и духовностью, проявляющееся в ослаблении национальной идеи.

2. Противоречие между бедностью и откровенно украденным у народа богатством при отсутствии среднего зажиточного слоя.

3. Противоречие между властью, слившейся с олигархией, и большинством населения.

Давайте вместе подумаем над следующими вопросами.

1. Относится ли к предмету криминологии вмешательство из-за рубежа в политическую жизнь суверенного государства? организация революций и выступлений протеста? оказание влияния на выборы? Если да, то в чём преступная суть этих вмешательств?

2. Почему силы, претендующие на глобальную власть, любят Медведева, а не Путина?

3. В чём состоят подлинные цели импортируемых революций и иных вмешательств в политическую жизнь суверенных стран?

4. Какое противодействие преступному вмешательству могут предложить криминологи?

В связи с истечением срока полномочий президента клуба, доктора юридических наук, профессора С.У. Дикаева, в соответствии с Уставом Клуба состоялись выборы президента клуба. Открытым голосованием президентом Санкт-Петербургского международного криминологического клуба единогласно избран заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Дмитрий Анатольевич Шестаков.

Согласно Заключению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 мая 2012 года № 22/49 журнал Санкт-Петербургского международного криминологического клуба «Криминология: вчера, сегодня, завтра» включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

22 июня 2012 года состоялся международный теоретический семинар «Феномен преступности». Основной докладчик — профессор, доктор права Клаус Сессар (Гамбург, Германия): «Взгляды на преступность и изменение общества».

В семинаре приняли участие криминологи из Минска (Республика Беларусь), Москвы (Россия), Оренбурга (Россия), Фрайбурга (ФРГ), Санкт-Петербурга (Россия), Ставрополя (Россия).

Заседание провёл президент Клуба Д.А. Шестаков.

Выжимка из доклада

Измерение установок по отношению к проблеме преступности относится к центральным исследовательским областям криминологии. Методы таких опросов преимущественно описательны. Респонденты опрашиваются, например, о желании наказывать — вообще или за определённые группы деликтов или за особо тяжкие преступления, или о страхе перед

преступностью — опять-таки вообще или в отношении определённых деликтов, к примеру, в отношении насильственных деликтов или совершаемых в определённой части города.

Польза для уголовной политики от таких исследований может быть очень велика, прежде всего, если требования наказания и страх преступности значительны — и жёсткая уголовная политика в результатах криминологических исследований видит своё подтверждение. Для криминологии прирост возможно не столь велик, во всяком случае, до тех пор, пока в отношении установок населения по поводу преступности не поставлен равным образом вопрос: «Почему?». Если это делается, то аналитически выясняется, лежат ли подчас основания таких-то установок в испорченном окружении, в стяжающей коррупции, как выражении социальной запущенности; в отсутствии социальной и информационной солидарности, например, соседского контроля. Первые результаты налицо. Если они требуют подтверждения дальнейшими исследованиями, то это были бы не только вопросы к уголовной политике, например, в форме политики предупреждения преступлений, но также — возможно в первую очередь — к социальной политике и коммунальной политике.

В обсуждении приняли участие Я.И. Гишинский (Санкт-Петербург, Россия), А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия), Т.С. Лабзина (Санкт-Петербург, Россия), С.Я. Лебедев (Москва, Россия), И.А. Петин (Оренбург, Россия), Ф.Н. Селезнев (Санкт-Петербург, Россия).

По окончании семинара новым членам Санкт-Петербургского международного криминологического клуба — преподавателям кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России — Р.М. Агишеву, В.Г. Железному, А.В. Марченко, Д.В. Новокшенову, Н.А. Петухову, С.С. Рыжакову, Д.С. Чукину, а также техническому секретарю клуба Н.А. Крюковой вручены удостоверения членов клуба.

21 сентября 2012 года состоялся «круглый стол» на тему «Криминологическое законодательство и программы предупреждения правонарушений». Основной докладчик — кандидат юридических наук, доцент Алексей Александрович Селифонов (Санкт-Петербург, Россия): «Гражданско-правовая политика в региональной профилактике правонарушений (на примере Санкт-Петербурга)».

Заседание провёл президент Клуба Д.А. Шестаков.

В семинаре приняли участие криминологи из Санкт-Петербурга (Россия), Костаная (Республика Казахстан). Среди присутствующих:

14 студентов вузов (РГПУ им. А.И. Герцена: Е.И. Бекляшева, Е.Е. Федотова — все 2-й курс, СЗАГС: В.Ю. Лугина, Н.В. Винокурова, О.А. Глазева, С.С. Новожилов, Е.В. Лимонов, Н.С. Чимаров — все 4-й курс, Санкт-Петербургский университет МВД России: М.Б. Панфилов, А.В. Петров, И.Д. Качалкин — все 3-й курс, НОУ ВПО МИЭП: Т.М. Голубенко, И.А. Земченко, П.Г. Кравченко — все 5-й курс);

3 сотрудника РГПУ им. А.И. Герцена: Е.В. Щедрина, Ю.В. Щедрина, И.В. Кожухова;

1 аспирант (РГПУ им. А.И. Герцена: А.Н. Бондарева — 2-й курс);

1 адъюнкт (Санкт-Петербургский университет МВД России: И.А. Носкова);

7 кандидатов юридических наук (Санкт-Петербургский государственный университет: Г.В. Зазулин, НИИ МВД России по Северо-Западному округу: В.С. Харламов, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России: Д.В. Новокшенов, Н.А. Петухов, Санкт-Петербургский университет МВД России: А.А. Селифонов, А.В. Никуленко, РГПУ им. А.И. Герцена: А.В. Комарницкий, А.П. Данилов);

7 докторов юридических наук (Научно-исследовательский институт экономики и права при Костанайском социально-техническом университете: С.М. Жалыбин, РГПУ им. А.И. Герцена: Я.И. Гишинский, С.Ф. Милуков, НОУ ВПО МИЭП: Г.Л. Касторский, И.А. Соболев, Санкт-Петербургский университет МВД России: С.У. Дикаев), *среди которых*

1 заслуженный деятель науки РФ (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

В обсуждении доклада участвовали: Д.А. Шестаков, Я.И. Гишинский, С.Ф. Милуков, С.У. Дикаев, С.М. Жалыбин, Г.В. Зазулин, А.В. Комарницкий, А.П. Данилов.

Выжимка из доклада.

Возникновение гражданско-правовой политики (ГПП) в России связано с переориентацией России на общеевропейские идеи построения гражданского общества (начало XVIII века — 1722 г., Пётр I). Проникновение данной идеи происходило постепенно и в различных формах, в первую очередь, в виде принятия гражданских законов (том 10 Полного Собрания Законов Российской Империи 1830 года) и развития науки гражданского права. Именно этими двумя явлениями и определялось первоначальное понимание гражданско-правовой политики как метода гражданского правоведения (Л.И. Петражицкий, Г.Ф. Шершеневич, И.А. Покровский). Развитие гражданско-правовой науки приводит к тому, что появившаяся в отечественной философии права в конце XIX века теория гражданского общества, в первую очередь определяется существованием гражданского или частного права (С.А. Муромцев, Б.Н. Чичерин).

На сегодняшний день гражданско-правовая политика, с точки зрения господствующего «юридического» подхода к этому явлению, выглядит как сочетание трёх частей:

— метода правоведения, характеризующегося задачей оценки действующего законодательства и выступающего последней ступенью изучения права;

— средства достижения определённых критериев правопорядка (инструментальная теория права);

— целенаправленная деятельность по воспитанию человека посредством развития в нём определённых свойств или нравственных качеств (цивилистическая политика либо этика права).

Указанные части, с точки зрения философии права, могут быть объединены общей целью ГПП — построением гражданского общества.

Предупреждение правонарушений является частной целью ГПП при наличии следующих условий:

— в качестве субъектов профилактики выступают не только государственные органы, но также общественные объединения и отдельные граждане;

— в качестве объектов профилактики выступают не только граждане и общественные организации, но и государственные органы, должностные лица;

— в качестве средств профилактики выступают механизмы, основанные на принципах гражданского права (добровольность, инициатива и равенство участников, поощрение и имущественная ответственность);

— в качестве источников оценки профилактики правонарушений используются не только официальные оценки, но и оценки общественности, личное мнение граждан;

— итоговым результатом профилактики является не состояние «преступности» или «общественных отношений», а поведение человека.

ГПП в мероприятиях по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге.

В настоящее время, в силу отсутствия всех условий осуществления ГПП, нельзя говорить о её полноценной реализации в региональной профилактике, однако можно выделить отдельные направления применения ГПП в этой сфере.

1. Осуществление профилактических мероприятий происходит в виде услуг, которые, в зависимости от субъектов их оказания, подразделяются на частные и публичные. Финансирование этих мероприятий за счёт различных источников приводит к специализации этого вида экономической деятельности и созданию на региональном уровне «микроэкономики» профилактики правонарушений.

2. Среди субъектов профилактики наряду с государственными органами выступают юридические лица.

3. При привлечении к участию в осуществлении профилактических мероприятий, оценки их качества и поощрении за полученные результаты используются механизмы, разработанные наукой гражданского права.

4. Содержание ряда профилактических мер непосредственно связано с динамикой гражданских прав и обязанностей

субъектов и объектов профилактики.

Д.А. Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Криминологическое законодательство и право противодействия преступности. Криминологическое законодательство регламентирует не карательную сторону предупреждения преступлений: организационные вопросы противодействия преступности в целом и отдельным её составляющим, криминолого-социальные, криминолого-воспитательные, криминолого-психологические и другие вопросы. Криминологические нормы в настоящее время рассеяны по различным отраслям законодательства.

В России система криминологической профилактики была законодательно оформлена ещё в 1832 г. в виде Устава о предупреждении преступлений. Она в советское и послесоветское время неоднократно менялась: разрушалась, воссоздавалась.

Вопрос о криминологическом законодательстве (законодательство о противодействии преступности) как о научной проблеме был поднят по крайней мере уже в 1996 году. В его составе можно выделить следующие группы норм: 1) нормы, регламентирующие стратегию противодействия преступности; 2) нормы, регламентирующие криминологическую экспертизу; 3) нормы, регламентирующие противодействие конкретным видам преступности; 4) виктимологическое законодательство.

Особо стоит вопрос о нормах так называемого права безопасности, направленных, в частности, на пресечение преступлений, а также на защиту свидетелей преступления.

Проект Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», внесённый Правительством России на рассмотрение Государственной Думы, обращён не к преступности в целом, а лишь к видимому (обыденному) её уровню. Остальные восемь её уровней, включая внутренний олигархический, оставлены без внимания.

Нет в законопроекте ничего ни о путях реституции захваченного «олигархами» имущества, ни о *виктимологическом мониторинге* как о средстве контроля официальной уголовной статистики.

Нам — наряду с Россией я имею в виду, прежде всего, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан — нужно больше думать о собственной евразийской перспективе вместо того, чтобы только копировать подсовываемые нам не всегда приемлемые для нас западные нормы. Вслед за криминологическим правом должно возникнуть право противодействия преступности (ППП). Верхний его уровень — Основы (предупредительного и наказательного) законодательства о противодействии преступности. Под ним уровень кодексов: 1) Кодекс предупреждения преступлений (и мер безопасности), 2) Кодекс об уголовной ответственности и ресоциализации молодёжи, 3) кодексы — Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный.

С.Ф. Милуков (Санкт-Петербург, Россия). В своём выступлении подверг критике противопоставление Д.А. Шестаковым предупредительного и уголовно-наказательного начал в российском законодательстве (действующем и проектируемом). На его взгляд, эта антитеза ложна. Как показывает отечественный и зарубежный (прежде всего КНР и США) уголовно-политический опыт, жёсткое воздействие на особо опасных преступников (в том числе профессиональных) способно предотвратить совершение новых преступлений с их стороны. Тем более это характерно для расхитителей и коррупционеров, которые склонны к роскоши, гедонизму и с трудом переносят тюремный режим (если, конечно, им не делается легальных и нелегальных поблажек). Не менее эффективна в их отношении конфискация имущества. Тем более они не готовы пожертвовать своей жизнью ради извлечения криминальной сверхприбыли (хотя некоторые, по Марксу, способны и на это).

В свете сказанного мы не можем поддерживать очередную инициативу В.В. Путина о создании дополнительных нормативных предпочтений для экономических преступников, на этот раз уголовно-процессуального свойства. Речь идёт о том, что эти совершаемые ими хищения из дел публичного переводятся в низший ранг частного обвинения. Это приведёт к ещё большей латентности этих преступлений, к

расцвету «теневого» права и теневой же репрессии одних криминальных бизнесменов в отношении других (заказные убийства, поджоги, заведомо ложные доносы и т.п.).

Напротив, можно одобрить предложение Д.А. Медведева, который обычно позиционируется как большой либерал, нежели его спарринг-партнёр на российском политическом олимпе. На фоне чудовищных по своим последствиям дорожно-транспортных преступлений, он считает необходимым резкое усиление ответственности пьяных водителей. Мы неоднократно обращали внимание законодателя на то, что многие владельцы автомобилей (прежде всего из числа нуворишей) развязали на российских дорогах настоящий террор против других (законопослушных) участников дорожного движения, в том числе пешеходов (см., в частности, наш официальный отзыв на диссертацию Н.А. Никитиной в №2 журнала «Уголовное право» за 2012 г.). Стоит при этом надеяться, что проектируемые новации будут оформлены не столь убого с юридико-технической точки зрения, как ныне действующая редакция ст. 264 УК РФ.

Интересны соображения основного докладчика по поводу привлечения ответственности к профилактической деятельности, в том числе путём возрождения добровольных дружин граждан. В настоящее время от полиции, обескровленной перманентными чистками и поглощённой противостоянием с политическими оппонентами, обслуживанием массовых развлекательных мероприятий и войной на Кавказе, трудно ждать эффективного воздействия на преступность. Поэтому целесообразно создать народную милицию, которая включит неиспорченную часть профессионалов, покинувших органы МВД и другие силовые структуры. Здесь можно использовать опыт Швейцарии и США (национальная гвардия). Такая милиция должна быть вооружена, обеспечена обмундированием и спецсредствами и не участвовать в разгоне политических демонстраций, сосредоточившись всецело на пресечении общеуголовной преступности.

А.В. Комарницкий (Санкт-Петербург, Россия). К вопросу о совершенствовании

нормативно-правовой базы профилактики правонарушений несовершеннолетних. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует эффективная система профилактики правонарушений несовершеннолетних. Не разработаны стандарты обеспечения и защиты прав несовершеннолетних, механизм планомерного выполнения на межведомственном уровне положений Конвенции о правах ребёнка, Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила 1985 года), Руководящих принципов ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы 1990 года).

Не определён координирующий федеральный орган исполнительной власти по выработке и реализации государственной политики в отношении несовершеннолетних.

Ежегодно десятки тысяч российских детей вовлекаются в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства. В соответствии с международными обязательствами Российской Федерации надлежит обеспечить доступ детей к правосудию вне зависимости от их процессуальной правоспособности и статуса, что будет способствовать созданию дружественного к ребёнку правосудия.

Одной из самых опасных проблем является насилие над детьми. Значительная часть преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности детей совершается в семье, а также лицами, обязанными по закону заботиться о ребёнке. Ситуация, сложившаяся в сфере профилактики преступлений против детей, защиты их прав, является неудовлетворительной и требует принятия неотложных мер.

Координация деятельности органов и учреждений, призванных осуществлять профилактику правонарушений несовершеннолетних и защиту их прав, возложена на комиссии по делам несовершеннолетних. Однако правовая основа работы этих комиссий не соответствует стоящим перед ними целям и задачам.

А.П. Данилов (Санкт-Петербург, Россия). *Триединое антикриминогенное влияние казачества на общество*. В своём выступлении на тему «Гражданско-правовая политика в региональной профилактике правонарушений (на примере Санкт-Петербурга)» А.А. Селифонов высказал мнение о том, что в предупреждении правонарушений и преступлений активная роль должна отводиться общественным организациям и различным институтам гражданского общества. Соглашусь с ним в этом.

В качестве подобного института может выступать и *казачество*, славное своей *активной правоохранительной деятельностью* и *высокой духовностью*, что также крайне важно. Казачество — сословие воинское, обеспечивавшее защиту как приграничных территорий страны, так и следившее за порядком внутренним. Это уникальный институт славянского общества, имеющий высокое духовное начало, противостоящее всему тёмному, исконно стоящий на демократических принципах управления, активно участвующий в защите общества и родной земли от внутренних и внешних угроз!

И в современных условиях России деятельность казаков могла бы стать эффективным фактором противодействия преступности, во-первых, за счёт оказываемого казачьей средой на своих членов антикриминогенного влияния, т.е. влияния так называемой *коммунальной превенции*, во-вторых, через *правоохранительную деятельность самих казаков*. И, в-третьих, учитывая, что казаки — народ истинно родолюбивый, а родолюбие, кроме всего прочего, является антикриминогенным фактором, мы черпаем из казачества ещё один антикриминогенный фактор — *возрождение духовно-нравственной сферы государства!*

Родолюбие казаков и их соответствующее антикриминогенное влияние на общество особо важно в современных условиях. Наше общество нравственно больно, свидетельством чему феномен «PussyRiot» — циничное издевательство морально разложившихся и позорящих женское начало «девиц» над основными человеческими ценностями: любовью, уважением, досто-

инством, чистотой духовности. Лечение духовного гниения — это нравственное оздоровление, возможное, в том числе, через ориентацию на достойные примеры из нашей жизни. В среде казачества подобных примеров множество, взять хотя бы нашего современника — командира 96-го Донского казачьего полка Пётра Молодидова.

Губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачѳв, заботясь о процветании своего края, совершенно справедливо ратует за привлечение к охране общественного порядка казаков, которые совместно с сотрудниками полиции будут нести службу на улицах городов. За счёт этого удастся эффективно противодействовать преступности, реализуя все три антикриминогенных фактора казачества. Это и есть пример активного участия граждан, института гражданского общества — казачества в профилактике правонарушений и преступлений.

В Санкт-Петербурге в сентябре этого года в прямом эфире ТРК «Петербург-Пятый канал» был проведѳн опрос о необходимости привлечения казаков к охране общественного порядка в городе на Неве. Порядка 70 % граждан, принявших участие в голосовании, ответили «Да, это необходимо».

Около 30 % граждан, соответственно, не согласны с подобной инициативой. Среди таковых, наверняка, кто-то вполне обоснованно считает, что казачество, которое было когда-то, сейчас совсем не то. Это так. Но мы можем возродить его, а вместе с ним и те традиции, великую культуру, русскую духовность. Нужно вспомнить истинную историю России — это забытое имя нашей страны оживает в своей песни «От Волги до Енисея» Н. Расторгуев. Даже в своём нынешнем состоянии история, извращѳнная многочисленными «исследователями» в угоду западным грантодателям до состояния полного выхолащивания в нас почти всего светлого, достойного, возрождающего, свидетельствует, что в мир казаки несли мир, победоносно завершая в Париже Отечественную войну 1812 года! Были казаки и в Берлине в 1945 году, внося свой весомый вклад в победу, о чём столь складно свидетельствует народное творчество:

По берлинской мостовой кони шли на водопой,
Шли, потряхивая гривой, кони-дончаки.
Распеваѳт верховой: «Эх, ребята, не впервой
Нам поить коней казачьих из чужой реки».
Казаки, казаки, едут, едут по Берлину
Наши казаки.

Да где казаки только не были, приносятся мир народам! В России казаки, кроме прочего, — *пример истинной демократии*, которой, несмотря на все заявления самой пышущей «демократией» страны — США, в этом государстве нет!

Среди имеющихся механизмов реализации программ предупреждения преступлений необходимо предусмотреть и использование казачьих подразделений. Криминологическая политика государства может быть эффективна только при её грамотном планировании. Поэтому, не могу согласиться с мнением некоторых выступавших за «круглым столом», что программы предупреждения преступлений — вещь ненужная (я выразился корректнее, нежели выступавший). Да, многие позиции данных программ требуют пересмотра, во многом их акценты должны быть расставлены иначе: как серьёзный недостаток выступает то, что не учтены новейшие криминологические идеи о многоуровневой структуре преступности и, соответственно, необходимости противодействия её наиболее опасным уровням. Не предусмотрена система оценки эффективности действия программ и использования выделяемых денежных средств. Однако, повторяюсь, план должен быть, программы нужны. И в этих программах обязательно должно учитываться *триединое антикриминогенное влияние казачества на наше общество!*

26 октября 2012 года прошла беседа на тему «Криминология закона. Концептуальные изменения уголовного законодательства». Основной докладчик — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО ОГАУ, член РАЮН Игорь Анатольевич Петин (Оренбург, Россия): «Концептуальные изменения уголовного законодательства, ориентирующие на достижение его системности».

Заседание провёл президент Клуба Д.А. Шестаков.

В семинаре приняли участие криминологи из Санкт-Петербурга (Россия), Костаная (Республика Казахстан), Москвы (Россия).

Среди присутствующих:

4 студента вузов (РГПУ им. А.И. Герцена: Л.К. Данилевская, М.С. Дикаева, Е.Ляшина, А.В. Савченков — все 5-й курс);

1 аспирант (Санкт-Петербургский государственный университет: Н.А. Крюкова);

5 адъюнктов (Санкт-Петербургский университет МВД России: И.С. Домбровский, И.В. Нефёдов, И.А. Носкова, Л.П. Малофеева, А.Г. Филимонова);

1 гость (писатель Н.В. Кофьрин);

1 преподаватель (И.Е. Вольская);

4 кандидата юридических наук (НИИ МВД России по Северо-Западному округу: В.С. Харламов, Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России: Н.А. Петухов, Санкт-Петербургский университет МВД России: О.В. Лукичёв, РГПУ им. А.И. Герцена: А.П. Данилов);

5 докторов юридических наук (Костанайский государственный университет имени Ахмета Байтурсынова: А.Е. Мизанбаев, Академия Комитета УИС МЮ РК: Б.К. Шнарбаев, Московский университет МВД России: С.Я. Лебедев, Санкт-Петербургский университет МВД России: С.У. Дикаев), *среди которых 1 заслуженный деятель науки РФ* (РГПУ им. А.И. Герцена: Д.А. Шестаков).

Участникам беседы поступили приветствия: из Нижнего Новгорода от доктора юридических наук, профессора Г.Н. Горшенкова и из Великого Новгорода от находившегося там в научной командировке доктора юридических наук, профессора С.Ф. Милюкова.

Во время беседы были представлены книги:

Д.А. Шестаков, С.У. Дикаев, А.П. Данилов. Санкт-Петербургский международный криминологический клуб. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012;

Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уго-

ловного законодательства: национальный и международный опыт моделирования: Коллективная монография. — Республика Казахстан, г. Костанай, 2012. — 264 с.

И.А. Петин. Влияние причинно-следственной связи преступления на формирование системности уголовного права. — М., «Юрлитинформ», 2012.

В обсуждении доклада участвовали: С.У. Дикаев, С.Я. Лебедев, А.Е. Мизанбаев, Д.А. Шестаков, Б.К. Шнарбаев.

Выжимка из доклада.

1. Первый этап концептуальных изменений состоит в переходе ориентации человека и общества с закономерностей общественного развития на закономерности мироустройства. Данное изменение обосновано тем, что для достижения согласия и гармонии в обществе, а также в государстве и мире, необходимо прийти к единому знаменателю, в качестве которого закономерности мироустройства и поведения человека в нём способны выступать. В связи с этим ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ принимает следующую редакцию: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права, ориентируясь при этом на известные закономерности мироустройства и поведения человека».

2. Вторым этапом следует обозначить цель осуществления провозглашённых задач уголовного законодательства. Без неё получается, что, например, охрана собственности осуществляется ради её охраны, что противоречит конституционным нормам о человеке как высшей ценности. При определении цели достижения задач уголовного законодательства необходимо учитывать цели уголовного наказания. С учётом сказанного ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ принимает следующую редакцию: «Задачами настоящего Кодекса является охрана прав и законных интересов человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечения мира и безопасности человечества, а также

предупреждение преступлений путём выявления причин, ведущих к совершению преступления, и условий, способствующих его совершению, с последующим планомерным их устранением, для восстановления или достижения гармонии в отношениях преступника с потерпевшим, обществом и внешним миром в целом».

3. Третьим этапом становится необходимость признать влияние неосознанного (подсознания) на поведение человека и отойти от презумпции осознанного поведения индивида, что в психологии уже было сделано почти 40 лет назад. Тогда становится возможным разрешить проблему вины в уголовном праве, а именно, что должен осознавать субъект преступления и по каким признакам следует это определять. В действующем уголовном законодательстве характеристика осознания общественной опасности деяния является крайне неопределённой категорией, поскольку в нём нет определения преступного вреда и не даются признаки, по которым устанавливается это осознание правоприменителем. Характер осознания преступного вреда зависит от степени понимания им закономерностей мироустройства и его поведения на различных уровнях проявления причинно-следственных связей. Поэтому такая цель наказания как исправление является по своей сути некорректной, поскольку внешнее поведение любого индивида адекватно его внутреннему миру, от которого зависит понимание им внешнего мира. В связи с этим ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ принимает следующую редакцию: «Наказание применяется в целях осознания осуждённым закономерностей мироустройства и поведения человека, в том числе неотвратимости ответственности как оснований изменения поведения осуждённого на социально полезное, и предупреждения совершения новых преступлений». Определение данного осознания возможно через установление мотивов и целей поведения субъекта, которые в той или иной форме всегда проявляются в реальности.

4. На четвёртом этапе становится необходимым и возможным классификация единственного признака преступления,

а именно, преступного вреда, по единому критерию, в основу которого закладывается высшая ценность для человека, а именно, его жизненная энергия.

5. На пятом этапе мы приходим к обоснованному понятию преступления, в соответствии с которым ч. 1 ст. 14 Уголовного кодекса РФ принимает следующую редакцию: «Преступлением признаётся причинение предусмотренного настоящим Кодексом преступного вреда или создавшее реальную угрозу причинения такого вреда».

6. На шестом этапе целесообразно определиться с криминологически обоснованным размером уголовного наказания, при определении которого следует дополнительно учитывать (в ч. 3 ст. 60 УК РФ) «причины, которые привели к преступлению, и условия, способствующие его совершению».

7. На седьмом этапе происходит последовательный пересмотр иных норм Общей части УК РФ и соответствующая разработка норм Особенной части.

С.У. Дикаев (Санкт-Петербург, Россия). Доклад имеет философскую основу и, по замыслу его автора, целью являлось обоснование некоей идеи, которая позволила бы обеспечить системность уголовного законодательства. Автор предлагает поэтапное внедрение его идеи, которая так и не была сформулирована (по крайней мере, я не понял какова концепция: то ли это «свобода воли и поведения», то ли «случайность», которой, по мнению автора, вообще не может быть, то ли «обусловленность поведения», то ли идея «причинной связи»). Ясно лишь одно: докладчик почувствовал необходимость иного взгляда на уголовно-правовые отношения и предпринял попытку сформулировать этот взгляд на основе философии, как мне показалось, философии Канта и Фихте.

Надо отдать должное автору: он в отличие от других не говорит о необходимости «приспособиться» к развитию современного общества, к «напору» и «наступлению» урбанизации и индустриализации и иным процессам, выступающим криминогенными факторами преступности. У него есть понимание того, что приспо-

собление к проблеме не есть ее решение, что через некоторое время общество опять столкнется с теми же, а то и с ещё более сложными задачами. Верным является поиск причины, приведшей человечество к такому состоянию, когда уголовный закон не справляется со своими задачами, а преступность не реагирует на ужесточение закона. В такой ситуации действительно нужен креативный (новаторский) взгляд на многие социальные процессы, который и позволит вывести человечество из плена иллюзий о природе преступности и методах противодействия ей.

Однако вызывает очень большие сомнения то, что авторское видение «концептуальных изменений уголовного законодательства» позволит обеспечить «достижение его системности».

В целом, надо поблагодарить докладчика за то, что он позволил пофилософствовать на уголовно-правовую тематику. Но идеи его остались для меня непонятными, видимо, поэтому и его предложения я не могу принять как достойные внимания законодателя.

Д.А.Шестаков (Санкт-Петербург, Россия). Разрабатываемое Игорем Анатольевичем учение ставит хотя и не вполне реальную, но грандиозную задачу по при-

ведению Уголовного кодекса ни много ни мало в соответствие с закономерностями мироустройства. Оно имеет криминологический философский оттенок, и этим подходит собирающемуся в клубе на Мойке кругу посвящённых.

Правда, предлагая в число задач УК включить «восстановление или достижение гармонии в отношениях преступника с потерпевшим, обществом и внешним миром в целом», Игорь Анатольевич выходит (во всяком случае, отчасти) за пределы возможностей уголовного права. Впрочем, незаметно для самого себя он приближается к насущному вопросу о едином праве противодействия преступности (ППП)¹, охватывающем помимо прочего и уголовное право. Однако своё стремление к «гармонии *прежнего* преступника с миром» надо было бы, думается, сопоставить с рассуждениями о ППП.

Подводя итог, скажу, что мне пришлось по вкусу творческая устремлённость Игоря Анатольевича. Он находится на подступах к решению важной, на мой взгляд, задачи построения несколько утопичной, но не лишённой смысла концепции глубокого изменения законодательства о противодействии преступности, которое (законодательство) должно строиться, конечно, на основе ППП.

¹ Шестаков Д.А. Постлиберальная парадигма и право противодействия преступности // Правотворческие и правоприменительные парадигмы реконструкции уголовного законодательства: национальный и международный опыт моделирования. Коллективная монография // Ответств. ред. д.ю.н. А.Е. Мизанбаев. — Костанай, 2012. — С. 102–113.

7. ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРАМ

ЗАРИПУ САИДОВИЧУ ЗАРИПОВУ — 65 ЛЕТ!

Ныне Зарип Саидович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии права и управления ФСИН РФ.

Родился Зарип Саидович в Республике Туркменистан, в городе Чарджоу 21 ноября 1947 года. С 1966 по 1968 гг. он служил в воздушно-десантных войсках — в городах Пскове, Кутаиси, Кировабаде. С декабря 1968 г. работал на заводе.

В мае 1969 г. З.С. Зарипов поступил в Ташкентскую Высшую школу МВД СССР, которую закончил с отличием в 1973 г. В ноябре 1975 г. он поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР (Москва) на кафедру криминологии и профилактики правонарушений (научный руководитель — заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор Г.А. Аванесов). 12 апреля 1979 г. Зарип Саидович защитил кандидатскую диссертацию по специальности 12.00.08 — уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право на тему «Организация и осуществление профилактики правонарушений следственными подразделениями органов внутренних дел».

С 1979 по 2001 г. Зарип Саидович работал в Ташкентской высшей школе МВД

СССР: с 1986 г. — доцентом кафедры криминологии, с 1988 г. — начальником кафедры криминологии, а с 1988 по 1992 год — заместителем начальника по научной работе этого высшего учебного заведения.

25 сентября 1991 г. Зарипом Саидовичем защищена докторская диссертация на тему «Система правовых мер профилактики правонарушений и основные условия её эффективного функционирования». В 1992 году ему присвоено учёное звание «профессор».

З.С. Зариповым подготовлено и опубликовано свыше 150 научных работ, в том числе обращающие на себя внимание содержательные книги: «Профилактика преступлений». — Учебник. — Алматы, 2008. (в соавторстве с Е.О. Алаухановым), «Профилактика преступлений среди маргинальной части населения (безработных)». — Монография. — 2008. (в соавторстве с Е.О. Алаухановым).

В Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе хорошо знают профессора Зарипова как добросовестного учёного, ценят в нём отзывчивого товарища и всегда рады сотрудничеству с ним. Мы желаем Вам, дорогой Зарип Саидович, здоровья и дальнейших творческих успехов!

Д. Шестаков

ОЛЕГУ ВИКТОРОВИЧУ СТАРКОВУ – ШЕСТЬДЕСЯТ!

Доктор юридических наук, профессор, полковник внутренней службы в отставке, соучредитель и вице-президент Российской криминологической ассоциации, главный редактор федерального журнала «Российский криминологический взгляд» О.В. Старков 26 ноября 2012 года отметил юбилей!

Нас, профессиональных криминологов, не так уж много в России. Почти все мы друг с другом знакомы. И, конечно, сложившийся круг, да и саму отечественную науку о преступности во второй половине минувшего и начале нынешнего века нельзя себе представить без профессора Олега Викторовича Старкова.

Пути наши не раз пересекались — и в Санкт-Петербурге, и в Москве, и на юге нашей Родины. Эмоциональный, неуёмный человек, которому трудно бывает остановиться — никогда не укладывающийся в установленные временные рамки выступления, пишущий объёмные книги. И, как я заметил, весьма ранимый.

В науку о преступности Олег Викторович вошёл с добротным исследованием насилия, совершаемого в быту, о котором им было заявлено в хорошей статье «О причинах бытовых преступлений», опубликованной в Омске в 1974 г. Затем в 1981 г. он защищает кандидатскую диссертацию «Роль криминогенной ситуации в бытовых насильственных преступлениях». (Научный руководитель — сама Нинель Фёдоровна Кузнецова). О.В. Старков глубоко изучил вопросы бытовой

несовместимости, проведя сопоставление убийц с выжившими потерпевшими. Он разработал методику вхождения сотрудников правоохранительных органов в криминогенные ситуации и разрешения их изнутри посредством групповой профилактики. (См. его монографию: «Бытовые насильственные преступления. Причинность, групповая профилактика, наказание: Монография». — Рязань: РВШ МВД РФ, 1992).

Круг его дальнейших научных интересов широк: от методологии криминологии и теории права до групповой профилактики преступлений, в разработку приёмов которой он внёс существенный вклад. Немало сделано Олегом Викторовичем в русле научной школы преступных подсистем — в криминотеологию, и, конечно, в формирование криминопенологии как отрасли науки о преступности. К числу его заслуг помимо прочего относится разработка критериев и показателей эффективности протекания наказания и мер уголовно-правового характера. (Его: «Введение в криминопенологию: Монография». — Уфа: УВШ МВД РФ, 1997; «Основы криминопенологии: Моногра-

фия». — Уфа: УВШ МВД РФ, 1997.). В 1998 г. О.В. Старков защитил докторскую диссертацию «Криминологические проблемы исполнения уголовного наказания» (научный консультант — опять же отечественная знаменитость, Эдуард Филиппович Побегайло).

Профессором Старковым немало сделано нужного для разработки мер противодействия преступности неформальных молодёжных объединений, а также массовых и религиозных преступлений. Впрочем, он приложил руку к большинству разделов нашей науки. Многосторонняя исследовательская и преподавательская работа Олега Викторовича привела его к написанию большого учебника «Криминология. Общая, Особенная и Специальная части». — СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. (1047 страниц).

К числу несомненных заслуг Олега Викторовича относится основание им в 2005 г. и научное редактирование журнала «Российский криминологический взгляд», увесистого, многостороннего, со-

держательного...

Помню, как в перерыве между заседаниями на одной научной конференции мы со Старковым, продолжая научную беседу, купались в Чёрном море, а потом по его приглашению поехали в Геленджик, где с моторной лодки его приятеля попробовали рыбачить в заливе. Наживки у нас не было. Я держал в руках удочку, кажется, второй раз в жизни и был немало удивлён тому, что мелкие серебристые рыбки сами нанизывались на пустые крючки. Безоглядно набрасывались... Поглощённый красотой природы — берег вдали, солнечный луч сквозь дождичек, — я не требовал тому объяснения. Может быть, удачу притягивал Олег?

До сих пор — первые шестьдесят лет — жизнь Олега Викторовича Старкова, судя по научным результатам, складывается удачно, чего я ему искренне желаю и на последующие шестьдесят. (Это — по меньшей мере).

Д. Шестаков

К НАШИМ АВТОРАМ

Журнал «Криминология: вчера, сегодня, завтра» — первый в истории России криминологический журнал. Редакция уделяет особое внимание содержательной стороне представляемых для опубликования материалов.

Наш журнал включён в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

При решении вопроса об опубликовании статьи предпочтение отдаётся тем статьям, в которых имеется связь с научной деятельностью невско-волжской научной школы криминологии и Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, а именно присутствуют сопоставления с теоретическими положениями, результатами и предложениями нашей школы, и с выступлениями учёных, прозвучавшими на заседаниях клуба.

Основные требования, предъявляемые редакцией к статьям

1. Представляемая статья не должна быть опубликована или направлена в другие издания.

2. Статья должна быть криминологической, обладать научной новизной и теоретической значимостью, раскрывать значимые вопросы криминологии с учётом сопоставления с теоретическими положениями, результатами и предложениями невско-волжской криминологической школы, выступлениями учёных, прозвучавшими на заседаниях клуба или опубликованными в нашем журнале.

3. Объём статей студентов, аспирантов, соискателей учёной степени кандидата наук — 3–4 страницы формата А4 (до 10 000 знаков с пробелами), кандидатов наук — до 10 страниц (до 20 000 знаков с пробелами), докторов наук — до 20 страниц (до 40 000 знаков с пробелами).

4. Статья оформляется в соответствии с межгосударственным стандартом ГОСТ 7.1-2003. Набор статьи: верхнее и нижнее

поле — по 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм. Шрифт — Times New Roman; размер шрифта основного текста — 14, сносок — 12; межстрочное расстояние — полуторное; абзацный отступ — 1,25. Формулы выравниваются по центру, их номера в круглых скобках по правому краю; таблицы нумеруются сверху (Таблица 1 — Название), рисунки нумеруются снизу (Рисунок 1 — Название). Ссылки на источники и литературу выполняются постранично внизу страницы. Не допускается использование вместо буквы «ё» буквы «е». Нумерация страниц — внизу, посередине, на каждой странице. Номер (знак) сноски, если ему предшествует знак препинания, следует за знаком препинания, без интервала.

5. Статья должна быть снабжена выжимкой (аннотацией) и ключевыми словами на русском языке, а также переводом названия статьи, ключевых слов и выжимки на английский язык (объём до 700 знаков с пробелами). Выжимка не должна содержать в себе вводящих уведомлений: «в статье рассматривается, идёт речь...» и т.п.

6. Статья оформляется в соответствии с прилагаемым редакционной коллегией образцом оформления материалов статьи.

Правила представления статей

1. Для опубликования статьи автор должен отправить заявление (в сканированном виде или оригинале) на имя ответственного редактора журнала о публикации статьи (форма заявления размещена на сайте Клуба), а также сведения об авторе по установленной форме (форма размещена на сайте Клуба) на электронный адрес Клуба: criminology_club@mail.ru или по почтовому адресу Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, юридический факультет: 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, корп. 20, каб. 5–6.

2. Представляемая статья должна соответствовать требованиям, предъявляемым редакцией к публикуемым материалам.

3. Статья представляется в установленные редакцией сроки:

в № 1 (январь) — до 1 ноября предшествующего года;

в № 2 (апрель) — до 1 февраля текущего года;

в № 3 (июль) — до 1 мая текущего года;

в № 4 (октябрь) — до 1 августа текущего года.

4. Студенты, аспиранты, соискатели учёной степени кандидата наук для опубликования статьи должны представить рекомендацию (в сканированном виде или оригинале), подписанную лицом, имеющим учёную степень и заверенную печатью учреждения или организации. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень представленного материала и делаются выводы о возможности опубликования статьи в журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

Порядок рассмотрения статей

1. В течение 3 (трёх) дней с момента поступления в редакцию статьи автору по указанному им адресу электронной почты направляется уведомление о поступившей в редакцию статье.

2. Поступившая статья рассматривается редакционной коллегией в течение 30 (тридцати) дней.

3. По истечении установленного в п. 2 срока редакция сообщает автору об удовлетворении его заявления об опубликовании или об отказе в публикации.

4. Статья может быть отправлена автору на доработку.

Особые условия

при опубликовании статьи

1. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, список цитат, криминологических, социологических, психологических и иных данных, имён собственных и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

2. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на размещение её в сети Интернет на официальных сайтах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru),

Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (<http://www.criminologyclub.ru/>), других справочно-правовых системах, с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

3. Решение об опубликовании или удалении статьи принимает редакционная коллегия.

4. Статья, представленная редколлегии журнала, не будет принята к рассмотрению, если автором не соблюдены требования, предъявляемые редакцией, или правила представления статей. В случае отказа в публикации статьи редакция обязана уведомить автора.

5. Редколлегия журнала примет любые пожелания по совершенствованию её деятельности. Возникающие вопросы разрешаются путём электронной переписки.

6. Редакционная коллегия правомочна осуществлять научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором.

7. Представленные статьи публикуются бесплатно.

*С уважением,
редколлегия журнала*

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА СТАТЬИ

Образец заглавия статьи, выжимки (аннотации) и ключевых слов

В.В. Лунеев*

PUSSY RIOT В ХРАМАХ РОССИИ

Выжимка: Действия Pussy Riot являются хорошо спланированной операцией по уничтожению российской государственности через дискредитацию русской православной церкви.

Ключевые слова: религия; оппозиция; либерализм; государственность.

V. V. Luneev

PUSSY RIOT IN RUSSIAN CHURCHES

Summary: Pussy Riot's actions is a well-planned campaign to destroy Russian statehood through the imputation of the Russian orthodox church.

Key words: religion; opposition; liberalism; statehood.

Сведения об авторе в начале публикации

* **Виктор Васильевич Лунеев** — доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: luneevvv@yandex.ru
© В.В. Лунеев, 2013

Примеры оформления ссылок

Статья из журнала:

Харламов В.С. Старшее поколение и внутрисемейное насилие в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 27 (4). — С. 60.

Монография:

Дикаев С.У. Террор, терроризм, преступления террористического характера. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. — С. 54–55.

Автореферат:

Кабанов П.А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологиче-

ское исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 3.

Диссертация:

Шестаков Д.А. Криминологические проблемы семейных отношений: дис. ... докт. юрид. наук. — Л., 1986. — С. 15.

Интернет-документы:

<http://www.talkov.su/murder.php> (дата обращения: 25.11.2012).

Данилов А.П. Родолюбие спасёт мир. URL: <http://crimpravo.ru/blog/1800.html> (дата обращения: 25.11.2012).

Хасавюрт: милицейские машины смяло будто фольгу. URL: <http://news.mail.ru/incident/4651624/> (дата обращения: 25.11.2012)

Книга без ответственного редактора:

Антоян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. — М., 2001. — С.147.

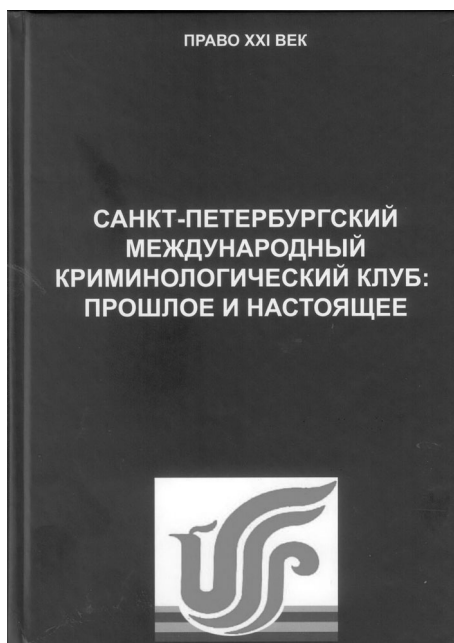
Книга с ответственным редактором:

Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2004.

Статья в газете:

Фалалеев М. «Стоп» маршрутке // Российская газета. — 2012. — 10 октября. — С. 6.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КЛУБ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

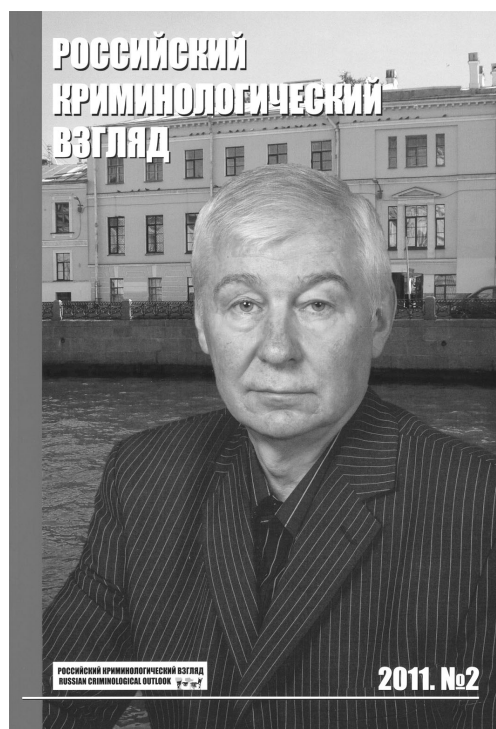
Д.А. Шестаков, С.У. Дикаев, А.П. Данилов «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб: прошлое и настоящее». — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012.

В книге освещены основные направления деятельности единственного в своём роде научного сообщества — Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Представлены летопись клуба с 1981 года по настоящее время, а также летопись публикаций в его журнале «Криминология: вчера, сегодня, завтра».

Документально отражены острые обсуждения проблем преступности, в которых принимали участие Ханс-Йорг Альбрехт, Ю.М. Антонян, В.А. Бачинин, В.Н. Бурлаков, М.М. Бабаев, Я.И. Гишинский, Ю.В. Голик, Э. Гондолф, Г.Н. Горшенков, А.П. Данилов, С.У. Дикаев, А.И. Долгова, У. Зибер, С.М. Иншаков, П.А. Кабанов, Г.Л. Касторский, В.В. Колесников, А.В. Комарницкий, Х. Кури, Н.А. Лопашенко, И.Н. Лопушанский, О.В. Лукичѐв, Г.С. Мауленов, С.Ф. Милюков, В.А. Номоконов, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло, В.И. Поклад, А.Л. Сморгунова, Б.Б. Тангиев, В.С. Харламов, Д.А. Шестаков и многие другие.

По вопросам приобретения можно обращаться по электронному адресу Клуба: criminology_club@mail.ru

ЖУРНАЛ «РОССИЙСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД»

Уважаемые читатели и авторы!

Редакционная коллегия ежеквартального научно-практического журнала «Российский криминологический взгляд» приглашает Вас к сотрудничеству. Журнал зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати 8 апреля 2004 г. (Свидетельство ПИ № 77-17902) и включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий по праву, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук. В редколлегию журнала входят: О.В. Старков (главный редактор); В.Н. Орлов (помощник главного редактора); А.Я. Гришко, И.М. Мацкевич, Э.Ф. Побегайло (заместители главного редактора); Е.О. Алауханов, В.М. Анисимков, М.М. Бабаев, А.Я. Вилкс, Л.А. Воскобитова, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Г.Н. Горшенков, А.Б. Джурич, Д.А. Корецкий, А.Н. Костенко, С.Я. Лебедев, В.В. Лунеев, С.В. Максимов, С.Ф. Милуков, М.Г. Миненок, М.С. Нарикбаев, В.А. Номоконов, А.И. Рарог, В.И. Селивёрстов, С.Л. Сибиряков, О.В. Филимонов, Д.А. Шестаков, В.Е. Эминов (члены редколлегии); Д.В. Закаляпин, Э.Л. Сидоренко, А.П. Скиба (ответственные секретари); А.О. Магуза (ассистент журнала).

Публикуются работы о преступности, преступном поведении и их типах, причинах, условиях, профилактике и личности преступника. На страницах журнала представлены более 50 рубрик.

Материалы, предлагаемые к опубликованию, предложения и замечания следует направлять: 1) в печатном или рукописном виде Орлову Владиславу Николаевичу по почтовому адресу: 121357, Москва, ул. Кременчугская, 22, кв. 17; 2) в электронном виде по адресам: olegstar@mail.ru; olegsuperstar@yandex.ru; vlad-orlov@mail.ru. О том, будет ли опубликована его или их статья, авторы могут узнать по тел.: 8-915-092-99-45 у главного редактора журнала Старкова Олега Викторовича или же по тел.: (495) 445-14-13; 8-915-051-16-15 у помощника главного редактора журнала Орлова Владислава Николаевича.

**КРИМИНОЛОГИЯ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Журнал Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба

№ 1 (28), 2013

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,41.
Тираж 1050 экз.

Отпечатано в ЦКП «Регион-Про»
199106, Санкт-Петербург, Большой пр. В.О., 83, офис 336
тел./факс: (812) 449-3917
e-mail: 4493917@inbox.ru